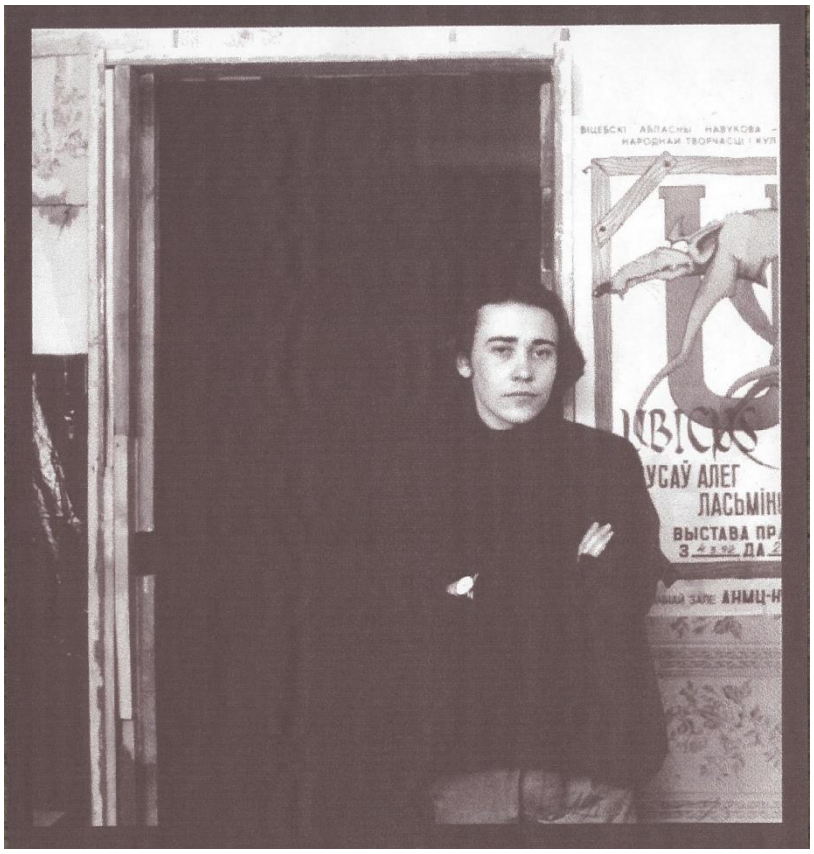


Олег Прусов

(1970 – 1996)

Контактная информация:
Прусов Станислав Геннадьевич
Зам. начальника управления –
начальник отдела бизнес-планирования ПЭУ
РУП «Витебскэнерго»
кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник Института «Энергетики»
Национальной академии наук Беларуси
моб. +375-29-713-78-12
Prusovstas@mail.ru
Prusovstas@vitebsk.energo.by

О ТВОРЧЕСТВЕ

Олег Прусов… В истории витебского искусства конца XX века, пожалуй, невозможно найти более цельную и яркую фигуру художника, мировосприятие которого так выразительно и поэтически многопланово раскрылось бы сразу в нескольких видах искусства – в живописи, графике, поэзии и прозе.

Прусов Олег Викторович (13.06.1970 – 11.09.1996) родился в Витебске, учился в СШ № 25 (1977 – 1986). Окончил Минское художественное училище им. А. Глебова (1990), учился в Белорусской академии искусств (1990–93). Вместе с В. Лосьминским создал группу «УБИКУС», первая выставка которой состоялась в Минске в 1989 году. За неполные 6 лет группа провела 13 выставок, основными среди которых были: выставка «Танцующих мгновений след» (Минск, 1991), выставка «Ubicus-Art» (Витебск, Минск. 1992), выставка «Каменный дождь» (Витебск, 1993; Полоцк, 1994), обзорная выставка группы (Минск, 1994), «Сны из левого глаза» (Витебск, Полоцк, Новополоцк, Москва, 1995). Последний проект «Месяц Ай» творческого союза, который планировалось провести в 1996 году, так и не состоялся из-за смерти О.Прусова.

За свою недолгую жизнь Олег Прусов создал около двухсот живописных и графических работ. 1990-е годы – период его творчества – были далеко не самым благоприятным временем для изысканной философии этого молодого художника, утончённой поэтики его мировосприятия и, тем не менее, на выставки группы «Убикус», в которой Олег Прусов вместе с В. Лосьминским экспонировал свои работы, стояли очереди, а по рукам «ходили» ещё нигде не опубликованные стихи Олега. В 1991 году О.Прусов становится Лауреатом выставки-конкурса «Работа года» (Витебск), а в следующем – 1992 году, дипломантом конкурса на «Лучшую работу года – 91», в жюри которого входили ведущие искусствоведы Государственной Третьяковской галереи, сотрудники Министерства культуры РФ. В 1995 году О.Прусов становится лауреатом «Белого фестиваля искусств» (Минск). В этом же году был издан сборник его стихов «Соната для флейты с марионеткой».

Олег Прусов смог отразить в своих работах тот мир, в котором пытался выжить, в полном смысле этого слова, сохраняя в душе эту уникальную способность – верить в великую силу человеческих мыслей и чувств. Живописные произведения О. Прусова буквально пронизаны поэтическими метафорами, каждая из которых являет нам яркие и неординарные образы. Архетипы поэтического мира, представленные в его графических миниатюрах, также наполнены глубоким смыслом и эмоционально очень выразительны. Несмотря на наступающую слепоту, художник продолжал работать до последних дней жизни.

После смерти художника в 1996 – 1997 г.г. выставки работ О. Прусова состоялись в Витебске, Полоцке, Новополоцке. В 1997 году был издан второй сборник стихов «Соната для флейты: проза, стихотворения, поэтические миниатюры, притчи», в который вошли стихотворения, миниатюры и притчи 1988 – 1996 гг. И лишь через двадцать лет в 2017 году состоялась выставка живописи и избранной графики «Я вхожу в этот город...» в Военно-историческом музее г. Лиозно, а также выставка графики О. Прусова «Приподняв край тучи» в Витебском Центре современного искусства. Сегодня работы Олега Прусова находятся в музее М. Шагала в Витебске, в частных коллекциях и галереях Беларуси, России, Дании, Швеции, Германии, Голландии. Но основная часть работ хранится в семье художника.

Михась Цыбульский,
кандидат искусствоведения

«С натюрмортами Олега Прусова в белорусское искусство пришло „остроумие“. Не шутка или юмор, а блеск наблюдения за формой и цветом, сложностью ассоциаций, синтез факта и фантазии»[2].

«Для Олега Прусова искусство было умственным мостиком, перекинутым от реальности к фантазии, траекторией между этими двумя полюсами. Вдохновение — это и острое, проникновенное наблюдение реальности, и свободная игра в переход от реального к воображаемому. От зрителя ожидается та же напряженность воображения, что свойственна самому автору».

«Для Олега Прусова Слово является тем же пластическим, творческим элементом, что и линия, цвет, форма, ритм…»

«Сегодня творчество Олега Прусова поражает реализованностью, действием, самим количеством сделанного».

Лариса Михневич
искусствовед

«Мир Олега Прусова вбирает в себя не только знаки сущего, но и образы, существование которых может составить то, что называется «сюжет».

«Вообще линия как средство выразительности крайне важна для Олега Прусова, она — всегда граница, отделяющая его образы от нас и нашего мира».

«Напряженная экспрессия линий не только ограничивает их телесную суть, но и бесконечно усиливает драматургию сюжета, за которым извечная неспособность к пониманию другого существа и обреченность на тоску и одиночество».

Любовь Базан
Директор Арт-центра Марка Шагала

Перед Вами мои работы

Не пытайтесь примерить к ним каждодневные одежды яви. Это мой мир, моя сказка, мой вымысел. И то, что обыденно в этом мире, недопустимо в том, созданном мной, и странности того мира не измеряйте нормой привычного нам. Как всякий вымысел, мой впитал в себя черты реально существующего – и чайник назовем чайником, стул – стулом, но не бросайте ради этого мою сказку в провинцию к натуре. Мой стул не будет стоять, чайник не наполнишь водой. Эти вещи лишены утилитарности, лишены своей будничной сущности. Они призваны мной участвовать в действе, их форму я наполнил новым содер-жанием. Мои работы – моя азбука. Останавливая взгляд, удивляясь, любуясь закатом и ржавым гвоздем, перевожу запомнившееся в свои символы, свою азбуку. Иероглифы складываются в понятия, рисуют картину моих мироощущений. Это мой путь, я выбрал его. Туго натянутая нить, две противоположности по сторонам. Иду, черпая силы из них, соединяя их, отказываясь от них. Иду по нити между восточным символизмом и западной «изобразительностью», между декоративизмом и валерной живописью, между монохромией и многоцветием, между реализмом и беспредметным искусством. Иду соединяя их идеи, но не реставрируя их суть. Иду, или стараюсь идти. Это мой путь, моя сказка, мой способ выжить.

Олег Прусов

Диплом «Лучшая работа года – 91»
Государственной Третьяковской галереи
г.Москва, Российская Федерация

Семья

Олег родился 13 июня 1970 году в г. Витебске, в семье, имевшей достаточно интересные корни, свою историю, созвучную с историей страны, с неожиданными переплетениями судеб, повлиявшими на творчество будущего художника.

Дед (по отцовской линии) — Михаил Владимирович Прусов, бригадир колхоза, участник трёх войн (финской, Великой отечественной и японской), кавалер ордена Красной Звезды, трагически скончавшийся 15.03.1948 г. спустя 2,5 года после возвращения с последней войны.

Бабушка (по отцовской линии) — Ольга Емельяновна Прусова, рабочая колхоза, удостоена ордена «Знак Почёта» и двух бронзовых медалей ВДНХ СССР, поднимавшая двух сыновей, познакомившая внука с основами православия.

Дед (по материнской линии) — Ринейский Адам Захарович принадлежал к осевшему на Гомельской земле шляхетскому роду, владевший кузнечным ремеслом.

Бабушка (по материнской линии) — Ринейская Розалия Симфоровна также принадлежала к дворянскому сословию, познакомила юного Олега с основами католицизма.

Отец — Прусов Виктор Михайлович – строитель, прошедший трудовой путь от простого каменщика до заместителя генерального директора по строительству Витебского ДСК. За многолетний трудовой путь возвел сотни жилых зданий и объектов в г. Витебске и др. населенных пунктов. Участник операции «Дунай» (ввод советских войск в Чехословакию в 1968 г.), кавалер ордена Красной звезды.

Мать — Прусова Виктория Адамовна бригадир в трикотажном ателье.

Дядя — Прусов Петр Михайлович – советский и российский автомобильный конструктор, доктор технических наук, главный конструктор ОАО «АвтоВАЗ», легендарный создатель ВАЗ 2121 «Нива», руководитель группы по строительству заводов ОАО «АвтоВАЗ» в Чеченской Республике г. Аргун, и «Азия-Авто» Казахстан, Основатель и Президент Российской Ассоциации автомобильных конструкторов. Имел около 40 авторских свидетельств и патентов на изобретения.

Входил в состав ограниченного контингента советских специалистов в Алжире по разминированию алжиро-марокканской и алжиро-тунисской границ (1963 г.). Здесь Прусов получил тяжёлое ранение, считался погибшим (на установленном в Алжире гранитном обелиске среди погибших здесь при разминировании (114 человек, — французов и русских), ошибочно внесена и фамилия Прусова). Имеет ряд правительственных наград, званий, обладатель (единственный из стран СНГ) почетной награды Американского Биографического Института за выдающиеся достижения в автомобильной индустрии. Ему установлена именная звезда на Аллее технической славы в г. Флинт (США).

Лично был знаком с Марком Шагалом. Будучи земляком, неоднократно общался с ним в Париже: вначале на приемах в Советском посольстве, затем в парижских кафе и мастерской мастера, о чем рассказывал своему юному племяннику Олегу Прусову.

Брат — Прусов Геннадий Викторович — подполковник ВВС Российской Федерации, имеет ряд наград за военную службу.

С.Г. Прусов
племянник О.Прусова

Основные даты

Родился 13 июня 1970 г.
1977 – 1986 г.г. – учеба в СШ №25 г. Витебска.
1986–1990 г.г. – учеба в минском художественном училище им. Глебова.
1990–1993 г.г. – учеба в Белорусской Академии искусств.
1989 г. – создание творческой группы «Убикус».

- Выставка молодых художников МХУ, г. Минск, Беларусь.

1991 г.

- Выставка «Танцующих мгновений след», Дворец культуры профсоюзов, г. Минск, Беларусь.
- Лауреат выставки-конкурса «Работа года», Центральный выставочный зал, г. Витебск, Беларусь.

1992 г.

- Дипломант конкурса на «Лучшую работу года – 91» Государственной Третьяковской галереи г. Москва Российская Федерация по живописи за работы «Третий источник света», «Красный сервиз».
- Выставка группы «Убикус» «Ubicus-Art», выставочный зал АНМЦ г. Витебск, Беларусь.
- Выставка группы «Убикус» «Ubicus-Art», галерея «Мастацтва», г. Минск, Беларусь.

1993 г.

- Выставка группы «Убикус» «Каменный дождь», музей Марка Шагала, г. Витебск, Беларусь.
- Выставка памяти Л.Зосимович, музей Марка Шагала, г. Витебск, Беларусь.

1994 г.

- Выставка группы Убикус «Каменный дождь», Полоцкая картинная галерея. г. Полоцк, Беларусь.
- Обзорная выставка группы «Убикус», галерея Класс-клуба, г. Минск, Беларусь.

1995 г.

- Лауреат «Белого фестиваля искусств», Дворец искусств, г. Минск, Беларусь.
- Выставка группы «Убикус» «Сны из левого глаза», музей Марка Шагала в г. Витебск, Беларусь.
- Выставка группы «Убикус» «Сны из левого глаза», Музей Белорусского книгопечатания, г. Полоцк, Беларусь.
- Выставка группы «Убикус» «Сны из левого глаза», городская галерея, г. Новополоцк, Беларусь.
- Выставка группы «Убикус» «Сны из левого глаза», ВЦ «Московская галерея», г. Москва, Кузнецкий мост (Российская Федерация).
- Выход сборника стихов «Соната для флейты с марионеткой». В сборник вошли стихотворения 1988 – 1994 г.г.

1996 г.

- Выставка «6 художников из Витебска – 76 лет после Марка Шагала», галерея Анны Павловой, г. Дордрехт, Голландия.
- Начало подготовки к выставке «Месяц Ай» – проект так и не состоялся…

Олег Прусов трагически скончался после продолжительной болезни 11 сентября 1996 г.

1996 – 1997 г.г. (после смерти).

- Выставка работ О. Прусова. Выставочный зал ОНМЦ НТ г. Витебск, Беларусь.
- Выставка работ О. Прусова. Музей Марка Шагала г. Витебск, Беларусь.
- Выставка работ О. Прусова. Полоцкая картинная галерея. г. Полоцк, Беларусь.
- Выставка работ О. Прусова. городская галерея, г. Новополоцк, Беларусь.

1997 г.

- Выход второго сборника стихов «Соната для флейты: проза, стихотворения, поэтические миниатюры, притчи». В сборник вошли стихотворения, миниатюры и притчи 1988 – 1996 г.г.

1998 г.

- Выход телепрограммы на телеканале Витебского Телевидения (Беларусь) в программе А-4 творческого объединения «Акенца» автора Ляденко Руслана Витебского телерадиообъединения «Олег Прусов, Виктор Лосминский и их творческая группа «Убикус».

2000 г.

- Выход перекидного календаря с графикой Олега Прусова фирмы Белвест.

2001 г.

- Включение статьи о творчестве О.Прусова в 13-й том (стр.51 – 52) «Белорусской энциклопедии» в 18 томах. Автор статьи – Н.В. Сидоренко.

2004 г.

- Создание сайта памяти творчества Олега Прусова Мозырьским музыкантом (барабанщиком) и по совместительству энергетиком Александром Карповичем www.prusovsite.ru.

2007 г.

- Создание Сергеем Сотниковым скульптуры «Ангел», посвященная творчеству художника Олега Прусова. Расположена в центре народных ремесел и искусств «Двина» (ул. Чайковского г. Витебск).

2011 г.

- Включение статьи о творчестве О.Прусова во 2-й том, книга 2 (стр.385) Энциклопедии «Регионы Беларуси» в 7 томах. Автор статьи – М.Л. Цыбульский.

2017 г.

- Выставка живописи и избранной графики «Я вхожу в этот город...» Военно-исторический музей г. Лиозно, Беларусь.
- Выставка графики и поэзии О. Прусова «Приподняв край тучи» Центр современного искусства, г. Витебск, Беларусь
- Выход программы Татьяны Ивановской «Время-Art» 147 выпуск на Телерадиокомпании «Витебск», посвященная открытию выставки графики и поэзии О. Прусова «Приподняв край тучи».

2018 г.

- Выставка живописи О. Прусова «Месяц Ай», Центр современного искусства, г. Витебск, Беларусь.
- выход программы Татьяны Ивановской «Время-Art» 154 выпуск на Телерадиокомпании «Витебск», посвященная открытию выставки живописи О. Прусова «Месяц Ай»;
- выход программы Татьяны Ивановской «Время-Art» 155 выпуск на Телерадиокомпании «Витебск», рассказывающая об выставке живописи О. Прусова «Месяц Ай»;
- выход программы «АРТиШОК» на спутниковом канале БТ-24, рассказывающая об выставке живописи О. Прусова «Месяц Ай»;

- выход статей в газетах, журналах, интернет изданиях, посвященных открытию выставки «Месяц Ай» в Витебске, а затем и в Бресте (Витебские Вести, tut.by, Белта, Бинокль, Виртуальный Брест, сайт ХГ ВГУ им. Машерова и т.д.);
- выставка живописи О. Прусова «Месяц Ай», ГУК "Брестский областной общественно-культурный центр", г. Брест, Беларусь;
- рассмотрение литературного творчества Олега Прусова в рамках литературно-образовательного проекта «Многоточие» под названием «Саната для флейты с марионеткой» в Центральной городской библиотеке имени Горького, г.Витебск, Беларусь.

2019 г.

- Выставка живописи О. Прусова «Месяц Ай», Выставочный зал УК «Музей истории Могилева.
- выход сюжета посвященного открытию выставки живописи О. Прусова «Месяц Ай» программы Телерадиокомпании «Могилев» БТ-4 «Втретимся у звёздочета».
- Выставка живописи О. Прусова «Месяц Ай», Картинная галерея Г.Х. Ващенко, г. Гомель, Беларусь.

Все открытия выставки «Месяц Ай» широко освещались в прессе и сети Интернет.

Библиография о жизни и творчестве

1. Прусов, О. Каменный дождь [Изоматериал]: выставка творческого союза «Убикус», Витебск, 1993 / О. Прусов, В. Лосьминский. — Витебск: Арт-центр Марка Шагала, 1993. — 4 с.
2. Прусов, О. Соната для флейты: проза, стихотворения, поэтические миниатюры, притчи, 1988—1996 / О. Прусов. — Витебск: ПКП СІТІ-ЛРТ, 1997. — 141 с.
3. Прусов, О. Сны из левого глаза [Изоматериал]: живопись, графика / О. Прусов, В. Лосьминский. — Витебск: Творч. группа «Убикус», 1994. — 4 с.
4. Сідарэнка, Н. В. Прусаў Алег Віктаравіч / Н. В. Сідарэнка // Беларуская энцыклапедыя: у 18 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. — Мн.: БелЭН, 2001. — Т. 13. — С. 51—52.
5. Цыбульский, М. Л. Прусов Олег Викторович / М. Л. Цыбульский // Регионы Беларуси: энцикл.: в 7 т. / редкол.: Т. В. Белова (гл. ред.) [и др.]. — Мн.: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2011. — Т. 2: Витебская область. Кн. 2. — С. 385.
6. Артемова, Т. «Убикус» как образ жизни ... / Т. Артемова // Віцебскі рабочы. — 1995. — 4 сак.
7. Базан, Л. Адлюстраваная рэальнасць / Л. Базан // Мастацтва. — 1996. — № 1. — С. 22—23.
8. Выставка, публикации, память // Витебский курьер. — 1997. – 9 июля. — С. 1.
9. Каржыцкая, Н. Прытча аб небе, або Аб тым, як рудая сініца стала сіняй птушкай / Н. Каржыцкая // Культура. — 1997. — 23—29 жн. — С. 8—9.
10. Клемят, Л. О выставке работ художника О. Прусова / Л. Клемят // Витебский курьер. — 1997. — 11 апр. — С. 2.
11. Никитина, Л. «Сны из левого глаза» / Л. Никитина // Витебский курьер. — 1995. — 20 янв. — С. 3.
12. Он ушел ... Год прошел // Віцьбічы=Витьбичи. — 1997. — 13 сент. — С. 2.
13. Пастернак, Т. «Живопись — мой способ выжить» / Т. Пастернак // Народнае слова. — 1997. — 15 крас. — С. 6.
14. Сергеев, С. Завещание Олега Прусова / С. Сергеев // Народная газета. — 1997. — 23 крас. — С. 4.
15. Сідарэнка, Н. Лісты ў адвечнае / Н Сідарэнка, М. Цыбульскі // Маладосць. — 1997. — № 8. — С. 222—227.
16. Сидоренко, Н. Мир грустного Арлекина / Н. Сидоренко // Віцьбічы=Витьбичи. — 1997. — 12 апр. — С. 3.
17. Соловьева, Т. Ослепительный миг / Т. Соловьева // Витебский проспект. — 2010. — 21 окт. — С. 23.
18. Соловьева, Т. Памяти Олега Прусова / Т. Соловьева // Витебский курьер. — 2000. — 30 мая. — С. 4.
19. Федарыстава, Н. «UBICUS ART» / Н. Федарыстава // Віцьбічы=Витьбичи. — 1992. — 6 марта.
20. Цыбульскі, М. Гармонія і метафізіка пачуццяў / М. Цыбульскі // Маладосць. — 1997. — № 8. — С. 225—227.
21. Цыбульскі, М. «Мае працы — мая азбука» / М. Цыбульскі // Літаратура і мастацтва. — 1997. — 6 чэрв. — С. 14.
22. Шаблева, Н. Его имя не умрет / Н. Шаблева // Віцьбічы=Витьбичи. — 1998. — 13 янв. — С. 4.
23. Прусов, О. Соната для флейты с марионеткой, 1988—1994 / О. Прусов. — Витебск: ПКП СІТІ-ЛРТ, 1994. — 92 с.
24. Стуканова Д. Н. Пётр Прусов. Серия «Творцы Автоваза», выпуск 6, / Д. Н. Стуканова, редактор-составитель А. Е. Степанов, - Тольяти, 2011, 192 с. (+240 с. илл.). – стр.23-26, 126-129.
25. 2000 [Изоматериал]: Олег Прусов: [Календарь] / Belwest, 1999.
26. Прусов, О. Ностальгический сон. / Литературно-публицистический журнал «Идиот», №33. 1997 г.
27. Прусов, О. Чайная церемония / Литературно-публицистический журнал «Идиот», №33. 1997 г.

28. Прусов, О. Дуэль / Литературно-публицистический журнал «Идиот», №33. 1997 г.
29. Прусов, О. Беспечный летний день / Литературно-публицистический журнал «Идиот», №33. 1997 г.
30. Михневич, Л. Жыцшцё як творчы акт / Літаратурна-мастацкі альманах. / Украина. Симферополь / №6.1998, с. 87-89.
31. Прусов, О. Бесклапотны летні дзень / Літаратурна-мастацкі альманах. / Украина. Симферополь / №6.1998, с. 89-93.
32. Прусов, О. Бесклапотны летні дзень / Літаратурна-мастацкі альманах. / Украина. Симферополь / №6.1998, с. 93-95.
33. Прусов, О. Карціна. / Літаратурна-мастацкі альманах. / Украина. Симферополь / №6.1998, с. 95-99.
34. Серова, Е. Воспоминания без даты. Памяти Олега Прусова / Красота от А до Я / №1(9) 1997. С.40-41.
35. Галушкина, Н. Сны и реальность / Н. Галушкина // Витебский курьер. – 1995. – 17 мар. – С.4.
36. Бирюлькова, Л. Я вхожу в этот город / Л. Бирюкова // Сцяг Перамогі. – 2017. - №32. – 28 крас. – С.6.
37. Газета Витьбичи №28 (561) от 4 марта 1995 г.
38. Скинтиян, Н. «Месяц Ай»: уникальная выставка в нашем городе / Н. Скинтиян // Вечерний Гомель. – 20019. - №43 (1659). – 23 окт. – С.7.
39. Выставка памяти Витебского художника Олега Прусова в Бресте // Коммунист Беларуси. – 2018. - №45 (1141). – 8 нояб. – С.8.
40. Прусов, О. Картина / Последняя уличная поэзия, №2. 2019 г. С.9-20.
41. Прусов, О. Притча о небе / Последняя уличная поэзия, №2. 2019 г. С.20.

Ссылки на основные интернет издания

1. Сайт памяти (https://prusovsite.ru/main/)
2. Прусов, Олег Викторович (https://ru.wikipedia.org/wiki/Прусов,_Олег_Викторович)
3. На его выставки стояли очереди. Витебску через 20 лет возвращают имя художника Олега Прусова (Читать полностью: https://news.tut.by/culture/579548.html?crnd=32943)
4. Прусов Олег Каталог Художники Витебщины (http://painters.vlib.by/ru/126-portfolio/zhivopis-grafika/prusov-oleg)
5. Продавец туманов и картины, написанные вслепую. Выставка Олега Прусова в Витебске вызвала интерес у горожан (http://vitvesti.by/kultura/prodavetc-tumanov-i-kartiny.html)
6. Многоточие. Олег Прусов. Соната для флейты с марионеткой (http://www.cbsvit.by/index.php/component/content/article/40-/1293-mnogotochie-oleg-prusov-sonata-dlya-flejty-s-marionetkoj)
7. Выставка памяти витебского художника Олега Прусова представлена в Бресте (читать полностью: https://www.belta.by/culture/view/vystavka-pamjati-vitebskogo-hudozhnika-olega-prusova-predstavlena-v-breste-324220-2018/) При любом использовании материалов активная гиперссылка на belta.by обязательна
8. Что делать, если тебе 26, ты художник и ты умираешь: выставка Олега Прусова открылась в Бресте (Читать полностью: https://binkl.by/read/doings/chto-delat-esli-tebe-26-ty-hudozhnik-i-ty-umiraesh-vystavka-olega-prusova-otkrylas-v-breste/) © BINKL.by
9. Олег Прусов БЕСПЕЧНЫЙ ЛЕТНИЙ ДЕНЬ (http://www.idiot.vitebsk.net/i33/prus5.htm)
10. «Я вхожу в этот город» (http://www.lioznonews.by/culture/я-вхожу-в-этот-город/)
11. Скульптура (http://sotnikov-art.ru/galereya/)
12. Открытие выставки живописи «Месяц Ай» (https://vsu.by/component/content/article.html?id=1386:otkrytie-vystavki-zhivopisi-mesyats-aj)
13. Открытие выставки живописи «Месяц Ай» (Брест) http://okcbrest.by/месяц-ай-олег-прусов/
14. Выставка «Месяц Ай», арт-платформа ТОК https://belarus24.by/shows/artishok-6/vystavka-mesyats-ay-atr-platforma-tok/
15. Выставка живописи и графики Олега Прусова (1970 – 1996) http://vaschenko.by/events/месяц-ай-олега-прусова/
16. «Месяц Ай»: выставка работ человека без времени 20 лет спустя https://vmogileve.by/news/3435/
17. Выставка картин витебского художника Олега Прусова открылась в Могилеве. Фото https://mogilevnews.by/news/21-02-2019-14-53/55664
18. **Выставка памяти витебского художника Олега Прусова представлена в Бресте** https://www.belta.by/culture/view/vystavka-pamjati-vitebskogo-hudozhnika-olega-prusova-predstavlena-v-breste-324220-2018/
19. Выставка Олега Прусова в Витебске вызвала интерес у горожан https://gorodvitebsk.by/news/15-02-2018/vistavka_olega_prusova
20. Выставка Олега Прусова в Могилеве (видео) https://www.tvrmogilev.by/ru/news/region/vystavka-olega-prusova-v-mogileve-video.html
21. https://folloart.com/tags/олег_прусов
22. Неординарный и не забытый. В Могилеве открывается выставка Олега Прусова
23. Неординарный и незабытый. В Могилеве открывается выставка Олега Прусова. https://news.tut.by/culture/626757.html

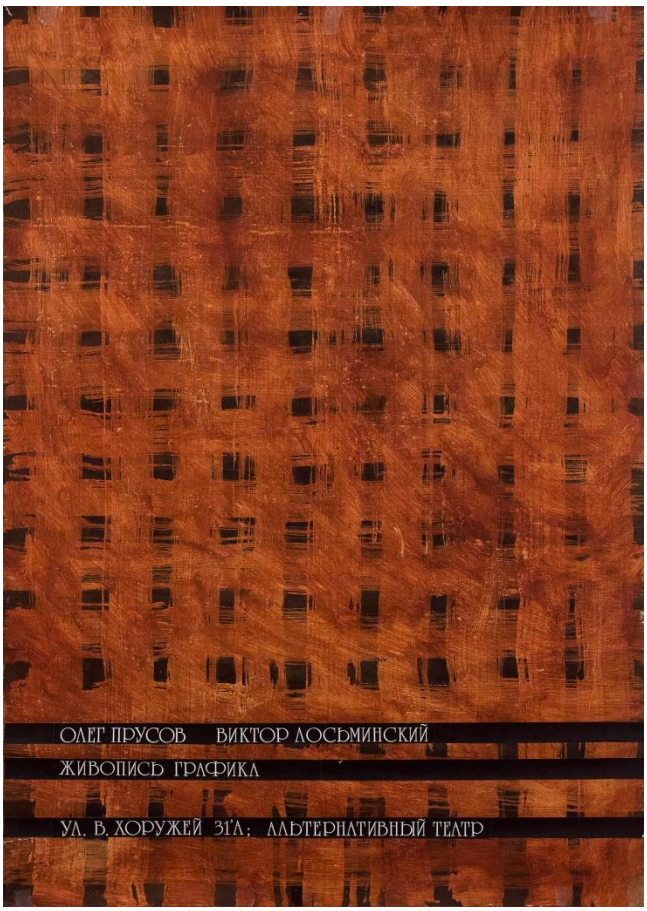
Выставки

Наименование	Год проведения	Плакат
1. Выставка молодых художников МХУ, г. Минск, Беларусь.	1989	
2. Выставка «Танцующих мгновений след», Дворец культуры профсоюзов, г. Минск, Беларусь.	1991	
3. Выставка-конкурс «Работа года», Центральный выставочный зал, г. Витебск, Беларусь.	1991	
4. Выставка группы «Убикус» «Ubicus-Art»: • выставочный зал АНМЦ г. Витебск, Беларусь, • галерея «Мастацтва», г. Минск, Беларусь.	1992	

5. Выставка группы «Убикус» «Каменный дождь»:
   - музей Марка Шагала, г. Витебск, Беларусь, 1993
   - Полоцкая картинная галерея. г. Полоцк, Беларусь. 1994

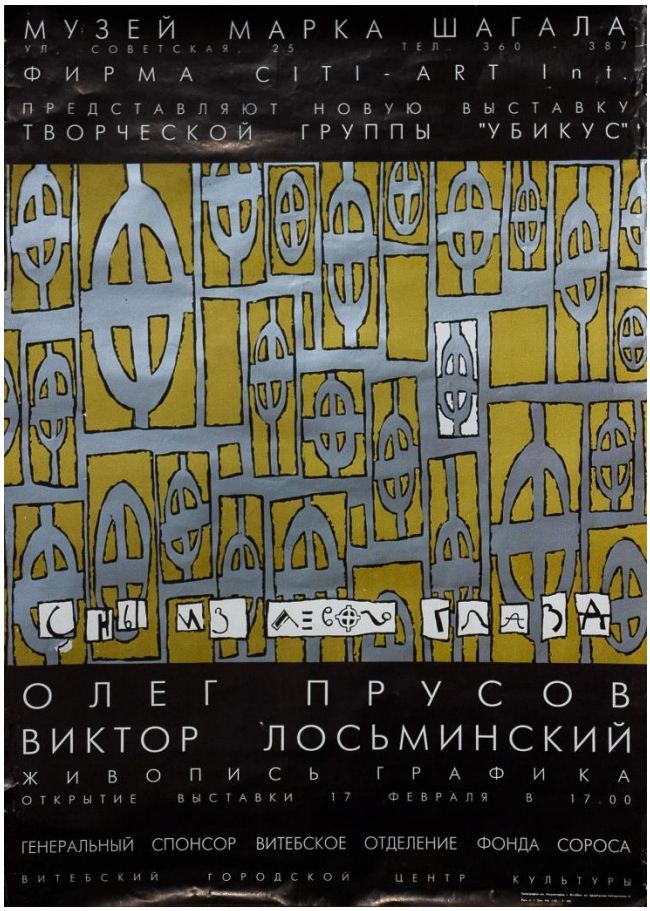
6. Выставка памяти Л. Зосимович, музей Марка Шагала, г. Витебск, Беларусь. 1993

7. Обзорная выставка группы «Убикус», галерея Класс-клуба, г. Минск, Беларусь. — 1994



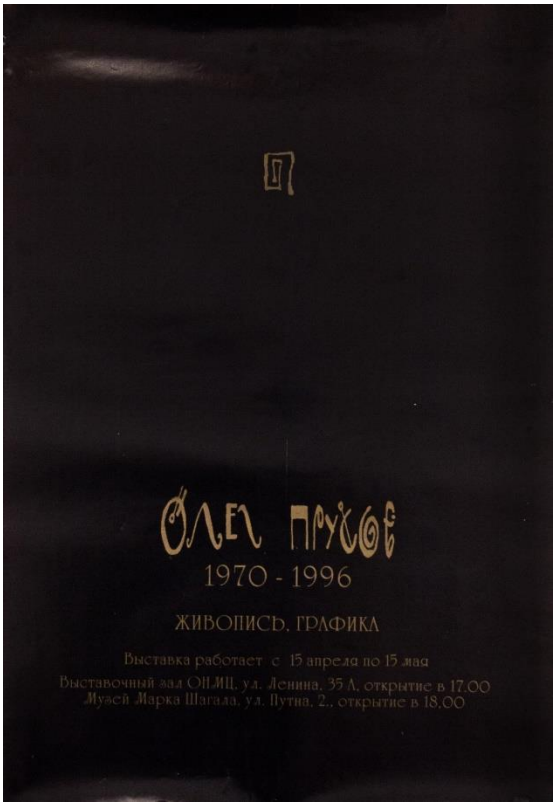
8. Выставка группы «Убикус» «Сны из левого глаза»:
   - музей Марка Шагала в г. Витебск, Беларусь,
   - Музей Белорусского книгопечатания, г. Полоцк, Беларусь,
   - городская галерея, г. Новополоцк, Беларусь,
   - ВЦ «Московская галерея», г. Москва, Кузнецкий мост (Российская Федерация).

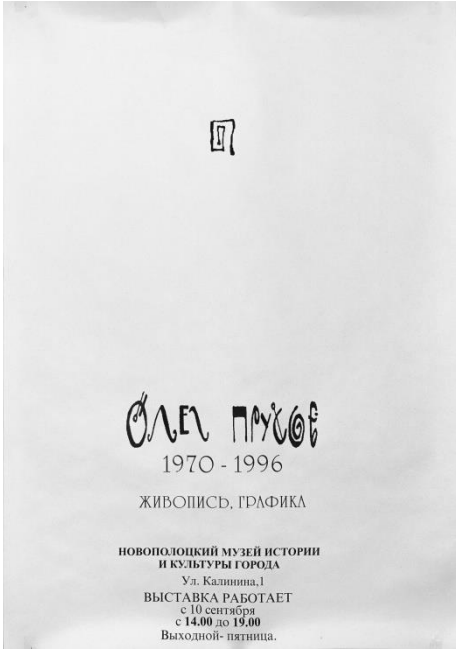
1995



9. Выставка «6 художников из Витебска – 76 лет после Марка Шагала», галерея Анны Павловой, г. Дордрехт, Голландия. 1996

10. Выставка работ О. Прусова:
    - Выставочный зал ОНМЦ НТ г. Витебск, Беларусь,
    - Музей Марка Шагала г. Витебск, Беларусь, 1996 – 1997
    - Полоцкая картинная галерея. г. Полоцк, Беларусь,
    - Городская галерея, г. Новополоцк, Беларусь.

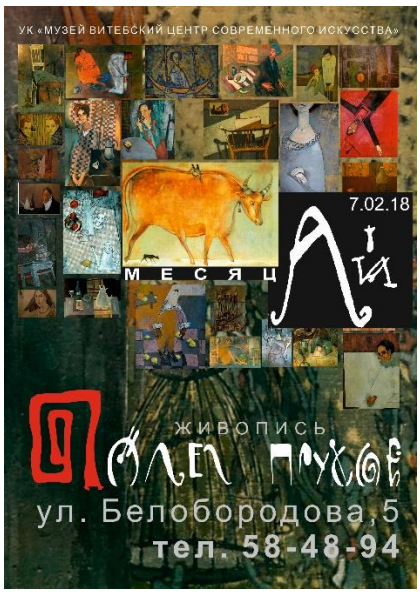




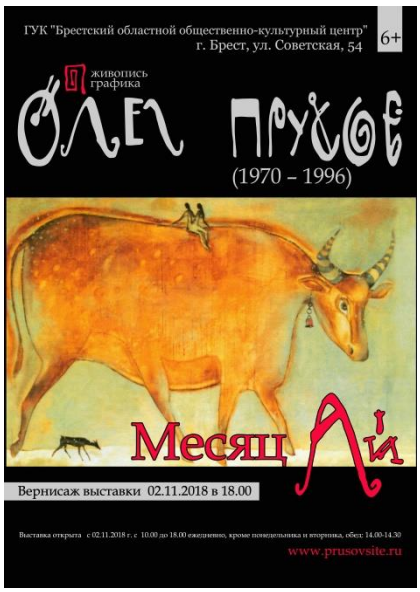
11. Выставка живописи и избранной графики «Я вхожу в этот город...» Военно-исторический музей г. Лиозно, Беларусь. 2017

12. Выставка графики и поэзии О. Прусова «Приподняв край тучи» Центр современного искусства, г. Витебск, Беларусь 2017 – 2018

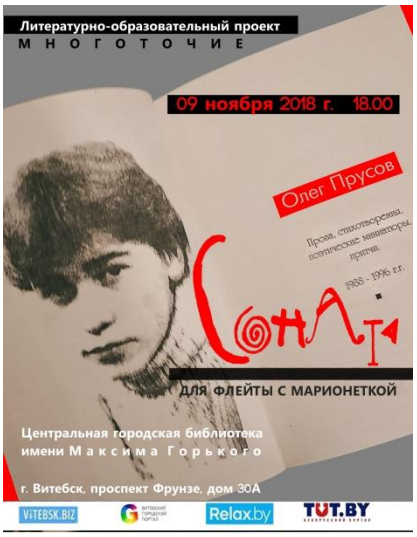
13. Выставка живописи О. Прусова «Месяц Ай», Центр современного искусства, г. Витебск, Беларусь. 2018



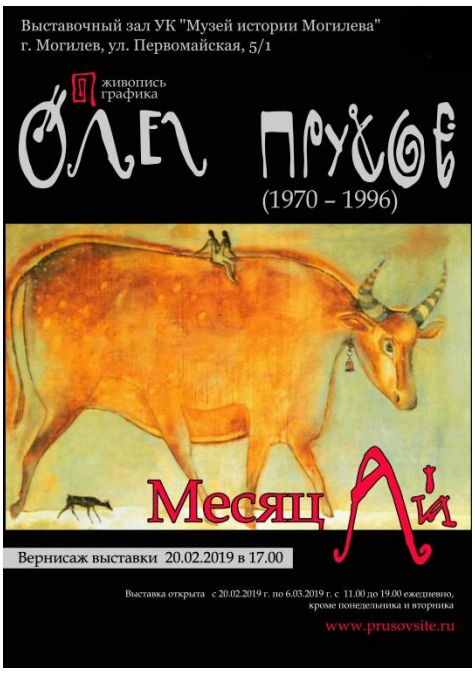
14. Выставка живописи О. Прусова «Месяц Ай», ГУК «Брестский областной общественно-культурный центр» 2018



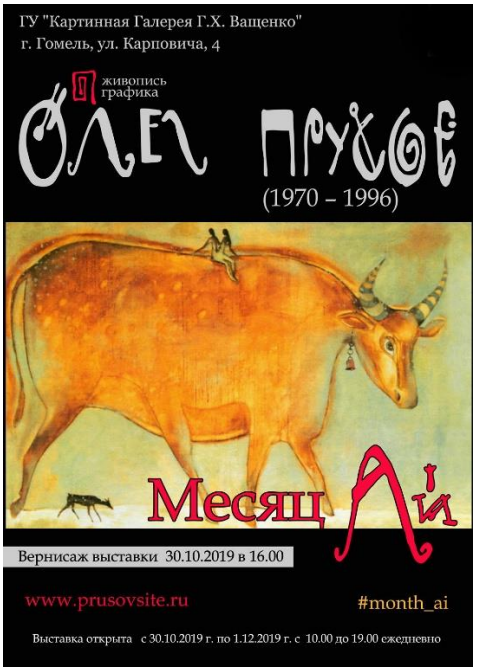
15. Соната для флейты с марионеткой (Литературно-образовательный проект «Многоточие»), Центральная городская библиотека имени Максима Горького, г.Витебск 2018



16. Выставка живописи О. Прусова «Месяц Ай», Выставочный зал УК «Музей истории Могилева» 2019



17. Выставка живописи О. Прусова «Месяц Ай», УК «Картинная галерея Г.Х. Ващенко» 2019



Энциклопедии Беларуси

ПРУ́СОВ Олег Викторович (13.6.1970, г. Витебск — 11.9.1996), белорусский художник. Окончил Минское худож. уч-ще (1990), учился в Бел. академии иск-в (1990—93). Один из создателей витебской группы «УБИКУС» (1989). Работал в графике и станковой живописи. Среди произведений: живописные «Победитель» (1989), «Третий источник света» (1991), «Белое облако» (1993), «Укротительница пчёл» (1994); графические «Я больше не буду уходить» (1990), «Весенняя рапсодия» (1992), «На краю земли», «В колыбели ночи», «Танец одинокого сердца» (все 1993), «Влюблённые» (1994), «Королева», «Звездочёты», «Бескрылый ангел» (все 1995), серия «Мудрецы» (1990—92) и др. *М.Л.Цыбульский.*

ПСУ́Я, деревня в Глубокском р-не, на берегу оз. Псуя. Расположена в 45 км к С-В от г. Глубокое, 7 км от ж.-д. ст. Зябки на линии Молодечно—Полоцк, 164 км от Витебска. Центр Псуевского с/с.

Впервые упоминается в 1552 в составе ВКЛ, владение Корсаков, Подбипентов, Деспот-Зеновичей. После 2-го раздела Речи Посполитой (1793) в Рос. империи. В конце 18 в. в П. хозяйский двор, униатская церковь (с 1841 православная). В 19 — нач. 20 в. в Дисненском уезде Виленской губ. В 1888 местечко (7 домов, 53 ж., Михайловская церковь); фольварк Старая П. (1 дом, 33 ж.); деревня (4 дома, 18 ж.). В 1866 открыто нар. уч-ще, в 1872 построена школа (около 30 учеников). С 1921 в составе

О.**Прусов**. Укротительница пчёл. 1994.

Д.**Прунарыў**.

Б.**Прус**.

нізацыі. Жыццё чалавека з сац. нізоў, лёс дзіцяці і яго ўяўленне аб навакольным свеце ў навелах «Міхалка» (1880), «Антак» (1881), «Камізэлька» (1882), «Грахі маленства» (1883) і інш. Вяршыня яго рэаліст. творчасці — сац.-псіхал. раман «Лялька» (1887—89, экранізацыя 1968), у якім аналіз грамадскага і духоўнага жыцця Польшчы 19 ст., разнастайнасць характараў, банкрутства ідэй пазітывізму, а таксама рамант. ілюзій. У сац.-быт. рамане «Эмансіпіраваныя жанчыны» (1890—93) карціна жыцця Варшавы і правінцыі, багацце псіхал. і прафес. тыпаў жанчын. Гісторыка-філас. раман «Фараон» (1895—96, экранізацыя 1966) адметны маст. дасканаласцю; на фоне паліт. барацьбы за ўладу ў Егіпце ў 11 ст. да н.э. вырашаюцца праблемы сучаснасці. Аўтар раманаў «Дзеці» (1908), «Перамены» (1911), літ.-крытычных прац. Стварыў арыгінальную форму «Хронік» (т. 1—20, выд. 1954—70). Яго творчай манеры ўласцівы спалучэнне псіхал. і сац. аналізу, гумар, лірызм, канкрэтнасць і пластычнасць апісанняў. На бел. мову асобныя творы П. пераклалі Я.Брыль, П.Бітэль, М.Чарнецкі.

Тв.: Pisma. T. 1—29. Warszawa, 1948—52; Listy. Warszawa, 1959; Wybór pism. T. 1—10. 5

ПРУ́САЎ Алег Віктаравіч (13.6.1970, г. Віцебск — 11.9.1996), бел. мастак, паэт. Скончыў Мінскае маст. вучылішча (1990), вучыўся ў Бел. АМ (1990—93). Адзін з заснавальнікаў творчай групы *«УБІКУС»* (1989). Працаваў у графіцы і станковым жывапісе. Сярод жывапісных твораў: «Пераможца», «Апошнія каралі» (абодва 1989), «Трэцяя крыніца святла» (1991), «Белае воблака» (1993),

А.**Прусаў**. Белы нацюрморт. 1994.

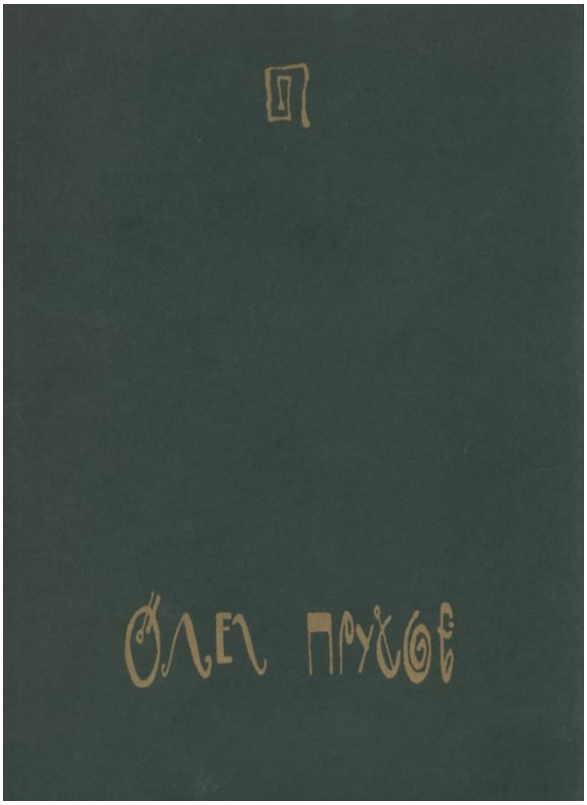
«Неспакойнае лета», «Партрэт невядомай», «Тройца», «Дзіця», «Партрэт зялёных нажніц», «Утаймавальніца пчол», «Выкрадальнік ідэй», «Белы нацюр-

Скульптура «Ангел» работы
Сергея Сотникова

Сборники стихов

Сборник стихов, изданный О. Прусовым

Посмертный сборник



ЖИВОПИСЬ
(1988 – 1996)

Пьяница. Друг, 1995 (холст, масло, 98х78 см) серия Пьяницы

(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)

Пьяница. Музыкант, 1995 (холст, масло, 70х99 см) серия Пьяницы

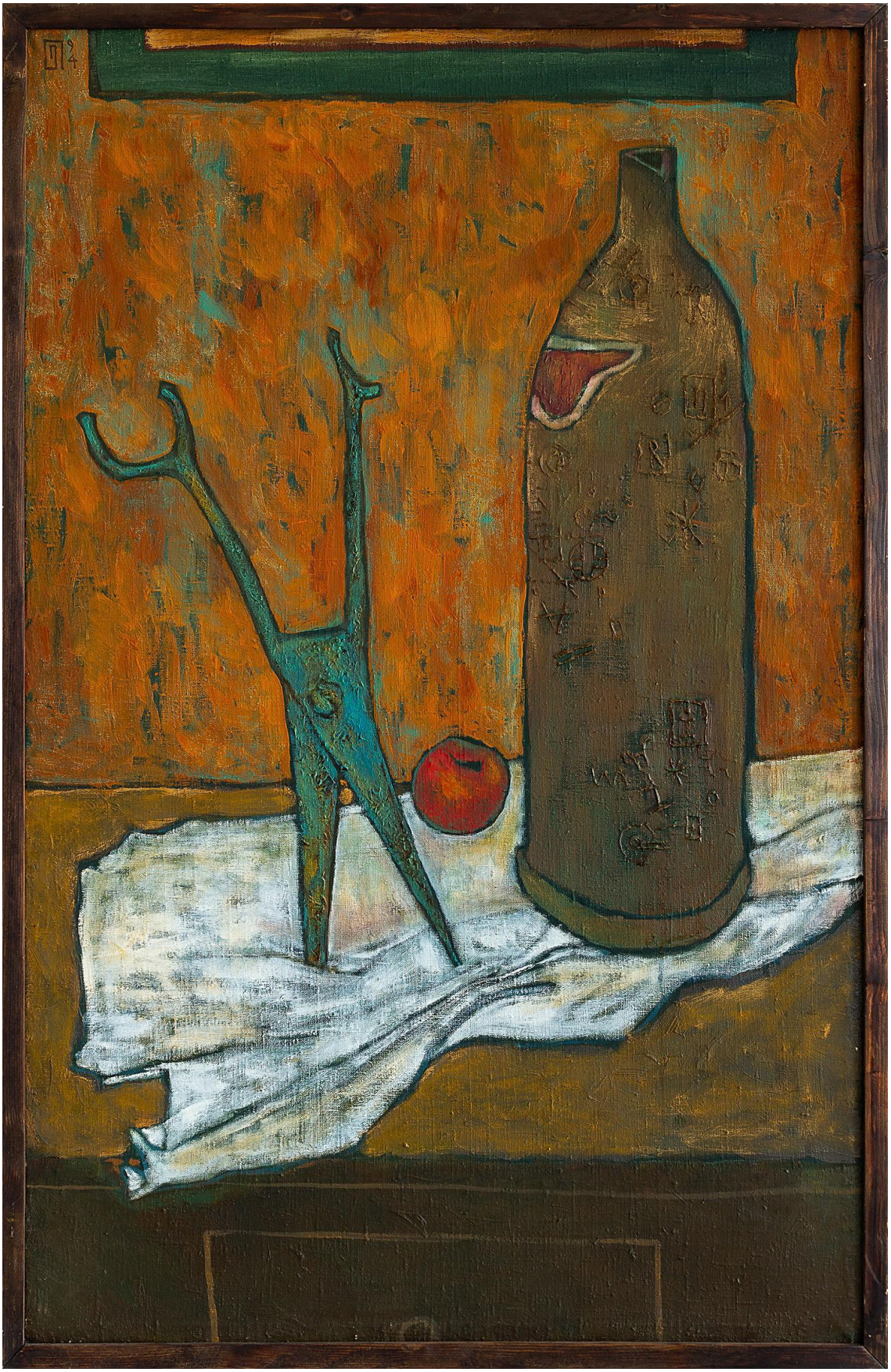
(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)

Пьяница. Циник, 1995 (холст, масло, 106х69 см) серия Пьяницы
(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)

Пьяница, 1993 (холст, масло, 110х79,5 см), серия Пьяницы
(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)

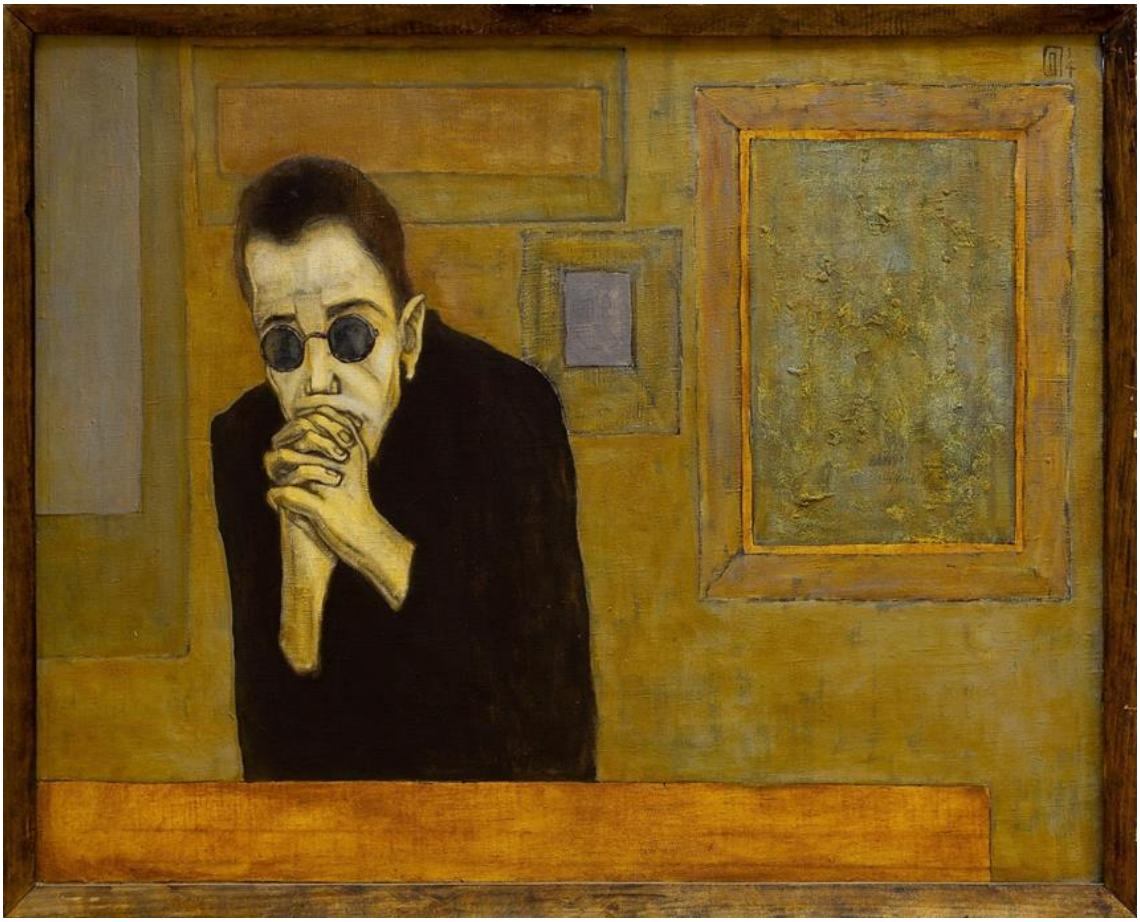
Победитель настурций, 1994 (холст, масло, 100х80 см) серия Великие завоеватели

(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)



Портрет зеленых ножниц, 1994 (холст, масло, 110х70 см) серия Великие завоеватели

(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)



Похититель идей, 1994 (холст, масло, 80х100 см) серия Великие завоеватели
(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)

Кресло императора, 1996 (холст, масло, 78х99 см)
(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)

Моя работа, 1996 (холст, масло, 109,5х79,5 см)
(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)

Палач и жертва, 1996 (холст, масло, 57,5х82 см)
(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)

Портрет Бенджамина, 1996 (холст, масло, 78х98 см)
(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)

Картина

I

Один в чистом поле с карандашом в руке на белом листе бумаги — по колено в снегу бреду. До рассвета необходимо успеть мне следами нарисовать историю о Матадоре и Великом Инквизиторе...

II

Комната Бенджамина и Лапина находится в самом конце коридора. В коридоре давно уже поселился полумрак. Длинные пустые стены выкрашены спокойной охрой, на полу — видавший виды в шахматную клетку линолеум. Тихонько, неспеша дойдите пешкой до конца коридора. Там вы станете ферзем. Открыв дверь, вы попадете в совершенно белую комнату. Напротив двери пристроилось большое, почти квадратное окно, нижние углы которого поддерживают проржавевшие спинки двух кроватей. На подоконнике разместились несколько десятков книг. Большинство из них связаны в стопки, из остальных то там, то здесь разноцветными змейками торчат закладки. Здесь и живут Бенджамин и Лапин. Если подойти к кровати и обернуться, то перед глазами у вас, конечно же, будет дверь. Над дверью со вчерашнего вечера висит картина. Она небольших размеров, в незатейливой, бакенбардами окаймляющей ее рамке. На картине изображены двое. На первый, неразборчивый взгляд они покажутся чрезвычайно похожими. Коротко остриженные рыжие волосы, одинаковые в крупную клетку рубашки. Но подойдя поближе, вы не сможете не заметить, что волосы у одного чуть темнее и в его улыбке больше грусти, нежели радости. Второй, напротив, улыбается вам по-доброму, как старому, годами проверенному другу. Этот второй чуть круглее лицом, черты лица более грубой лепки, он прост и открыт. В сравнении с ним первый замкнут, над его чертами работал более изысканный скульптор. Вот, пожалуй, и все. Вас интересует, как называется картина? «Жертва и Палач».

III

Бенджамин лежал на кровати поверх одеяла в одежде, закинув руки за голову. Уже который час он не менял позы и только то закрывал глаза, то открывал их. И тогда его взгляд надолго останавливался на купленной им накануне картине. Стояла невероятная тишина: ни с улицы, ни с коридора не доносилось ни единого звука. Ухо давно уже пыталось уловить хотя бы малейший шум, но город то ли еще спал, то ли устал от многоголосия отгремевших праздников, то ли наоборот готовился к празднику новому. Но вот где-то далеко, должно быть в конце коридора, послышались шаги. Шаги приближались, их торопливая дробь становилась все четче и четче, но вдруг, достигнув своего наивысшего накала, она резко оборвалась. На мгновение вновь вернулась абсолютная тишина. Но в следующую секунду дверь распахнулась, и в комнату порывисто вошел Лапин. Его руки были заняты: обхватив себя, он крепко прижимал к груди две бутылки

молока, батон и завернутый в бумагу кусок сыра.

— Удивительная история, — воскликнул он, закрывая дверь каблуком ботинка, — просто удивительно! Эта мысль пришла мне еще вчера, и еще вчера я хотел рассказать тебе об этом, но пока я умылся и почистил зубы, ты уже заснул, и я решил не будить тебя. Послушай, какая поразительная случайность...

Бенджамин перебил его.

— Случайностей не бывает. Все лишь закономерность. Только люди ленятся искать закономерность и потому выдумали этакое слово случайность.

— Хорошо, хорошо, — согласился Лапин, ставя бутылки на подоконник, — закономерность. Поразительная закономерность... Так вот, вчера вечером я бродил по старым кварталам, и где-то около четверти седьмого — ты говорил, что именно в это время купил картину — я решил заглянуть в лавку букиниста, В ту, что находится в подвале недалеко от площади. Ты, наверное, бывал там. Я люблю эту лавку. Там всегда пахнет старой кожей и почему-то церковными свечами, там тесно от книг и мало людей. Я часто захожу туда, даже когда нет денег, просто так, полистать книгу, другую. Так было и вчера. Я вошел в лавку и принялся рассматривать полки. Вскоре мое внимание привлекла одна книга, не очень старая, но очень потрепанная. Я взял ее, открыл и прочел несколько страниц. Это была повесть о «Матадоре и Великом Инквизиторе». Сразу же, с первых строк, автор, желая показать нам, кто есть герой, а кто злодей, рисует портреты Матадора и Инквизитора. Инквизитора автор знает лично и потому заставляет читателя — и он об этом говорит сам — довольствоваться его, автора, субъективным мнением, «...Перед нами — деспот и палач, не терпящий никаких точек зрения. Мировоззрение может быть только одно — и это его, великого Инквизитора мировоззрение, ставшее в последние годы официальным и каноническим. Все остальное карается смертью, и потому даже его ближайшие сторонники в тайне с грустью вспоминают времена, когда в инквизиторском кресле сидел другой хозяин. Но вот одна интересная деталь. Внешний вид Инквизитора никак не соответствовал облику палача. Круглолицый, с мило поджатыми губами и розовыми веками, с редкими волосами из-под которых просвечивалась, как и веки, розовая младенческая кожа...»

Далее следует портрет Матадора. Но здесь автор прибегает к хитрой, как ему кажется, уловке. Чтобы показать свою непредвзятость, на сей раз автор не сам говорит нам о Матадоре, а заставляет говорить о нем его друзей — гадалку Верду, Конкистадора и дядюшку Габриэля. Их рассказы противоречивы в мелочах, но сходятся воедино в главном: Матадор славный парень, обладающий живым острым умом, ему свойственны решительность и воля. К тому же он полон добрых намерений. Не поверить столь важным людям невозможно. Матадор действительно воплощение идеального героя.

...Гадалка Верда. «Все в облике Матадора было противоречивым, но

именно эти противоречия и влекли меня к нему. В таком теле должен был поселиться звонкий, срывающийся голос, но голос у Матадора, напротив, был низким и приглушенным. Печальные глаза выдавали в нем беззащитного, романтического Пьеро, но чуть приподнятые уголки губ всегда насмехались и, я думаю, в его сердце постоянно жил маленький воинственный циник.»

Конкистадор. «Я, пожалуй, лучше, чем кто-либо знал Матадора. Мы были друзьями, нередко за чашкой чая засиживались заполночь. С ним было интересно беседовать. Он был хорошим спорщиком и, бывало, где-нибудь в компании, заспорив с кем-либо и исчерпав все свои доводы, я призывал Матадора на помощь. Вообще же Матадор был человеком не общительным, порой даже угрюмым. Нередко я ловил себя на мысли, что не будь Матадора рядом, я чувствовал бы себя более свободным и раскованным, особенно в обществе светских дам. Матадор был, безусловно, человеком умным и даже, пожалуй, хитрым. Но порой он совершал крайне нелогичные поступки: зачем-то брал на себя чужие хлопоты, проблемы. В бескорыстие Матадора я никогда не верил, как человек умный он не мог поступать столь опрометчиво, а значит, все это являлось очередной его хитростью, хитростью, логику которой понять я не мог, но которая, безусловно, была.»

Дядюшка Габриэль. «Я жил с Матадором по соседству. Я хорошо знал его. В Матадоре легко уживались два человека. Большинство знали его замкнутым, уверенным в себе. Надменность? Нет. Пожалуй, что нет. Просто человек, знающий себе цену. Друзья же знали его общительным, всегда готовым помочь. Бескорыстие? Да, конечно же, он был бескорыстным, И это несмотря на то, что он — человек крайне благоразумный. Он всегда знал, как должно и нужно поступать, но сам, зачастую, поступал совершенно по-иному. Нередко он просто не мог совместить в себе понятия благоразумия и чести. Добрые намерения были неотъемлемой частью его действий.»

— Дочитав эту страницу, я с возмущением захлопнул книгу. Все было ясно: рано или поздно, Матадор попадет к Великому Инквизитору, и ему едва ли удастся вырваться из рук палача. Но возмутило меня, конечно же, не это. Я был оскорблен нахальством и наглостью автора. Столь явное навязывание своего мнения — это элементарное неуважение ко мне, читателю, К тому же совсем уж примитивно рисовать одного лишь черным цветом, другого — кристально белым. Инквизитор лишен всего человеческого, А Матадор... Что Матадор? Все его великолепные качества весьма сомнительны. Какие положительные качества ему приписали? Добрые намерения? Да. Но добрые намерения чаще всего встречаются рядом с бездействием. Что за цена такому доброму намерению? Право же, даже злое действие лучше неподвижности. Следовательно, лишь только вместе с решительностью, быстротой и самоотверженностью добрые намерения имеют силу. Но быстро и решительно можно прийти к пропасти, а самоотверженность может привести к тому, что начнешь делать людей счастливыми, чего бы им это ни стоило. И в конце концов окажется, что «благими намерениями дорога в ад выложена». Тут без ума не обойтись. Лишь делая все

разумно, добьешься хорошего результата. Вот опять-таки качество, которое отмечают в Матадоре — разум. К разуму и воля не помешает, ибо что толку от человека умного, но безвольного. Сам себя не обуздает, свою искренность отдаст на потакание собственным желаниям. Разум и воля должны быть вместе, И они у Матадора есть. А что это значит? А ничего это не значит. Ибо ничто на земле не принесло столько несчастья, сколько разум и воля без доброты. А о доброте у Матадора ничего не сказано. Вот и выходит, что все эти качества хороши только как узелки одной веревочки, а в другой веревочке они же будут наистрашнейшим злом. Не согласен?

Лапин замолчал. Отломил от батона большой кусок и медленно съел его. Затем задумчиво произнес:

— Ладно, это все так, всего лишь мои размышления. Я отвлекся и говорить собирался вовсе не о том. Меня поразила удивительная — как ты утверждаешь — закономерность, В одно и то же время ты покупаешь картину под название «Жертва и Палач», а я читаю книгу «Матадор и Инквизитор». Поменяем местами названия: картину назовем «Матадор и Инквизитор», а книгу «Жертва и палач» — ничего не изменится. В один и тот же час нас волновала одна и та же тема.

Бенджамин отошел от двери и снова улегся на свою кровать.

— А ведь нигде не сказано, — произнес он, — кто из этих двоих на картине жертва, а кто палач, мне кажется, я должен все взвесить и найти ответ на этот вопрос, Лапин закрыл глаза и, закусив губу, медленно кивнул.

— Ты совершенно прав, — сказал он, — я тоже так думаю. Но только, пытаясь найти ответ, надо помнить о том, что жертва не без греха, а палачу ни что человеческое не чуждо.

IV

Рассуждения Бенджамина о том, кто же из двоих палач, а кто жертва.

Допустим, что тот, который слева — палач, а тот, который справа, соответственно, жертва. У жертвы добрые глаза, добрая улыбка. Он, и это очевидно, человек жизнерадостный. Возможно, и очень рассеянный. Вот он обернулся ко мне, замер на мгновение. Я для него незнакомец, но, как у человека доброго, приветливая улыбка уже появилась на его устах. Но мгновение пройдет, и он отвернется, загорится какой-нибудь новой идеей и, тут же забыв о моем существовании, бросится на ее воплощение. Такие люди далеко не всегда доводят начатое дело до конца, увлекшись новым, они тут же теряют из памяти прежнее. Все их действия имеют смысл или же, наоборот, все их действия лишены всякого смысла. Это физически здоровый человек. Скорее всего, он родился где-нибудь в небольшой деревушке. Альпийские луга или же ржаные поля России подошли бы ему как нельзя лучше. Он человек простой и открытый и, может быть, именно это не уберегло его от рук палача.

Наш палач чуть меньше ростом, черты лица его суше и утонченнее. И

это попятно. Вы заметили, в лицах палачей всегда есть что-то аристократично-болезненное? Манерность вырождающихся испанских грандов. Тонкие и невероятно длинные, с мелкой нервной дрожью пальцы рук. Они быстро и цепко обовьют рукоять топора или же изящно и ловко затянут узел веревки. У палача грустные глаза и грустная улыбка. Такая улыбка типична для людей болезненных, он — дитя города, и то немногие лучи, что смогли просочиться на узкие кривые улицы, конечно же, не смогли напоить здоровьем его тщедушное тело.

А если посмотреть наоборот и предположить, что именно этот человек и есть жертва? Тогда совершенно по-иному видится мне причина грусти в его глазах. Этот человек не один месяц провел в стенах темницы — отсюда и его болезненность, до этого же, вооруженный какой-либо просветительской идеей, он долго боролся за переустройство общества. Его схватили, пытали, но он не отрекся от своих идеалов. Даже палачи и те были поражены, что в таком слабом неразвитом теле жил такой сильный, несгибаемый дух. Этот человек прошел все, но, посмотрев перед казнью на мир, понял, что его идеалы не более чем прекрасная сказка и людям не нужна она: в ней отведено слишком мало места золоту и личной выгоде. Его губ коснулась грусть, ему стало жаль и людей, и себя одновременно. Рядом с ним палач. Палач беззаботен и жизнерадостен. Простое, открытое лицо. Боже мой, безусловно, художник не мог быть столь наивен, чтобы так изобразить жертву. Своей доброй, приветливой улыбкой этот человек сразу же вызывает симпатию к себе. Мы верим первому впечатлению, в этом то и весь ужас. Мы верим добрым глазам убийцы, мы верим доброй улыбке маньяка и поэтому позволяем завлечь себя в темный закоулок, Таким, и только таким был Великий Инквизитор из книги. Помните — розовая кожа, мягко поджатые губы? Я убежден, художник долго размышлял над образом этого человека, И он изобразил палача, для которого его ремесло — не профессия, а призвание. Здесь именно этот типаж. Он встречается крайне редко, так же редко, как превосходный архитектор или пианист. Этот палач — режиссер театра, где разыгрывается мистерия казни и где он играет ведущую роль. Он — творец, и сегодня он придумал новый эпизод. На устах его улыбка, вокруг глаз легли добрые морщинки, но он не замечает вас — он смотрит внутрь себя самого. Как изысканное яство, он смакует сейчас новую деталь казни. Это — страшный человек. Я чуть было не поддался натиску его внешней доброты, еще секунда — и я поверил бы ему. Такие люди — высочайшее зло, и нужно предпринять все от нас зависящее, чтобы их уничтожить.

V

Уже смеркалось, комната утратила свои четкие очертания. Бенджамин встал и посмотрел на кровать соседа, Лапин лежал, скрестив на груди руки и устремив подбородок к потолку. Глаза его были закрыты, должно быть, он спал. Бенджамин достал из под матраца опасную бритву и вышел за дверь. Он вернулся вскоре, держа в руках синий деревянный табурет. Стараясь не шуметь, поставил табурет у двери и взобрался на него. Еще раз посмотрел на картину и спокойно, без дрожи, несколько раз полоснул бритвой по улыбающемуся лицу, В вечерней тишине резко

и надрывно прозвучал треск разрезанного холста.

— Вот и все, — прошептал Бенджамин.

— Да. Вот и все, — прозвучал за его спиной голос Лапина.

Бенджамин обернулся, Лапин уже сидел на кровати и внимательно, поверх бенджаминовской головы смотрел на картину.

— Вот и все, — снова повторил Лапин, — теперь стало ясно, кто жертва. Ты сам привел приговор в исполнение, А палач... Палач тот, кто остался цел.

Со стены Лапину и Бенджамину грустно улыбался коротко стриженный, болезненного вида человек.

1996

Хозяйка парного молока (Звезда парного молока), 1996
(холст, масло, 70х110 см)
(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)

Белый сервиз, 1995 (холст, масло, 64х88,5 см)
(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)

Мужчина и женщина, 1995 (холст, масло, 78х108,5 см)
(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)

Мышиный (единственный) бутерброд, 1995 (холст, масло, 89х66,5 см)
(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)

Окно, 1995 (холст, масло, 98х78 см)
(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)

Утро понедельника (натюрморт), 1995 (холст, масло, 98х78 см)
(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)

Чашка холодного чая, 1995 (холст, масло, 98,5х78,5 см)
(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)

Человек без времени, 1995 (холст, масло, 100х79 см)
(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)

Такого нахального дня я не видел давно. То солнце вбивает в виски раскаленные гвозди, то вечер обдаст кипятком, а то черные гроздья нетрезвых ворон налетят. И рвет небо гортанная песнь.

Бесчинствует лето.

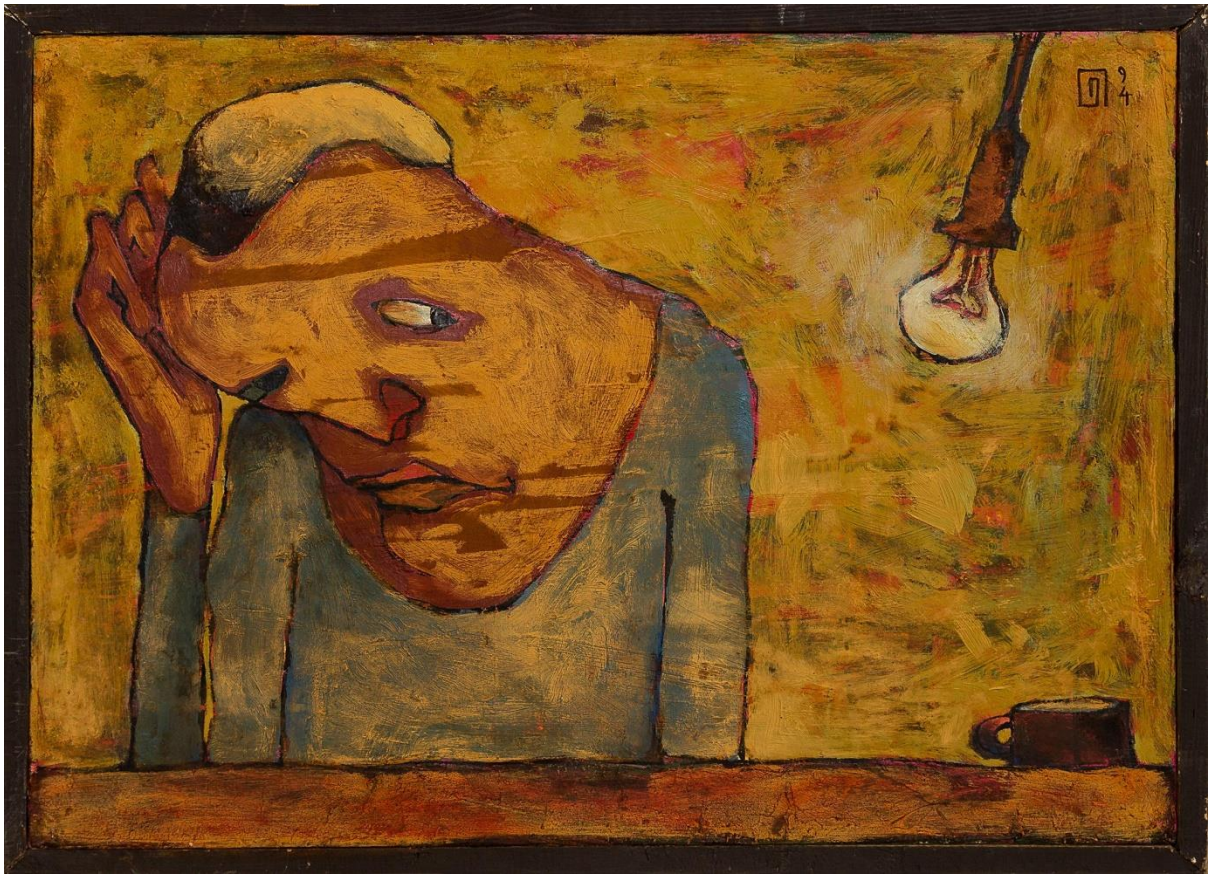
В рубашке навыпуск и в желтых широких штанах шагает оно, оставляя каблук в распотевшем асфальте. Трамваи на речку купаться ушли. А в полуденном вальсе вкруг чашки с сиропом кружатся две глупых осы.

Скорей бы уж вечер.

Я сяду под тенью пропыленных штор. Застынут с почтением слуг стол и чайник с водою. Возьму лист бумаги ленивой от зноя рукою. Я напишу, что такого вот дня я не видел давно.

июль–август 1996

Автопортрет с чужими глазами, 1994 (картон, масло, 78х58 см)
(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)



В ночь на воскресенье, 1994 (холст, масло, 43х61 см)
(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)

Кофе и чай, 1994 (холст, масло, 68х108 см)
(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)

Красное вино (возможное название), 1994 (холст, масло, 96х83 см)

(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)

Неспокойное лето*, 1994 (холст, масло, 80х100 см)

* - находится в частной коллекции г. Витебск, РБ (возможна к экспонированию)

Подарок ко дню рождения, 1994 (холст, масло, 110х70 см)
(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)

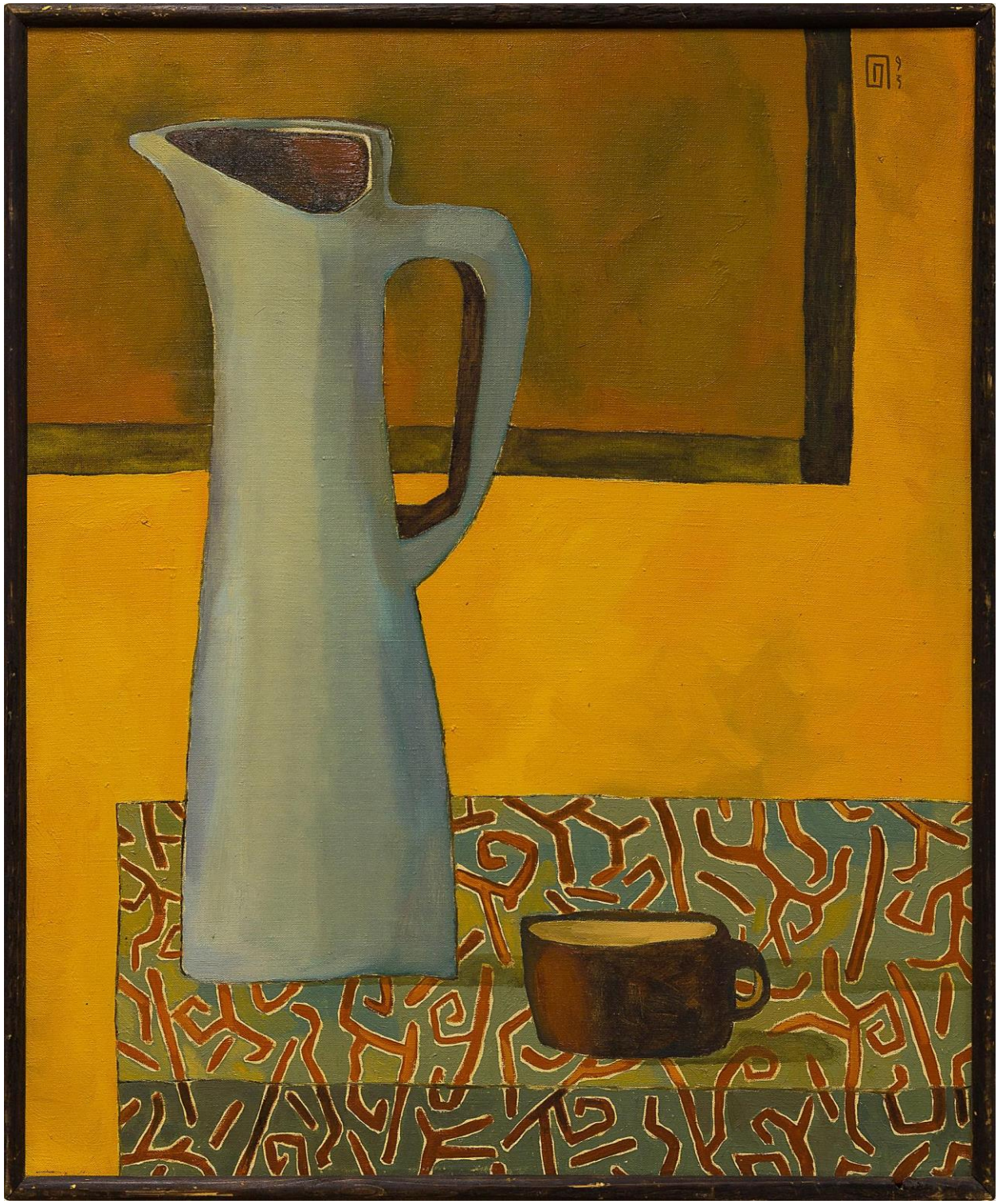
Портрет неизвестной, 1994 (холст, масло, 71х101 см)
(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)

Ребёнок , 1994 (холст, масло, 85х105 см)
(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)

Троица, 1994 (холст, масло, 90х110 см)
(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)

Безымянный (Безумный) стул, 1993 (холст, масло, 80х59,5 см)
(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)

Вечерняя рапсодия, 1993 (холст, масло, 80х100 см)
(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)



Желтый натюрморт, 1993 (холст, масло, 80х60 см)
(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)

История белого облака, 1993 (холст, масло, 69х51 см)

(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)

Малиновое варенье, 1993 (холст, масло, 79х99 см)
(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)

Натюрморт. Смятение, 1993 (холст, масло, 69х51 см)
(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)

Портрет несносной Илоны (холст, масло, 105х71 см)
(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)

Последние короли, 1993 (холст, масло, 100х79 см)
(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)

Пятница ли суббота, 1993 (холст, масло, 89х78 см)
(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)

Слепая, 1993 (холст, масло, 65х44 см)
(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)

Хранитель города, 1993 (холст, масло, 69х93,5 см)
(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)

Анастасия (окончательный вариант), 1992 (холст, масло, 110х69 см)
(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)

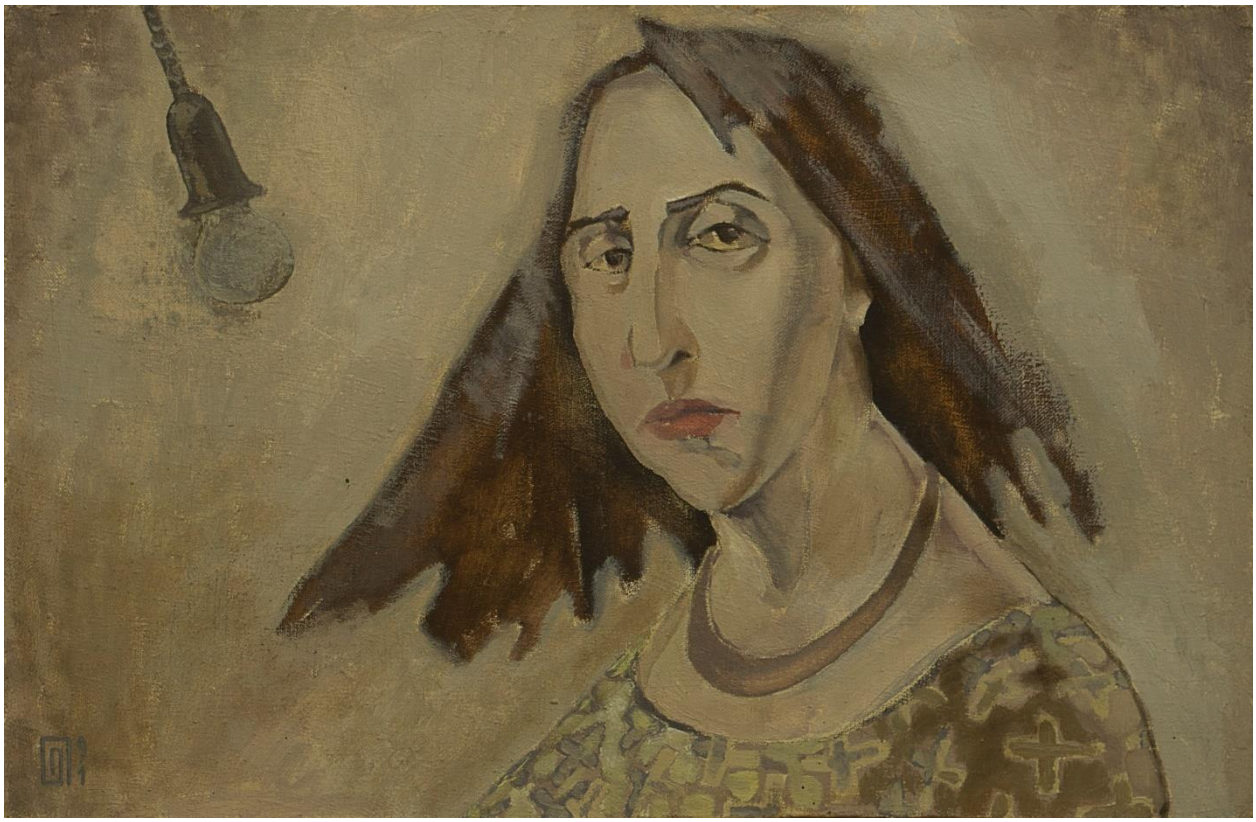
Вечерние тени, 1992 (холст, масло, 74х100 см)
(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)

Натюрморт с черным апельсином, 1992 (холст, масло, 56х56 мм)
(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)

Прошедшему дню, 1992 (холст, масло, 90х140 см)
(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)

Чудеса всегда должны сбываться, 1992 (холст, масло, 100х82 см)
(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)

День рыжей синицы, 1991 (холст, масло, 96,5х67 см)
(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)



Её черно-белая грусть, 1991 (холст, масло, 40х60 см)
(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)

Иллюзион с гнилым яблоком*, 1991 (холст, масло, 94,5х53,5 см)

* - картина находится в Музее Марка Шагала г. Витебск

Натюрморт с полосатым кувшином, 1991 (холст, масло, 52х57 см)
(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)

Одинокий лицедей, 1991 (ДВП, масло, 44,5х62,5 см)
(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)

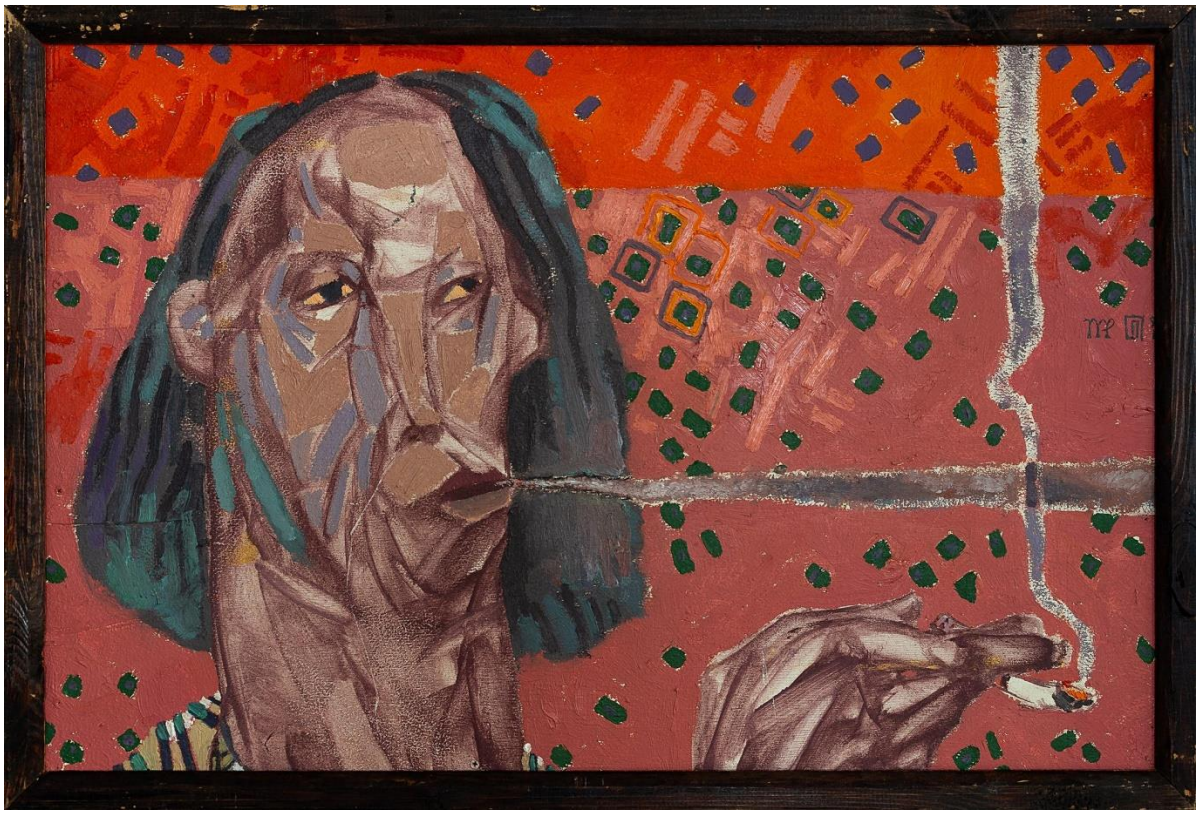
Портрет неизвестного, 1991 (холст, масло, 49,5х59,5 см)
(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)

Третий источник света*, 1991 (холст, масло, 98х71,5 см)

* - картина является дипломантом конкурса «Лучшая работа года-91» Государственной Третьяковской галереи г. Москва, Российская Федерация

(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)

Цветы. Последний день сентября, 1991 (холст, масло, 60х50 см)
(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)



Ценитель изяществ, 1991 (фанера, масло, 38х58 см)

(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)

Автопортрет с чужим лицом, 1990 (холст, масло, 50,5х51 см)
(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)

Натюрморт с синим бокалом, 1990 (холст, масло, 100х75 см)

(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)

Победитель, 1990 (холст, масло, 92х80 см)

(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)

Дуэль

Дуэль между мной и моим отражением в зеркале состоится сегодня. Я всё продумал. Я отойду на пять шагов назад — правда, для этого придётся снять зеркало со стены и перенести в прихожую, ведь в комнате я не смогу сделать пять шагов — так вот, я отойду на пять шагов, и, тем самым, между нами станет расстояние в десять шагов. Я подниму револьвер; тому, в зеркале, не останется выбора; даже если он струсит — в чём я ни на миг не сомневаюсь — он вынужден будет поднять револьвер. Я усмехнусь ему в лицо — жалкий комедиант, он тоже попытается усмехнуться. Я знаю, он слабый человек.

Он всю жизнь искал пример для подражания. Он ненавидит меня, но что он может сделать — он и боготворит меня. Он копирует каждый мой жест, мою походку, мой взгляд; он пытается понять, в чём тайна моей уверенности в себе. Он ничего не умеет сам. Я накажу его. Я предоставлю ему право первого выстрела. Уж я позабавлюсь, глядя на его растерянное лицо. Он растеряется, это безусловно, он выкатит глаза и зашлёпает губами, он будет жалок и нелеп. Без меня он не сможет даже выстрелить. А я, быть может, повернусь к нему спиной.

Вообще-то, мы братья-близнецы. Я старше. На час. Рассказывали, что через час после моего рождения отец поднёс меня к зеркалу и сказал: «Вот, погляди, какие мы». И тогда родился он. Мы росли вместе. У нас были одинаковые рубашки и одинаковые причёски. Шишки мы набивали себе одновременно.

Я видел его почти каждый день. Он надоел мне. Даже когда мне было одиноко, его присутствие лишь раздражало меня. Я решил застрелить его. Вызвать на дуэль и застрелить. Да, да, я знаю, вы назовёте меня эгоистом, но мне ужасно хочется пожить наконец одному. Я устал от этого постоянного соглядатая.

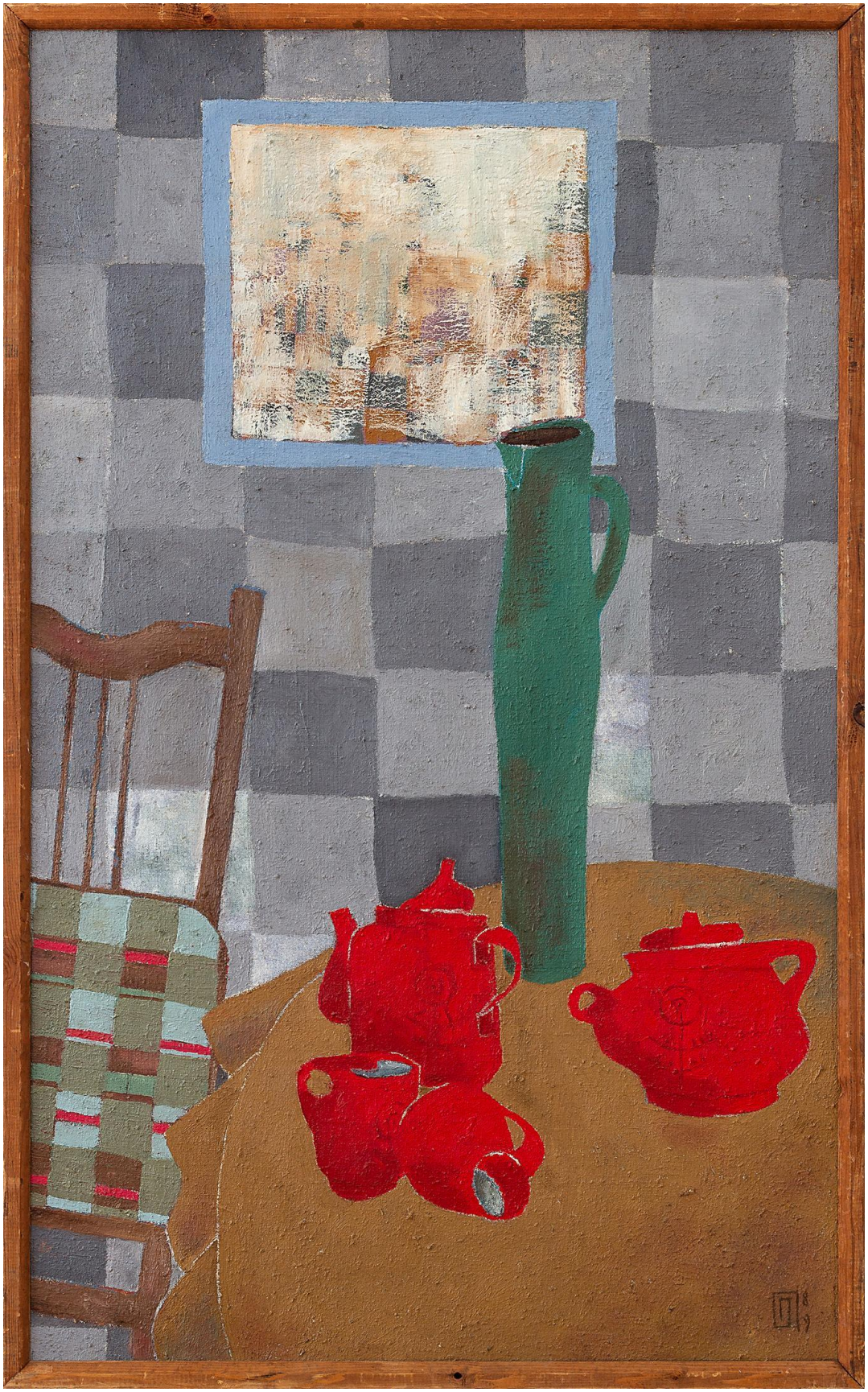
Вы не думайте — прежде чем решиться на дуэль, я не раз уговаривал его уйти от меня. Я говорил с ним долго, я основательно доказывал ему все неудобства совместного проживания, я просил его высказать мне свои доводы. Всё тщетно. Он отмалчивался. Или начинал паясничать, раскрывая рот и повторяя движения моих губ. Тогда я попытался обмануть его. Я с шумом перемещался по комнате, всем своим видом показывая, что собираюсь уходить из дома — я знал, этот тип не останется один, он непременно поплетётся следом. Я громко хлопал дверью, я выходил на улицу, я не оборачивался: я был абсолютно уверен — он крадётся сзади. Я шёл в ближайшее кафе и там смотрелся в зеркало. Конечно же, он не отстал от меня. Он нахально щурил глаза и высокомерно приподнимал бровь. Тогда я расплачивался за чашку кофе, брал со столика у входа прошлогодние журналы и громко — так, чтобы слышал этот тип — говорил хозяину, что посижу у него ещё с полчаса. Я проходил мимо зеркала — к тому времени он, видя, что я задержусь, тоже заказывал кофе. Я шёл к столику в углу. Здесь он не мог видеть меня из зеркала. Я ставил на стол чашечку, двигал, словно сажусь, стул, а сам на цыпочках пробирался к выходу.

Оказавшись за дверью, я со всех ног бросался бежать, в надежде, что этот тип не сразу заметит моё отсутствие. Тем временем я буду уже

дома, закроюсь на замок и не впущу его. Но он был начеку и не дал провести себя. К тому же, бегает он превосходно, ибо, когда я очутился в комнате, он был уже там. Вот только тогда, исчерпав всё возможное, я и решил застрелить его. Впрочем, нет, я забыл. Я пробовал ещё занавешивать зеркало. Но это уж вовсе ребячество. Я ведь прекрасно знал, что он стоит за занавеской. Несколько раз я подкрадывался к зеркалу и всякий раз явственно слышал его дыхание. Пытаясь услышать получше, я переставал дышать сам, и тогда он тоже затаивался. Он, определённо, подслушивал за мной.

Итак, дуэль. Никаких соглядатаев. Я встану на исходную позицию и подниму револьвер. Вот так. Буду целиться ему в лоб. Он тоже целится в меня. Я не боюсь. Я улыбаюсь. Левой рукой я развязываю галстук и отбрасываю его в сторону. Он развязывает и отбрасывает тоже. Жалкий комедиант. Ну подожди, я проучу тебя. Из реки разума мой мозг выуживает великолепную идею. Я опускаю револьвер — и этот тип опускает револьвер. Я поднимаю руку снова и подношу оружие к собственному виску. Конечно, он делает то же самое. Господи, этот тип настолько глуп, что даже не удосуживается подумать о своих действиях. Вот сейчас он держит револьвер у виска и не подозревает, какой смертельной опасности я его подвергаю. Ведь нажми я на курок, и этот простодушный, не задумываясь, застрелит себя. Сейчас я проучу его. Да, это грандиозно. Полный триумф человека мыслящего над тупым животным. Сила моего разума сотворит небывалое. Мой враг застрелит себя сам.

Сумеречный натюрморт, 1990 (холст, масло, 50х70 см)
(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)



Красный сервиз*, 1989 (холст, масло, 98х71,5 см)

* - картина является дипломантом конкурса «Лучшая работа года-91» Государственной Третьяковской галереи г. Москва, Российская Федерация

(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)

Три плюс один, 1989 (фанера, масло, 94х74 см)
(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)

Мой дом, 1988 (холст, масло, 39х50 см)
(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)

Пьяницы*, 1995 (холст, масло, 75х90 см) серия Пьяницы
* - картина находится в частной коллекции в Голландии

Пьяница*, 1994 (холст, масло 70х110 см) серия Пьяницы

* - картина находится в частной коллекции в Голландии

Укротительница пчел, 1994 (холст, масло, 100х80 см) серия Великие завоеватели

включена во 2-й том, книга 2 (стр. 385) Энциклопедии «Регионы Беларуси» в 7 томах. Автор статьи – М. Л. Цыбульский.)

(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)

Смотри кто пришел… (холст, масло), 1992 г.
*-находится в неизвестной частной коллекции

Грустный натюрморт, 1993 (холст, масло)
находится в неизвестной частной коллекции

Натюрморт с чайниками (возможное название), 1993 (холст, масло)
(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)

Слепой по имени Икар или увидевший солнце*, 1993 (холст, масло 80х110 см)

* - находится в частной коллекции г. Москва, Российская Федерация

Икар

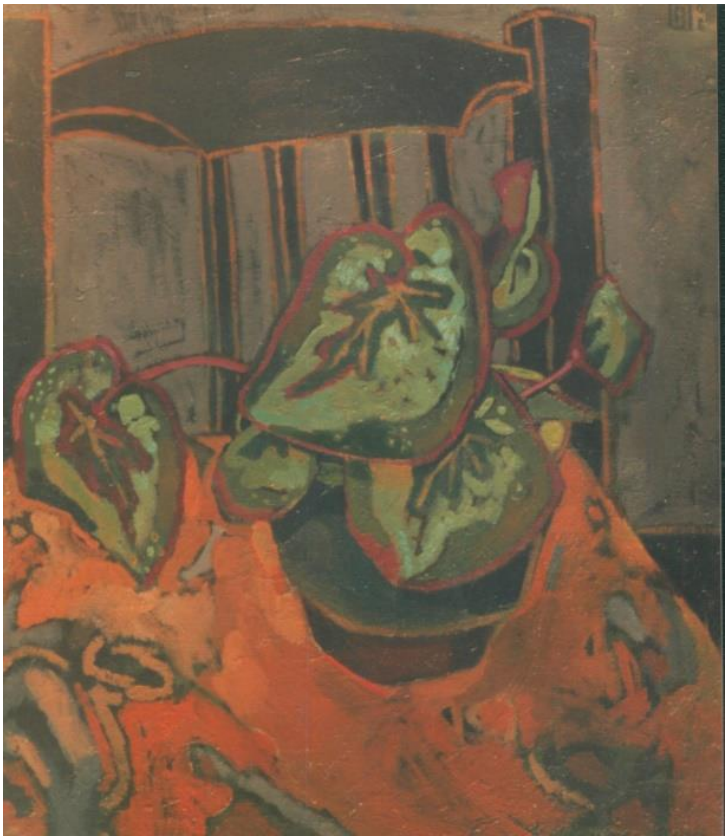
Чуткие пальцы сумерек быстро-быстро переминают комок города. Стираются тон и цвет, довлеют над глазом силуэт, пятно и фантазия.

Шестнадцатый этаж — чудная пристань. Два ковра — подо мной и надо мной. Один — тяжёлый, правильный; другой — безмерный и тонкий. Первый — это я, город. Второй — я не знаю его имени, хотя вместе мы уже тысячу лет; он смотрит на меня только ночами. То, что днём называли мной, теперь он назовёт Багдадом. Это его право, и мои заскорузлые пальцы труб пусть будут для него минаретами. И ветер, что бродит меж труб — ну почему он должен бродить и выть — пусть споёт мне ветер пряную песнь Востока. Пусть споёт негромко и нежно, пусть убаюкает меня, пусть простит мне мой сон. Но как только я усну — уснёт и он, когда проснусь — он тоже проснётся, но если я проснусь слишком поздно, он уйдёт.

Я жду его. Мне надоел этот пыльный дневной маскарад спешащих машин, пешеходов, эти серые ступени домов, это всё, всё — и жёлтое небо. Мне надоело резкое и чёткое. Я жду вечного и тихого. И когда он придёт, я буду снова стоять у окна. Подо мной скрипят шестнадцать ровных этажей, под рукой — бутылка молока и хлеб, окно открыто, я думаю о предстоящем полёте.

1991

Piccolo bambino (Одиночество вдвоем), 1992 (холст, масло, 70х100 см) (в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)



Бегония, 1992 (холст, масло, 70х60 см)
* - находится в частной коллекции (г. Минск)

Белый натюрморт, 1992 (холст, масло, 100х70 см)
(включена в 13-й том (стр. 51 – 52) «Белорусской энциклопедии» в 18 томах. Автор статьи – Н. В. Сидоренко).
(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)

Чайная церемония

Я смахнул со стола последние хлебные крошки. Теперь сцена совершенно пуста. В глубине сцены расположились скромные декорации: аккуратно нарезанный лимон и два заварных пирожных на фоне выцветших от солнца обоев. На столе появились чопорный, с длинным прямым носом чайник и его низенькая краснощекая супруга. Сахарница. Две рыжие, с белыми веснушками чашки я поставил на край стола. Сейчас, по мановению моей руки начнется одноактная пьеса, которую — не мудрствуя лукаво — назовем «Чайная церемония». Актеры сегодня будут играть только для тебя, ты одна вправе решать: аплодировать им или же выгнать всех из театра вон.

Час назад, когда я сидел на этом же стуле и ждал тебя, я придумал сказку. О том, как человек сидел на стуле и ждал. Он привык ждать — вообще-то, это была его работа: сидеть и ждать. Но человек очень не любил свою работу и надеялся, что когда-нибудь люди изобретут средство от ожидания, и тогда его и его друзей по работе уволят за ненадобностью. Это будет счастливый день. А пока что человек сидел, ждал и разговаривал с огненно-желтой канарейкой, которая жила в большой серебряной клетке.

— Неужто и ты несчастна, прекрасная птица? — удивлялся человек.

— С чего быть счастью...

— Но у тебя ведь есть красота.

— Какой прок в красоте, когда нет свободы.

— Зачем тебе свобода — у тебя есть достаток.

— Зачем мне достаток, когда нет счастья.

— А что нужно делать, чтобы найти счастье?

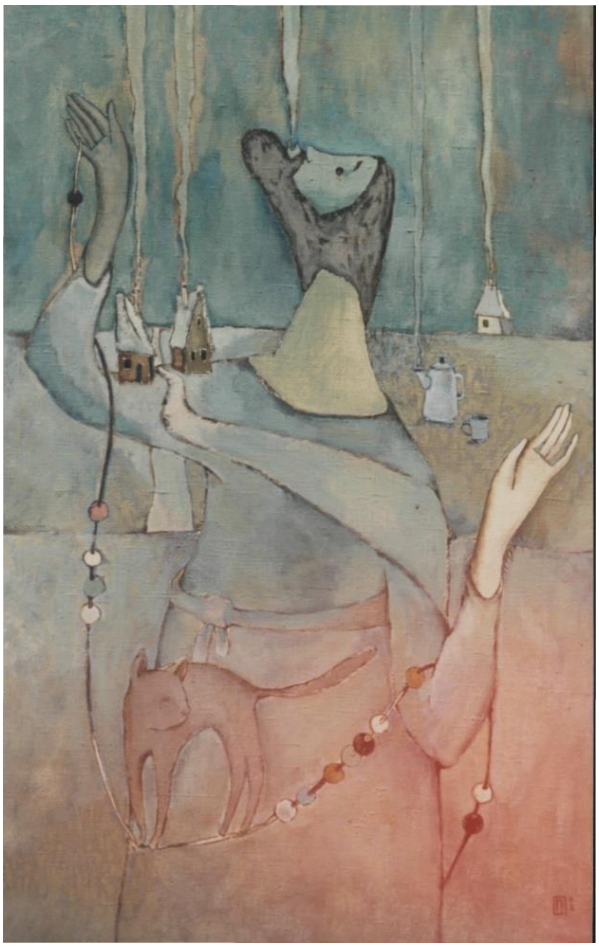
— Не бояться его искать...

Такая вот сказка. Глупая. Не знаю только, чем она закончилась.

Но прости, я отвлекся. Меня вечно уносит куда-нибудь в сторону. Итак, пьеса. Убавим верхний свет, зажжем настольную лампу. Теперь смотри внимательно. Первым начинает свой танец почтенный чайник. Он выходит на середину стола и поворачивается так, чтобы каждый мог оценить правильность его изящно выточенного носа. К чайнику весело подбегают чашки и замирают в почтительном реверансе, не добежав до него каких-то шагов пять. Бьют часы. Одиннадцать раз. Чудное совпадение, этот момент не был предусмотрен, но как удивительно удачно бой вошел в текст нашей пьесы. Наступает ответственная минута. Чайник подходит к одной чашке и медленно, с достоинством кланяется ей, потом подходит к другой чашке; тоже кланяется. Теперь чашки наполнены крепким чаем. Ты заметила — у меня все чашки изнутри белые? Это немаловажная деталь чайной церемонии — нужно не только вдыхать аромат чая — нужно видеть его цвет. Ты посмотри, какой

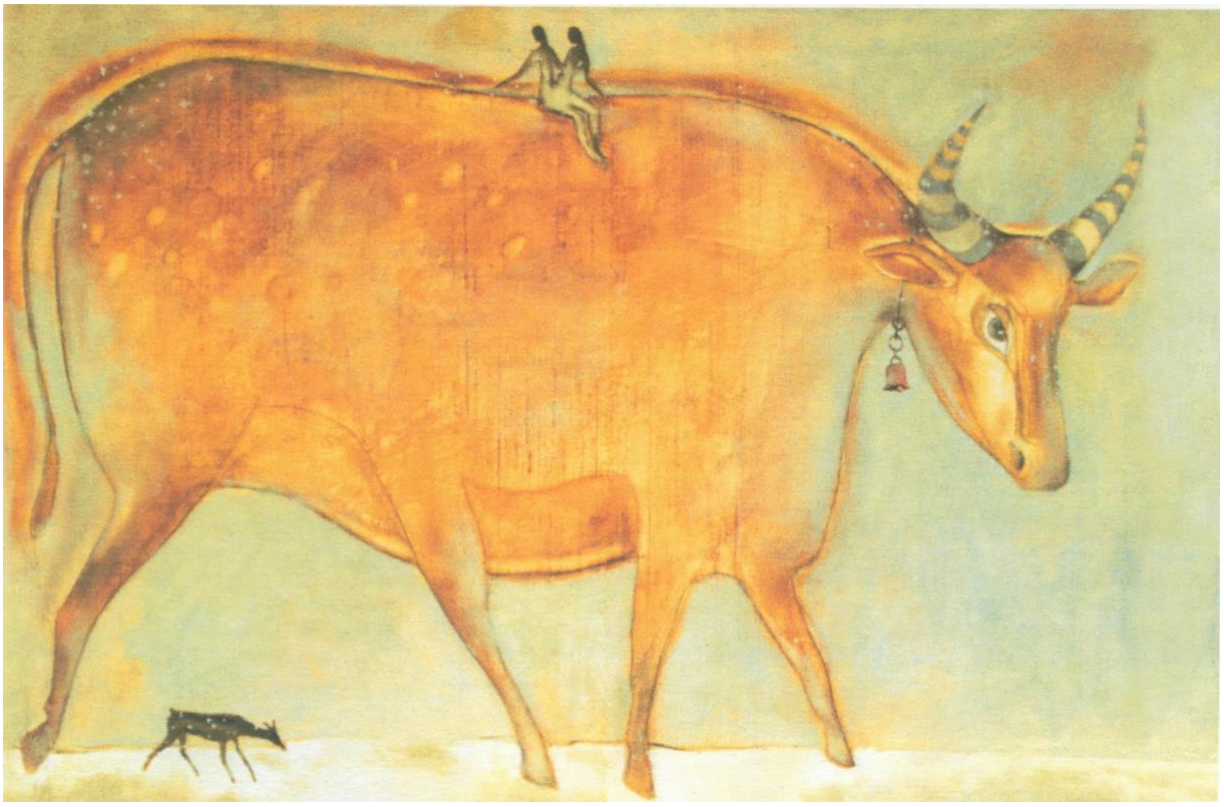
прозрачный, радостный цвет у края чашки, и каким тяжёлым, бархатным он становится в глубине. Дно лишь слабо угадывается, и в каждой чашке плещется отражение лампочки. В тёмной же посуде чай кажется мутным, и ощущение глубины совсем отсутствует. Прости, за этой болтовнёй я позабыл предложить тебе лимон. Вот так. Нет, сам я, пожалуй, откажусь. А наша пьеса продолжается. Вслед за супругом в танец вступает полногрудая сахарница. Она величаво подплывает к твоей чашке и снимает шляпку. Тебе сколько сахара? Ложечку, две? Давай насыплем сахар прямо на лимон. Горкой. Лимон тут же утонет — но ты не досчитаешь и до пятидесяти, как он снова, своевольной птицей, взлетит вверх. Смотри. Вот видишь, я был прав.

Чайник и сахарница сыграли свои роли и отошли на задний план — к декорациям. Нынче всё внимание снова на чашках. Они расползлись по краям стола, они рыжие с веснушками снаружи и белые изнутри, они наполнены крепким чаем, в твоей чашке спасательным кругом плавает лимон. Но он не спасёт меня, я уже повторяюсь, я не знаю, о чём говорить дальше. Зачем я выдумываю «Чайную церемонию»? Я вижу — ты понимаешь причину. Конечно же, затем, чтобы как можно дольше не начинать разговор о главном. О том, что касается только нас с тобой. Ты знаешь о чём.



Продавец зимних туманов, 1992 (холст, масло, 110х70 см)

* - находится в неизвестной частной коллекции



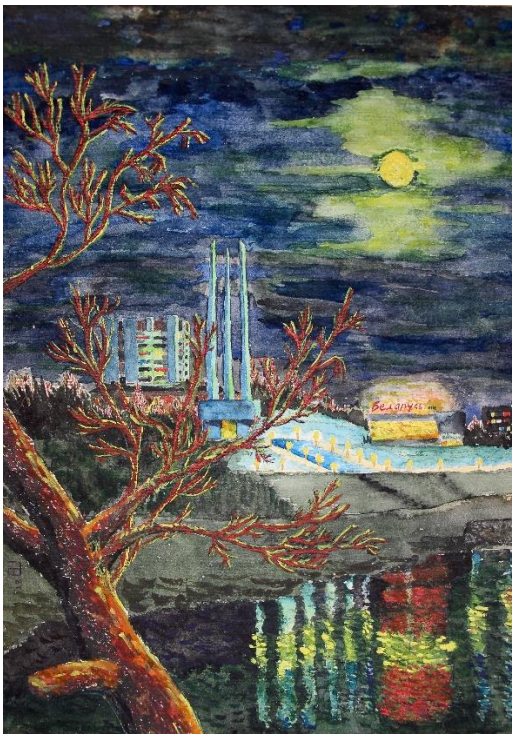
Месяц Ай, 1991 (Холст, масло, 69х100 см)
* - находится в неизвестной частной коллекции

Аранжировка в сером, 1990 (холст, масло, 72х89 см)
* - находится в частной коллекции в г. Могилев, Республика Беларусь

Король шутов, The King of the Fools, 1990 г. (холст, масло, 75х65 см)
серия Великие завоеватели
(в собственности семьи Прусовых, возможна к экспонированию)

Натюрморт №1, Still life number 1, 1990 г. (холст, масло, 100 х 69 см)

* - находится в частной коллекции в г. Гомель, Республика Беларусь



Список живописных работ Олега Прусова
с отсутствующими изображениями

1. Новогрудские сны, Dreams from town Novogrudok, 1988 г.
2. Натюрморт с капителью, Still Life with a Capital, 1989 г. – фото в обработке.
3. Намб, Namb, 1989 г. – фото в обработке.
4. Рождественский натюрморт, Christmas Still Life, 1990 г.
5. Одинокое дерево, A Lonely Tree, 1990 г. – фото в обработке.
6. Моё маленькое солнышко, My Litlle Sun, 1990 г.
7. Печальный странник, A Sad Wanderer, 1991 г. – фото в обработке.
8. На грани ночи, On the edge of the night, 1991 г.
9. Соната для флейты с марионеткой, Sonata for flute with puppet, 1991 г.
10. Подари мне облако, Give me a cloud, 1991 г.
11. Натюрморт с репродукцией Пикассо, Still Life with Picasso's repro, 1991 г.
12. Знаешь веру мою?, Do you know my faith?, 1992 г. – фото в обработке.
13. Дежурный ангел, Angel on duty, 1992 г.
14. Время молчать и время говорить, Time to be silent and time to talk,1992 г. – фото в обработке.
15. Игра в бильярд, Playing billiards, 1992 г.
16. Серый северный день, Gray northern day, 1992 г.
17. Чаепитие без свечей, A tea party without candles, 1992 г.
18. Февраль. Неуютный вечер, February. Uncomfortable evening, 1992 г.
19. Натюрморт (Модильяни), Still Life (Modigliani ...), 1992 г.
20. Я не хочу об этом говорить, 1994 г.
21. Натюрморт, Still, 1992 г. – фото в обработке.
22. А за окном мороз…, And frost outside the window..., 1992 г.
23. Натюрморт с двумя чашками, Still life with two cups,1993 г.
24. Чаепитие без свечей 2, A tea party without candles 2, 1993 г.
25. Третий день в ожидании снега, The third day waiting for snow, 1993 г.
26. Я не хочу видеть весну, I don't want to see the spring, 1994 г.
27. Когда-то, где-то в прошлом…, Once upon a time, somewhere in the past, 1995 г.
28. Воскресный вечер клоуна, Clown's Sunday evening, 1995 г.
29. Чаепитие в четверг, Thursday tea party, 1995 г.
30. Завтрак аристократа, Aristocrat's breakfast, 1995 г.

Вся графика в паспарту находится в собственности, либо в частной коллекции

в г. Витебск и может быть экспонирована

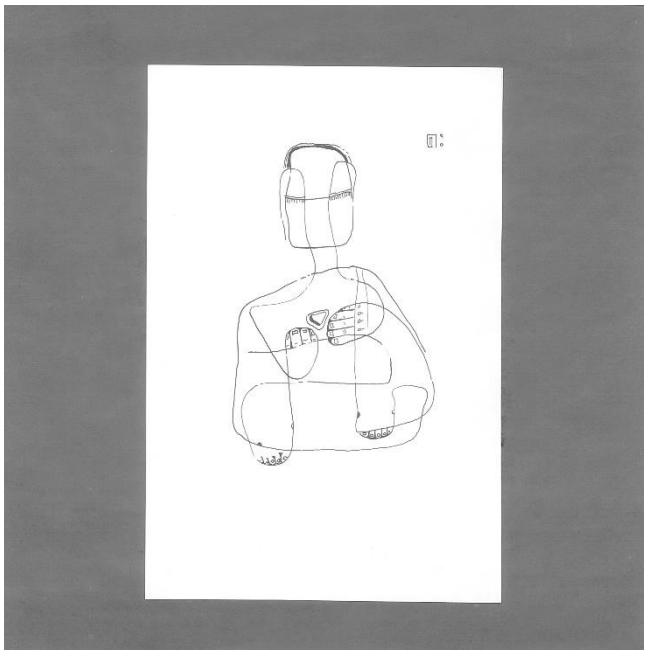
Ветер надежды, 1990,
The wind of hope,
Бумага, тушь, 15x23,
Paper, ink.

Мудрецы. Мечтатель, 1990,
Sages. Dreamer,
Бумага, тушь, 18x15,
Paper, ink,
из серии: **Мудрецы**,
from chapter: **Sages**.

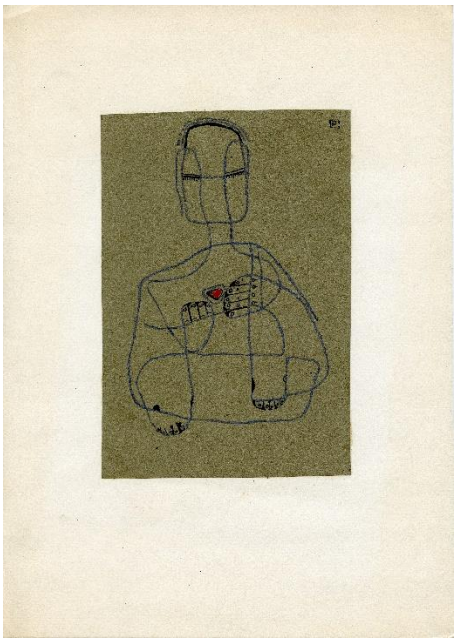
Под ногами моими белый снег, как трудно идти по белому[1], 1990
Under my feet is white snow, how difficult it is to walk on white,
Бумага, тушь, 11,6x8,
Paper, ink.

[1] Данной графике соответствует одноименное стихотворение притча 1989 г. написания.

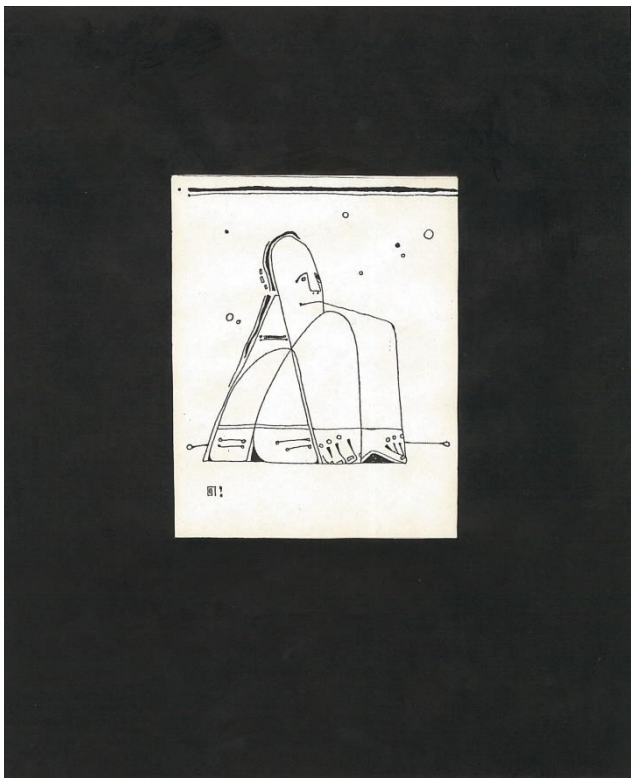
Мудрецы. Отшельник, 1990,
Sages. Hermit,
Бумага, тушь, 13x18,4,
Paper, ink, 130x184 mm,
из серии: **Мудрецы**,
from chapter: **Sages**.



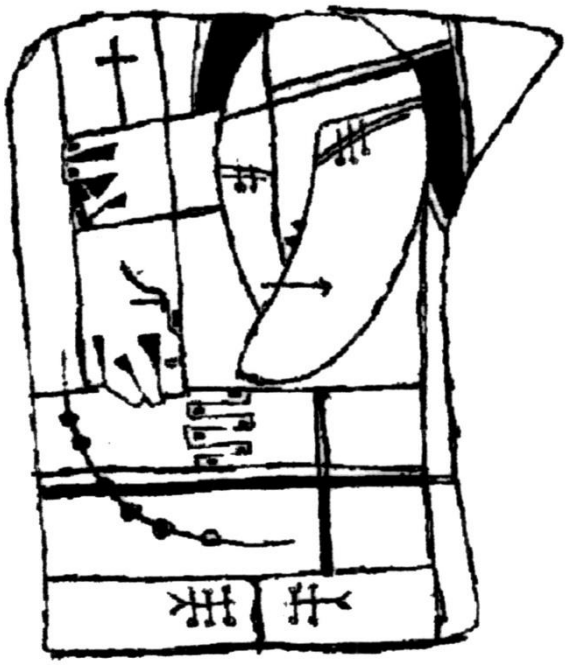
Одинокая, 1990,
Lonely,
Бумага, тушь, 24x15,
Paper, ink.



Одинокая, 1990,
Lonely,
Бумага, тушь, гуашь, 17x11,5,
Paper, ink, gouache.

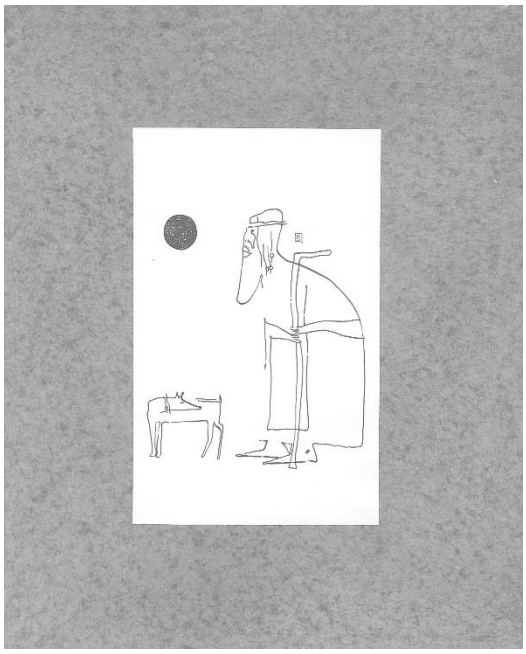


Звездочет, 1990,
Stargazer,
Бумага, тушь, 13,5x10,5,
Paper, ink.



Чернец, 1990,
Monk,
Бумага, тушь, 13x9,
Paper, ink.

Заморские правила чтения, 1990
Overseas reading rules,
Бумага, тушь, 10x10,
Paper, ink.



Мудрецы. Пилигрим, 1990,
Sages. Pilgrim,
Бумага, тушь, 11x17,
Paper, ink,
из серии: **Мудрецы**,
from chapter: **Sages**.

Я больше уходить не буду, 1990,
I will not going to leave,
Бумага, тушь, 20x15,
Paper, ink.

Новорожденный

...Тогда я родился... Вы видели меня? Да, да, маленький и красный. Скрюченный клокочущий комочек. А лицо — лицо — все морщины. И вы спросите: почему? А я скажу вам: там я умер. Мне было сто пять лет. Я умер в страдании и крике. Мои волосы повылазили — год от года; лицо, помнится, недурное, покрылось морщинами; грубой лепки фигура обрела постыдную бесформенность — я умер там. Меня раздели, уложили, отправили в путь.

— Смотрите, какой мальчуган родился.

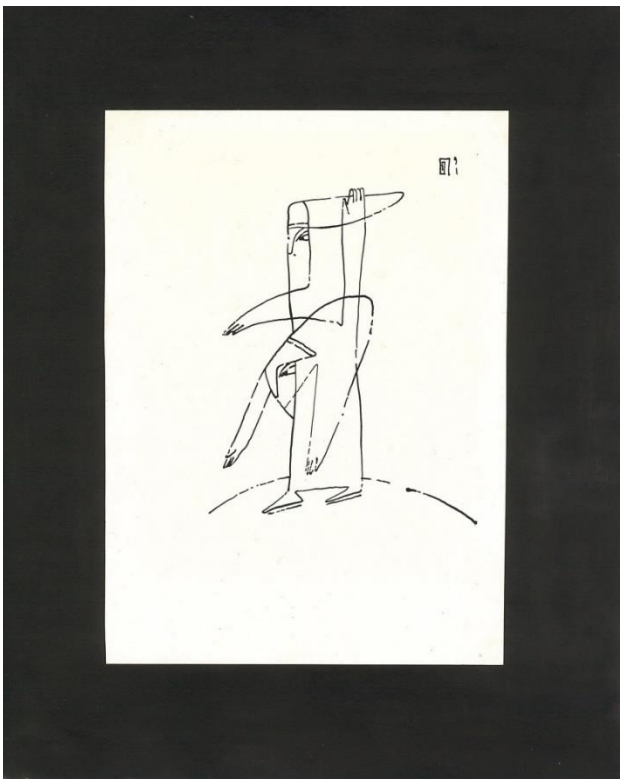
Я кричал им. — Я стар, я болен.

— Плачет, плачет малыш...

Я подчинился нелепию, но решил научиться их языку, чтоб сказать им — я стар. Но когда я постиг их язык, я забыл, о чем хотел говорить.

Ты не слушаешь меня, Никита? И вправду, к чему тебе бредни прадеда. Стучи в свой барабан, тешь мой старческий слух ритмом маршей. Я скоро умру. Меня снова разденут, умоют, положат в этой комнате; я пролежу здесь два дня.

— Ах, какой мальчуган родился, — скажут там.



Каин и Авель, 1991,
Kain and Avel,
Бумага, тушь, 16x11,
Paper, ink.

Каин и Авель, 1991,
Kain and Avel,
Бумага, ручка, 16x11,
Paper, pen.

Куда идешь?

Когда в пути настигнет тебя серая, слабая пичуга и попросит плечо твое к отдыху, вспомни, как тыкались в руки твои глупые слепые котята. Носиком теплым, доверчивым просили они показать мир — их утопили через день. Их мокрые носы ты чувствовал после, когда плакали в ладонях твоих тонкие птенцы. Ты не смог унести воспоминания о лесе и унес из леса птенцов. Ты помнил их прощальный писк, когда ударил младшего брата. Ты видел струйку алой крови. Ты помнил эту кровь и молящие детские глаза, помнил, когда взял в руку патрон. Ты пошел в этот путь. Пошел убивать. Но когда вдруг настигнет тебя серая, слабая пичуга и попросит плечо твое, вспомни, куда ты идешь.

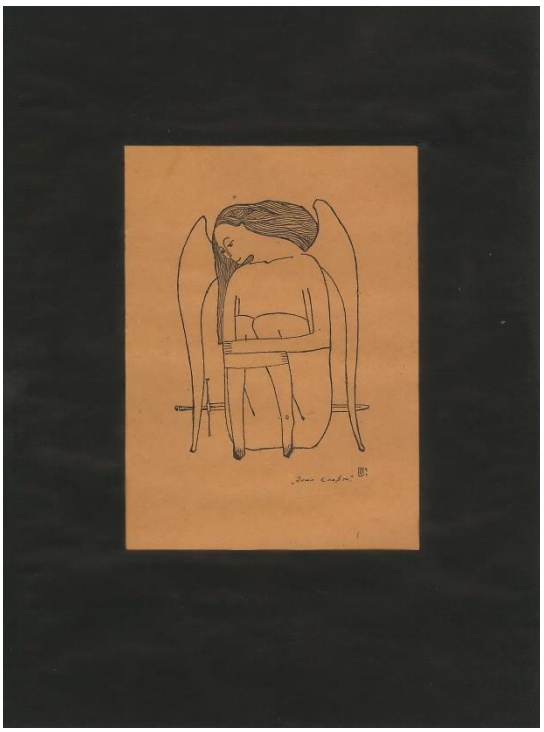
Притча о небе

Ветер гнал черный снег. Бил наотмашь людей. Люди кричали. Глаза их смотрели на небо: «Небо! Почему снег черный?»

То был день второй. Но был еще день до него. Что было тогда? Снега черного не было. А солнце? Солнце было. Наверное. А может, и не было. Не помнит никто. А солнце вышло в день тот в небо, сказать «здравствуй» людям. Но никто не заметил солнца. Может, не было солнца? А солнце искало людей, заглядывало в каменные дома. «Здравствуй» — говорило людям. Но люди не видели солнце. «Почему они не смотрят на небо?» — огорчалось солнце. «Зачем им небо» — отзывалась луна — «Ноги их выросли из земли. Земля их учит, кормит.» «Но жизнь дает небо.» «Но кормит земля.» «Увидели б меня, — мечтало солнце, — Быть может, увидели б и небо.» «Ты в небе... Даешь им тепло и свет. Люди привыкли к свету. Зачем им смотреть не небо.» «А если ветер и дождь?» «Раскроют зонты...»

«А если снег? Вдруг черный снег?»

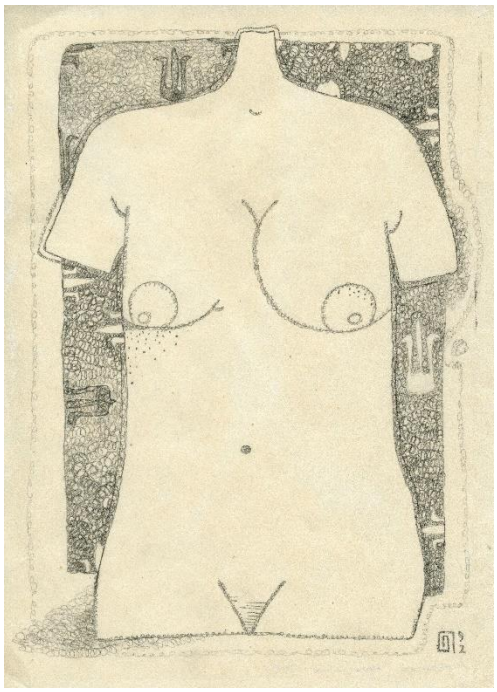
«Испугаются: — Небо! Почему снег черный?» «Скажут: НЕБО?» «Скажут.»



Ангел смерти, 1991,
The angel of death,
Бумага, тушь, 21,6x15,8,
Paper, ink,
из серии: **Ангелы**,
from chapter: **Angels**.

Мудрецы. Поэт, 1992,
Sages. Poet,
Бумага, карандаш, 17x11,
Paper, pencil,
из серии: **Мудрецы**,
from chapter: **Sages**.

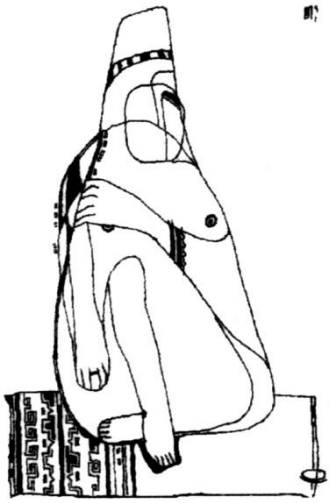
Дежурный ангел, 1992,
Angel on duty,
Бумага, тушь, 18,2x24,5,
Paper, ink,
из серии: **Ангелы**,
from chapter: **Angels**.



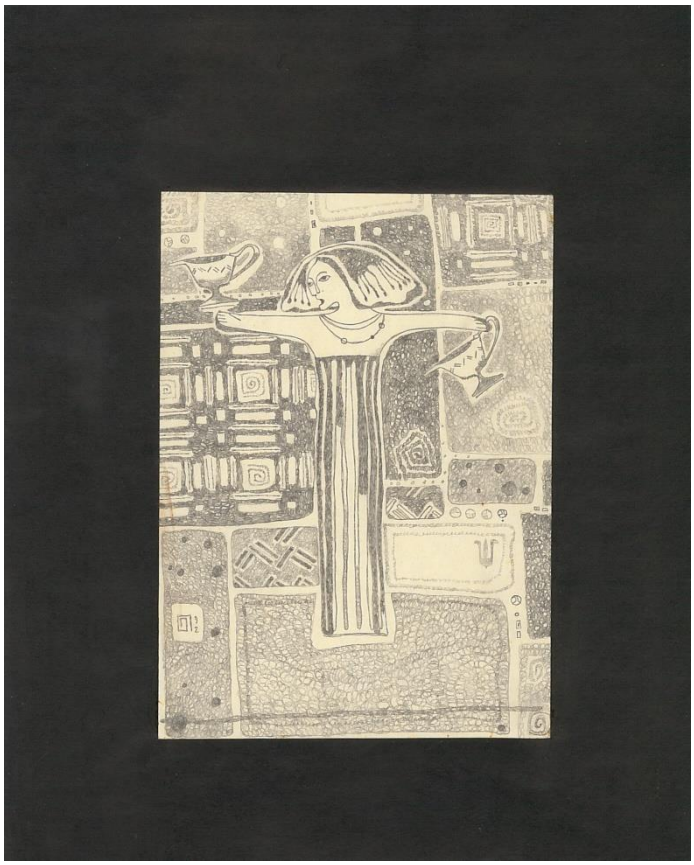
Большой женский торс, 1992,
Large female torso,
Бумага, карандаш, 19x14,
Paper, pencil.

Соната весне, 1992,
The sonata for spring,
Бумага, карандаш, 18x14,2.
Paper, pencil.

Разговоры ни о чём, 1992,
Talking about nothing,
Бумага, тушь, 20,8x28,5,
Paper, ink.



Игра, 1992
The game,
Бумага, тушь
Paper, ink.

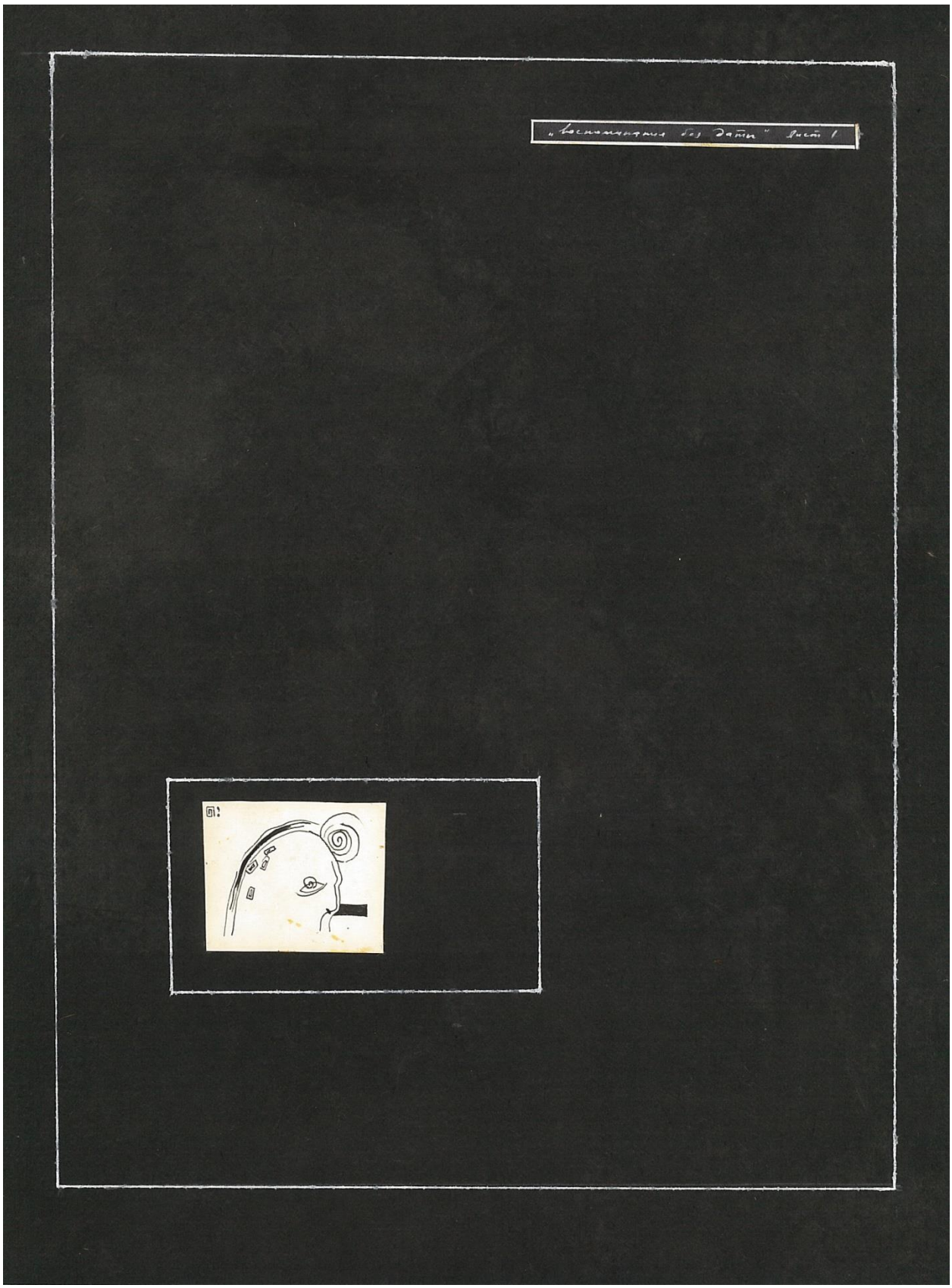


Живая вода, мертвая вода, 1992,
Living Water, Dead Water,
Бумага, карандаш, 18,8x14,
Paper, pencil.

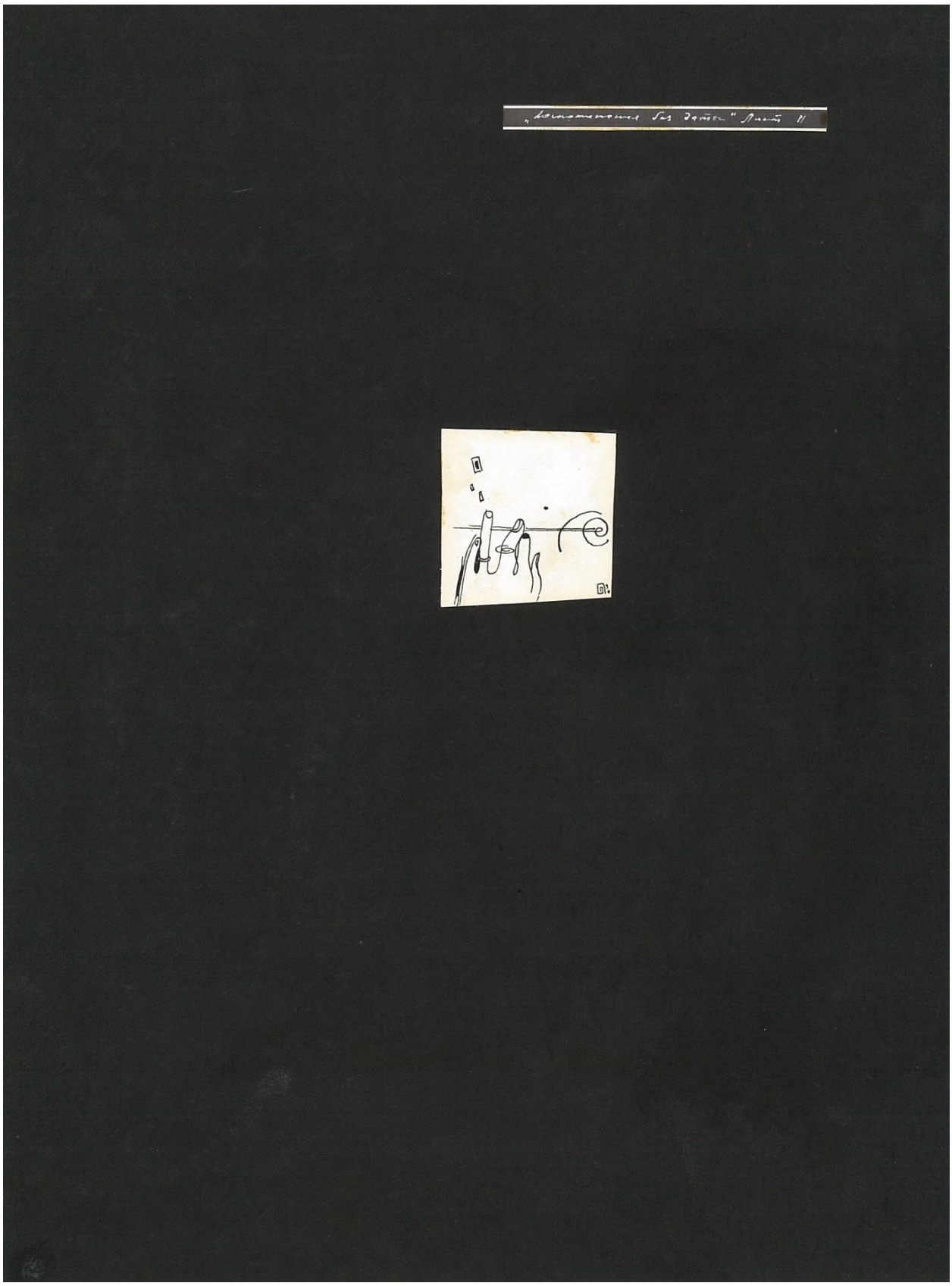
Молитвы лесного озера

Студеное небо разлилось над зеркалами озер. Бурые рамы земли, вечные жилы дорог. Солнце и звезды рождаются в озерах, выходят из озер, плывут в холодной пене неба, оставляя озерам лишь тени свои. Но там, где застыло Лесное озеро, и солнце, и звезды убыстряют свой ход: не хотят отраженьем вспугнуть, любопытством пустым оскорбить. Где черный омут — и вода черна. Не видать кругом и души живой. Лишь молодица поутру придет с ведром воды отнять, да тянут-то вниз в черноту косы тяжкие, да манит омут силой неведомой. Где день встает — там и ночь идет. Тонет в озере том хворь да злость лесная. Да и из людей не один от земли здесь ушел, заплатив белизной дневной за глубину влекущую.

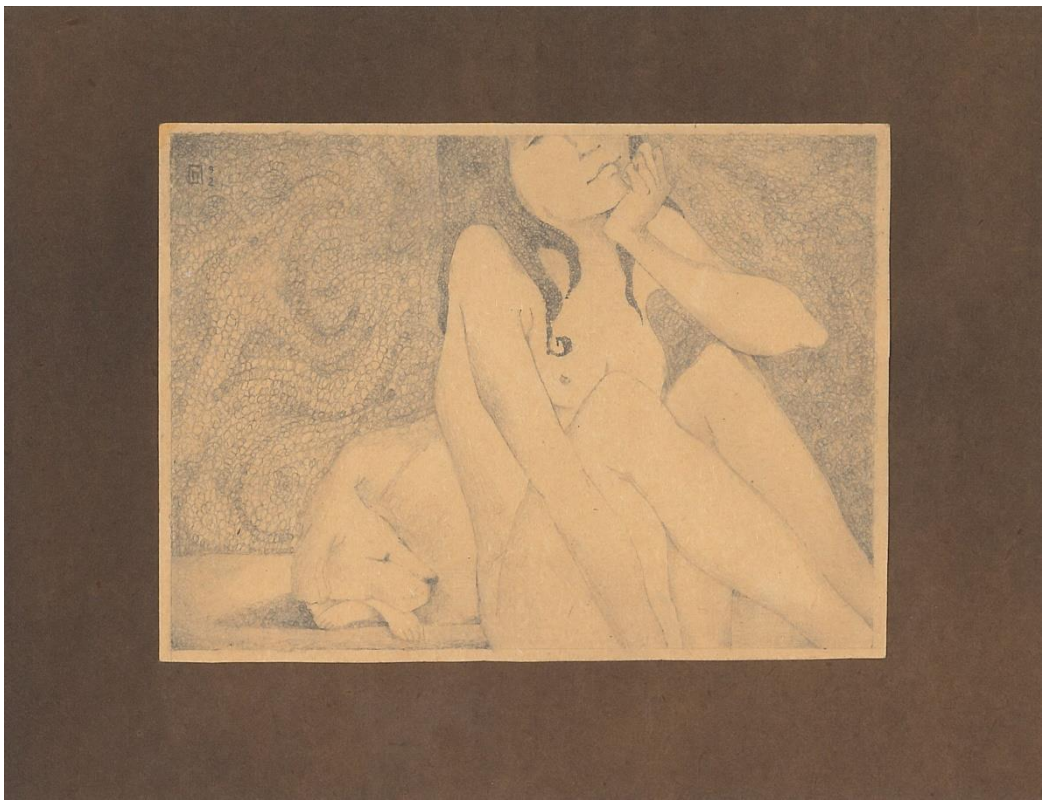
Расспроси то озеро — память нить плетет. Подо льдом задыхалось — по весне жизнь восхваляла. Берегами затянуто было — берега подмывало. Небо пить просило — небу пить давало. Небо слезы лило — слезы не принимало. Громы слышало, пожары видело. Живой водой не было, но и мертвой никто не звал. А жило долго — ведь лес вековой. Но сколько ни жило, одно лишь шептало: «Не стань равнодушным...»



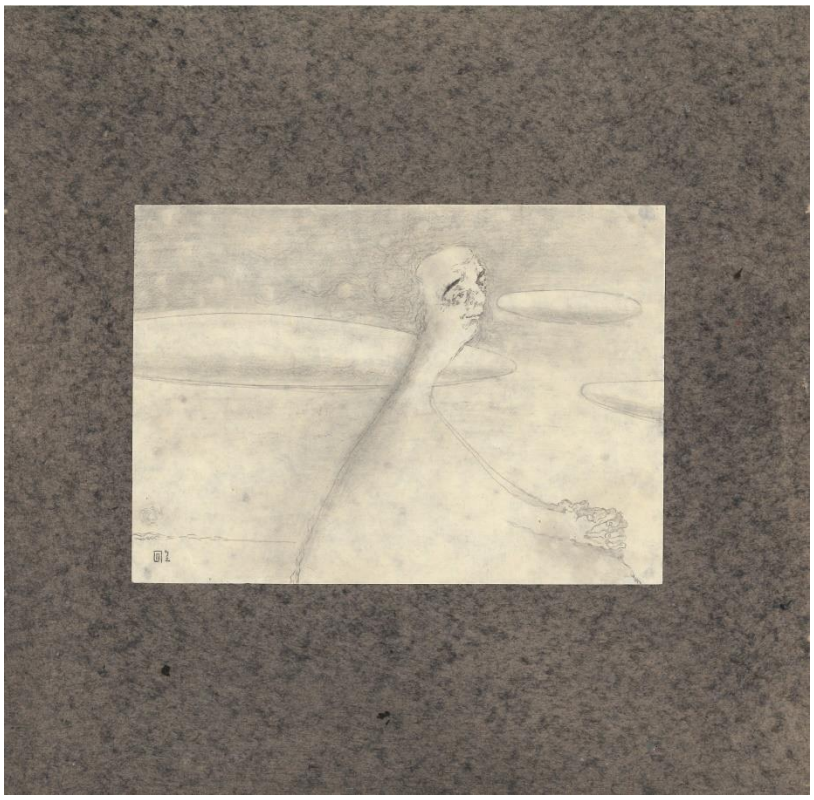
Воспоминание без даты. Лист 1, 1990,
Memories without a date. Sheet 1,
Бумага, тушь, 34,8x25,8,
Paper, ink.



Воспоминание без даты. Лист 2, 1990,
Memories without a date. Sheet 2,
Бумага, тушь, 34,8x25,8,
Paper, ink.

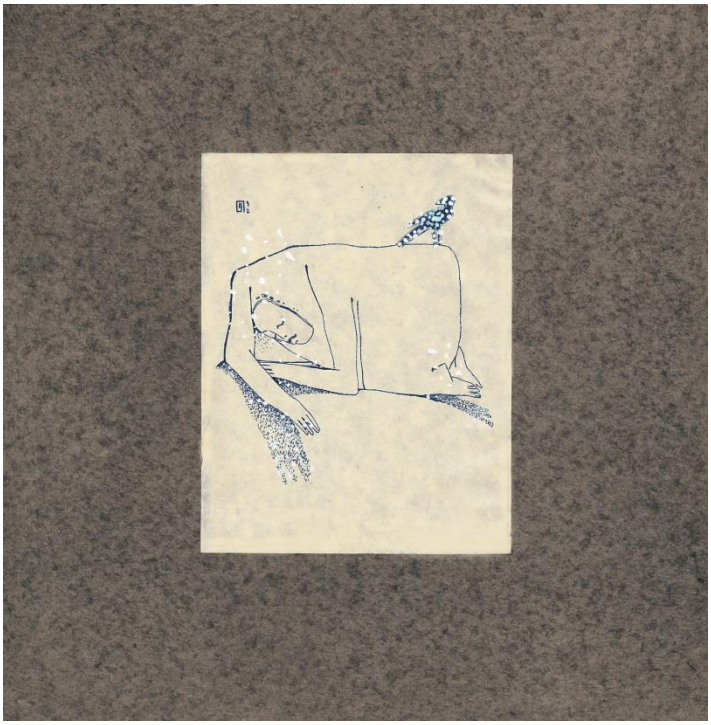


Воспоминания, 1992,
Memories,
Бумага, карандаш, 14x20,
Paper, pencil.



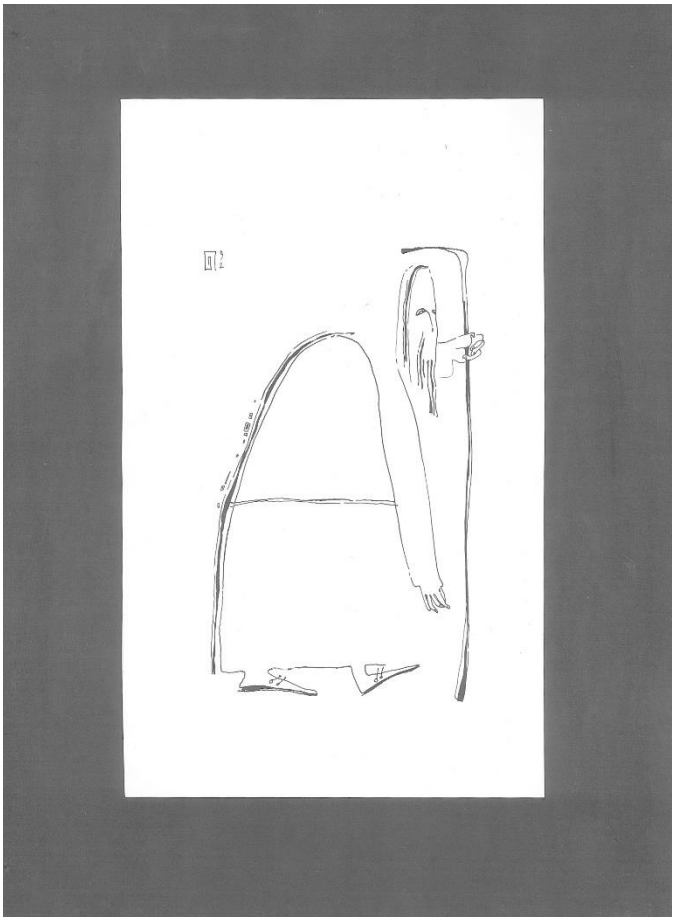
Разгоняющий облака, 1992,
The clouds disperser,
Бумага, карандаш, 14x19,5,
Paper, pencil.

Ночные бдения, 1990
Night Vigils,
Бумага, тушь
Paper, ink.



Время зимних туманов (в чужих озерах сна), 1992,
The time of winter fogs (sleep in foreign lakes),
Бумага, тушь, 13x12,
Paper, ink.

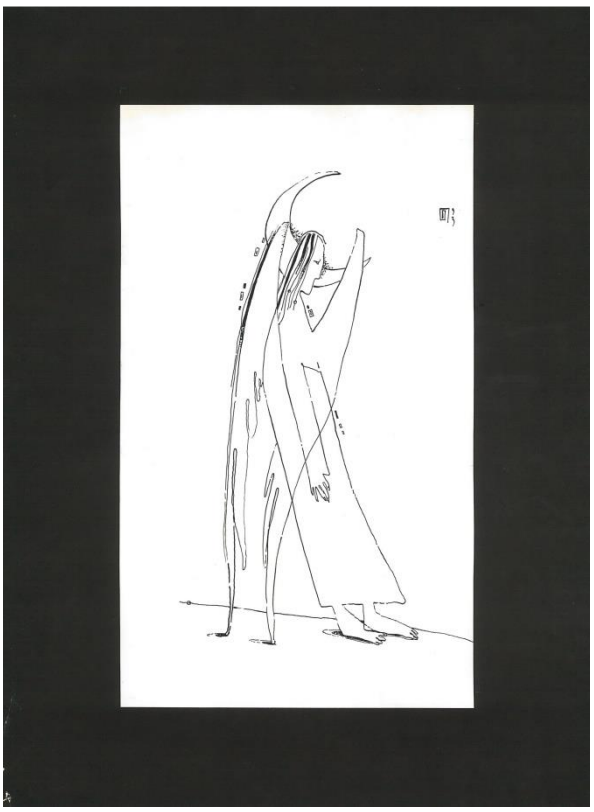
Полнолуние, 1992,
Full moon,
Бумага, тушь, 11x13,
Paper, ink.



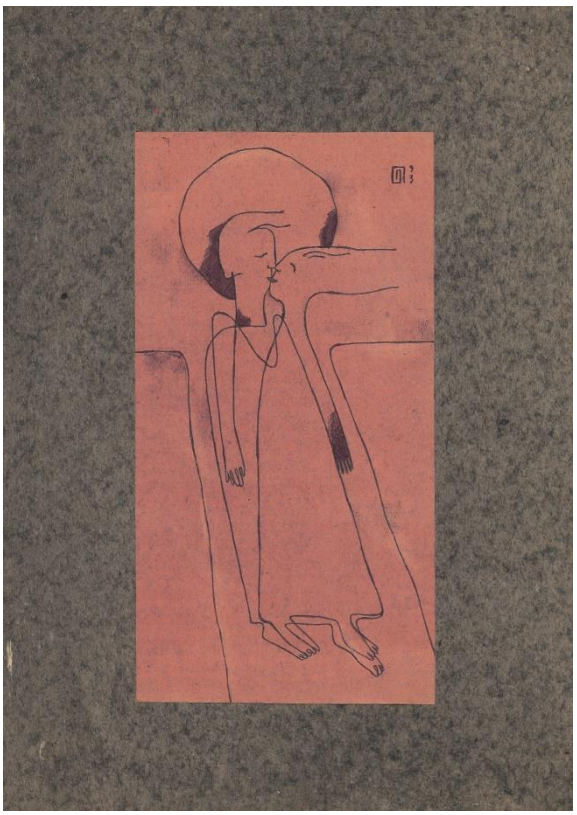
Один из братьев, 1992,
One of the brothers,
Бумага, тушь, 30x18,
Paper, ink.

Полнолуние (ночь и день), 1992,
The full moon (night and day),
Бумага, тушь, 24,5x18,
Paper, ink.

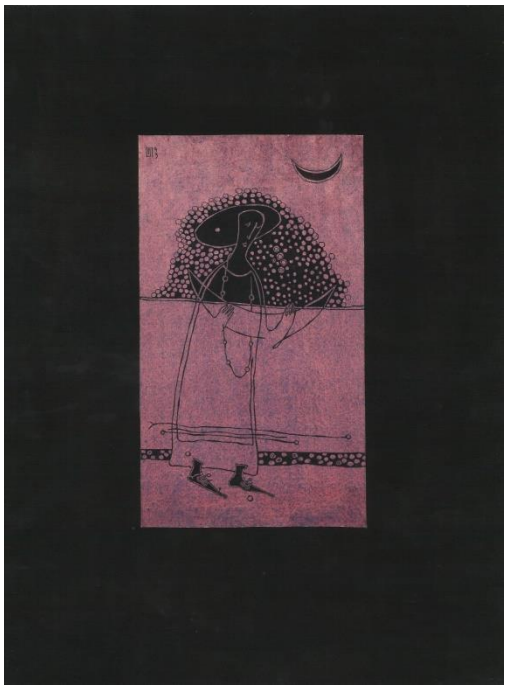
Акробаты, 1992,
Acrobats,
Бумага, тушь, 15,8x20,7,
Paper, ink.



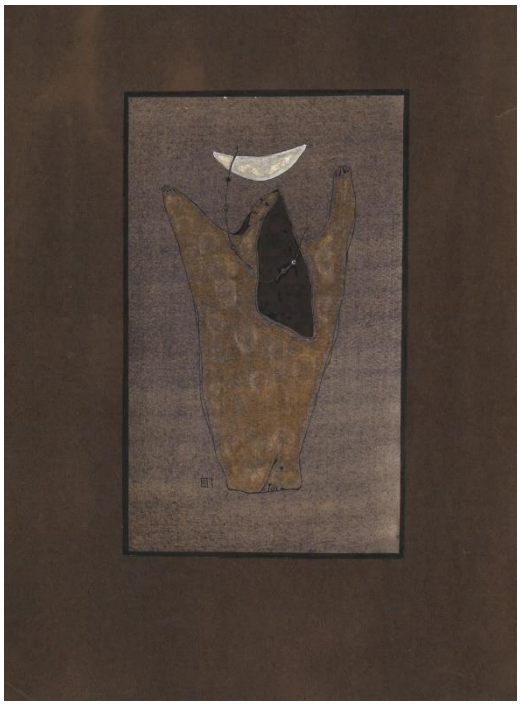
Ангел благого молчания, 1993,
The angel of a good silence,
Бумага, тушь, 29,6x17,2,
Paper, ink,
из серии: **Ангелы**,
from chapter: **Angels**.



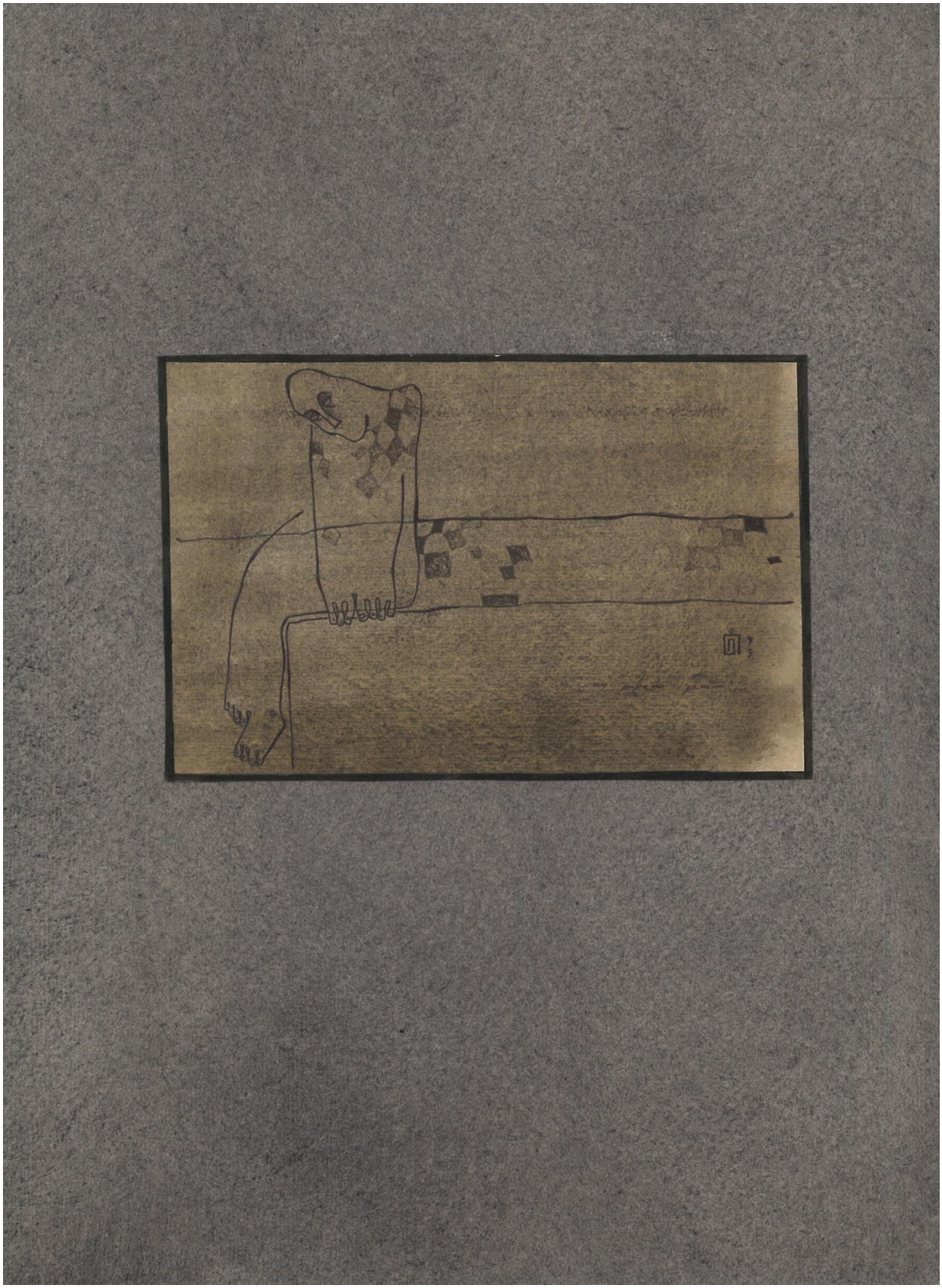
Влюбленные, 1993,
Lovers,
Бумага, тушь, 23x12,3,
Paper, ink
из серии: **Влюбленные**,
from chapter: **Lovers**.



Колыбельная, 1993,
Lullaby,
Бумага, тушь, 23x13,
Paper, ink.

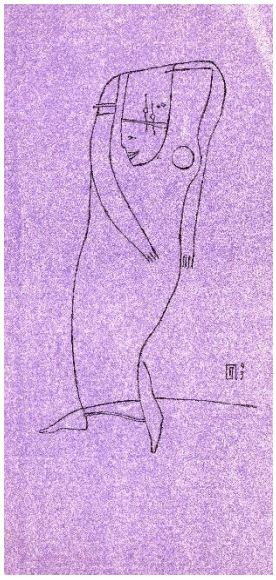


Танец одинокого сердца, 1993,
The dance of a lonely heart,
Бумага, тушь, гуашь, 26x15,8,
Paper, ink, gouache.

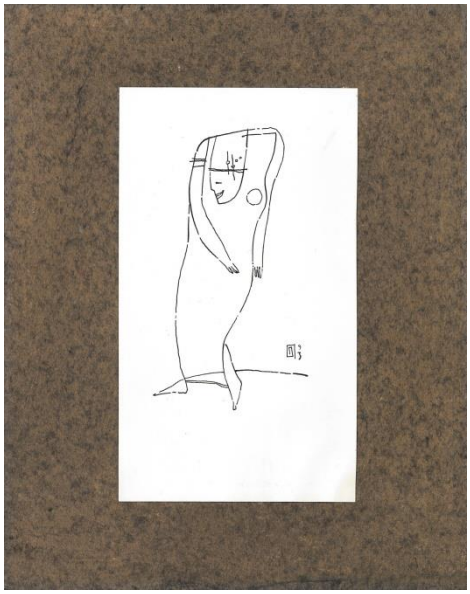


На краю земли, 1993,
On the Edge of the Earth,
Бумага, тушь, 13x20,
Paper, ink.

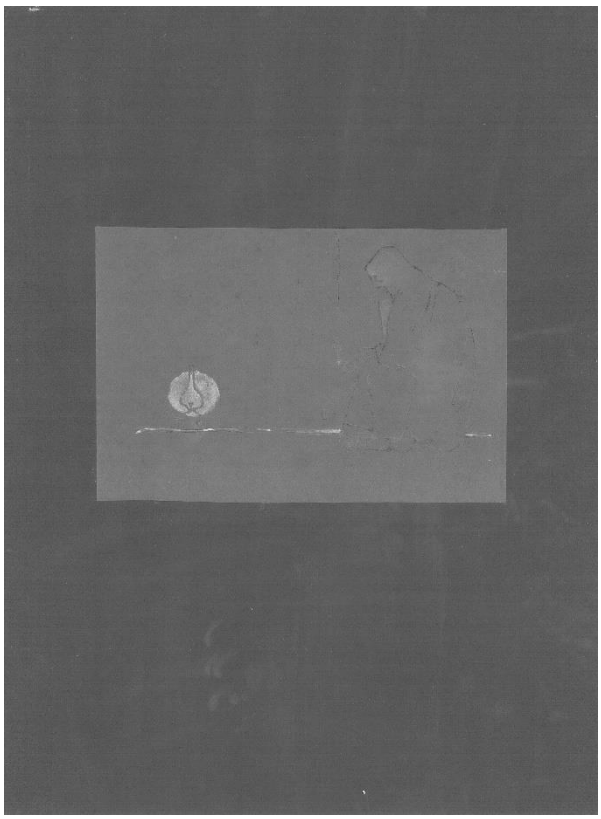
Морской ветер, 1993,
A sea wind,
Бумага, тушь, 26,4x17,8,
Paper, ink.



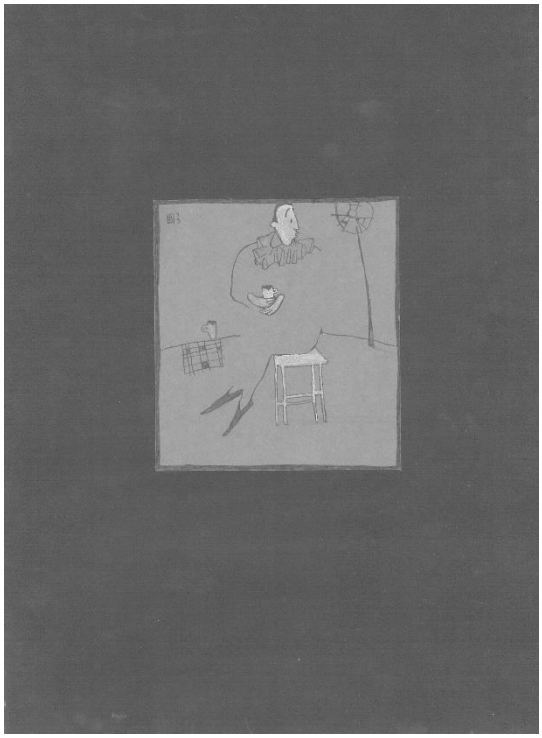
Кокетка, 1993,
The coquette,
Бумага, тушь, 21x10,
Paper, ink



Кокетка, 1993,
The coquette,
Бумага, тушь, 28x12,
Paper, ink.



Ночь, 1993 (?),
The night,
Бумага, тушь, 13,2x19,8,
Paper, ink.



На окраине шумного города, 1993,
On the outskirts of a bustling city,
Бумага, тушь, 14,5x13,
Paper, ink.

Общество

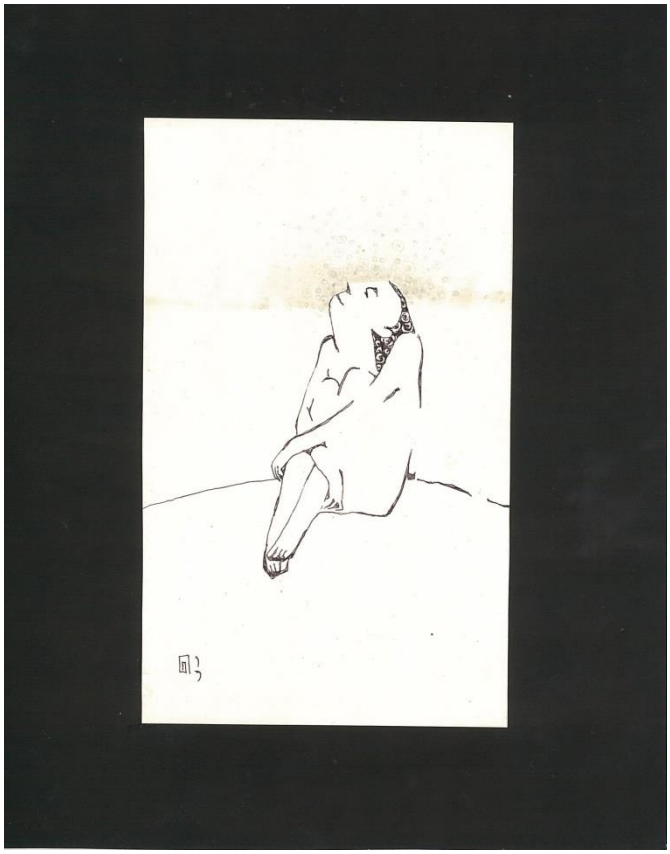
Город губами труб цепляется за беззащитное небо. Ночью трубы мигают воспаленными огоньками, полагая, что их принимают за звёзды; днём пускают глупыми ртами въедливый дым, надеясь родить облака. А человек, что душит нервными затяжками тонкое сигаретное тело, надеется родить хоть огонёк и дым.

Здесь город. Здесь каждый живёт подобием. Колченогий фонарь мнит себя луной, но отвергая кроткость луны, лезет и лезет в глаза: «Я исток света.» Грязный, затёртый до блеска ковёр рядится в зелёное, ворсом равняясь с травой.

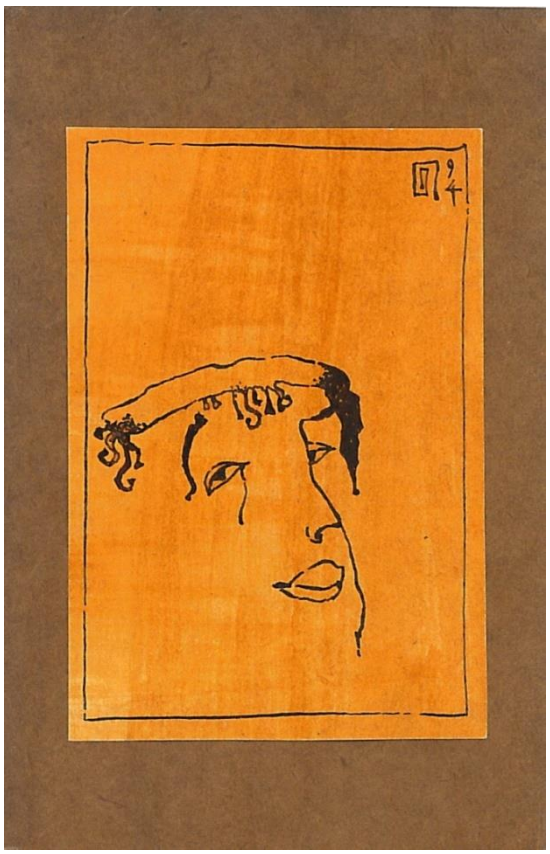
Мёртвые столбы зовутся деревьями, а если и живо где дерево, режут и рубят его по образу своему. Заводы шипят и орут — бесспорно, это ветер и птицы. Люди здесь великие фантасты. Они отчеканили себе своё солнце и делят его на число. Они построили себе муравейники и называют их домами. Они отупели до прямых углов и величают это эстетикой. Загнали воду в краны, тепло в батареи. И имя придумали — город.

Но это мой город. Там, в полях, я дик и ничтожен. Здесь — я силён и смел. Лень дурманит его путь, он заставляет меня искать. Я — сын города. Он — мое общество.

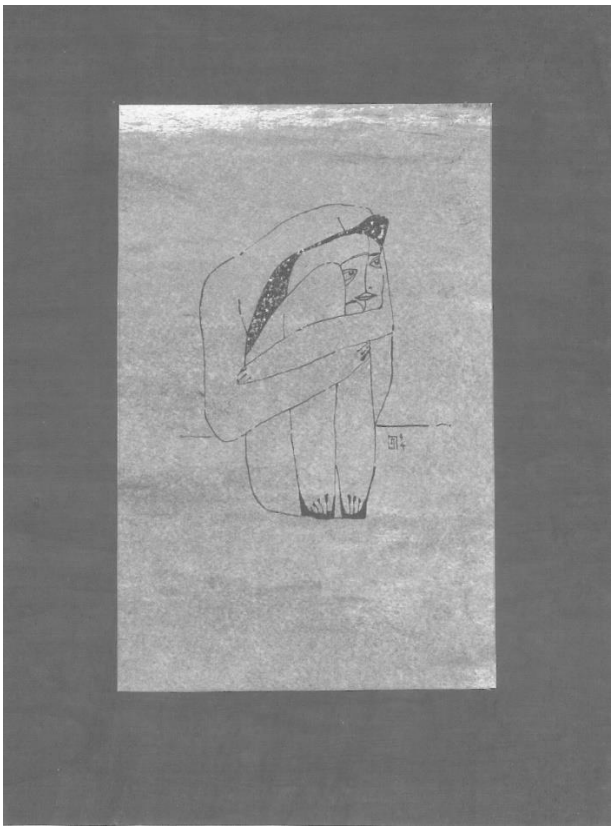
1991



Я не хочу об этом говорить, 1993,
I don't want to talk about this,
Бумага, тушь, 21,2x13,
Paper, ink.



Вакх, 1994,
Bacchus,
Бумага, тушь, 12,8x8,4,
Paper, ink.

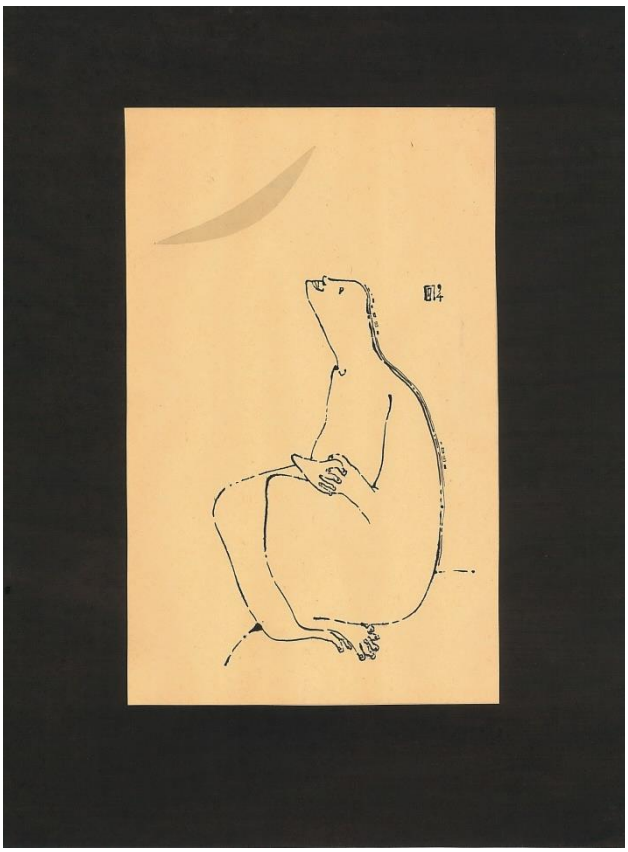


Сидящий на камне, 1994,
The sitter on the stone,
Бумага, тушь, 28x18,
Paper, ink.

Полночь, 1993,
Midnight,
Бумага, тушь, 20,8x14,6,
Paper, ink.

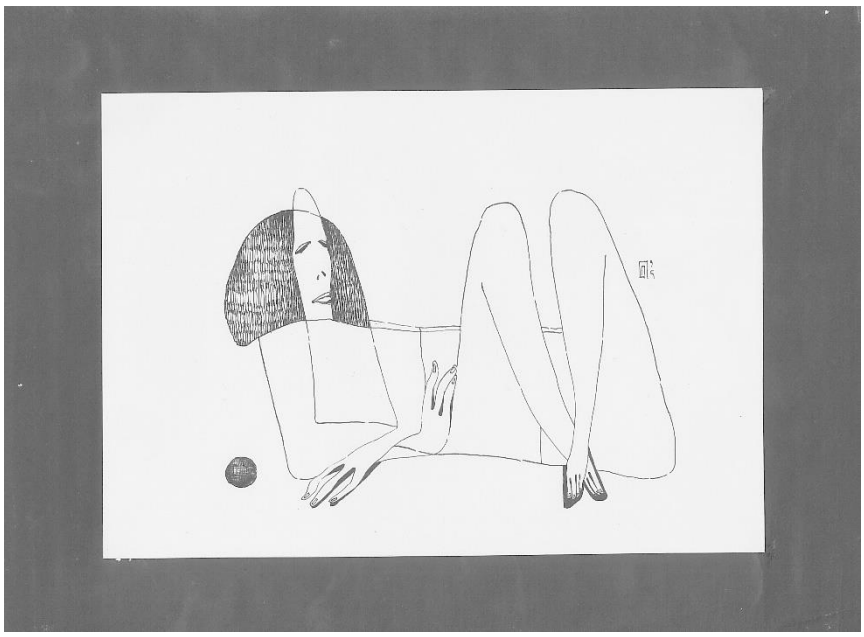
Влюбленные, 1994,
Lovers,
Бумага, тушь, 19,4x15,
Paper, ink,
из серии: **Влюбленные**
from chapter: **Lovers**.

Белые ночи, 1994,
White nights,
Бумага, тушь, 27x17,
Paper, ink.

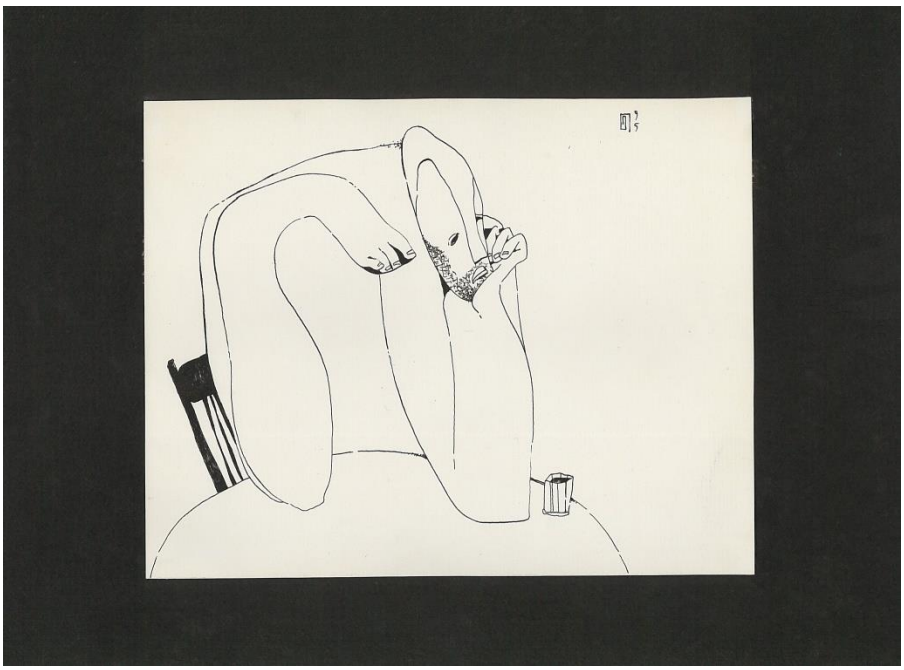


Сфинксы, 1994,
Sphinxes,
Бумага, тушь, 21x25,2,
Paper, ink.

Плюшевое одеяло, 1995,
The plush quilt,
Бумага, тушь, 22,4x27,
Paper, ink.



Королева, 1995,
The queen,
Бумага, тушь, 21x30,
Paper, ink.

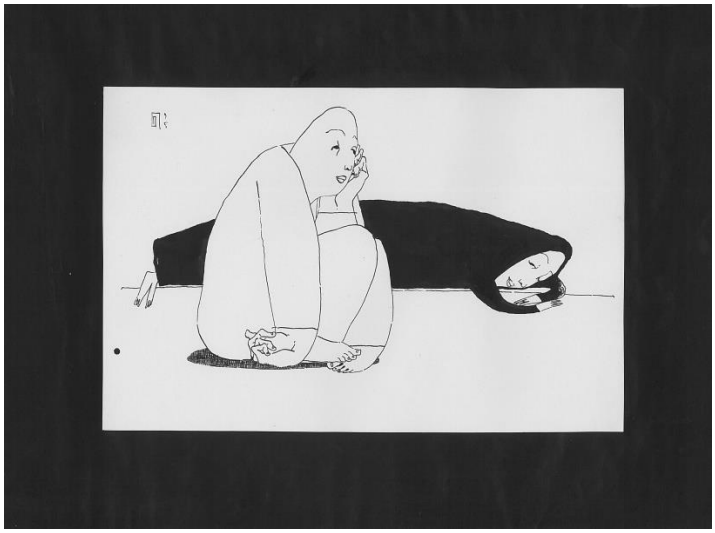


Вечерняя песня,
1994,
The evening song,
Бумага, тушь,
20,8x26,5,
Paper, ink.

Вечерняя песнь

Зачерпну ветер в ладони.
Закрою дверь.
У окна сяду.
Стены — туманы белые.
Хозяйка в доме — любовь.
Мысли — звери несносные.
Разбежались.
Кто ж за вами угонится.
Шорох за окнами? Это облако.
Хвостом виляет.
Войти в дом просится.

Соната для счастливых, 1995,
Sonata for the happy people,
Бумага, тушь, 18,8x28,5,
Paper, ink.



Звездочеты, 1995,
Stargazers,
Бумага, тушь, 32x22,
Paper, ink,
из серии: **Влюбленные**,
from chapter: **Lovers**.

Чай для двоих

Июньский день дарит солнцу рабыню — плакучую землю.

А ночь, ночь дарит мне запах жасмина.

Что может быть хуже измены? Привычка. Я изменил ночи и привык к этому. Каждый день рука включает лампу, и, как только свет обжигает мой дом, ночь отпрыгивает от окна, нервно задергивает темную штору. На шторе, наверное, есть узоры.

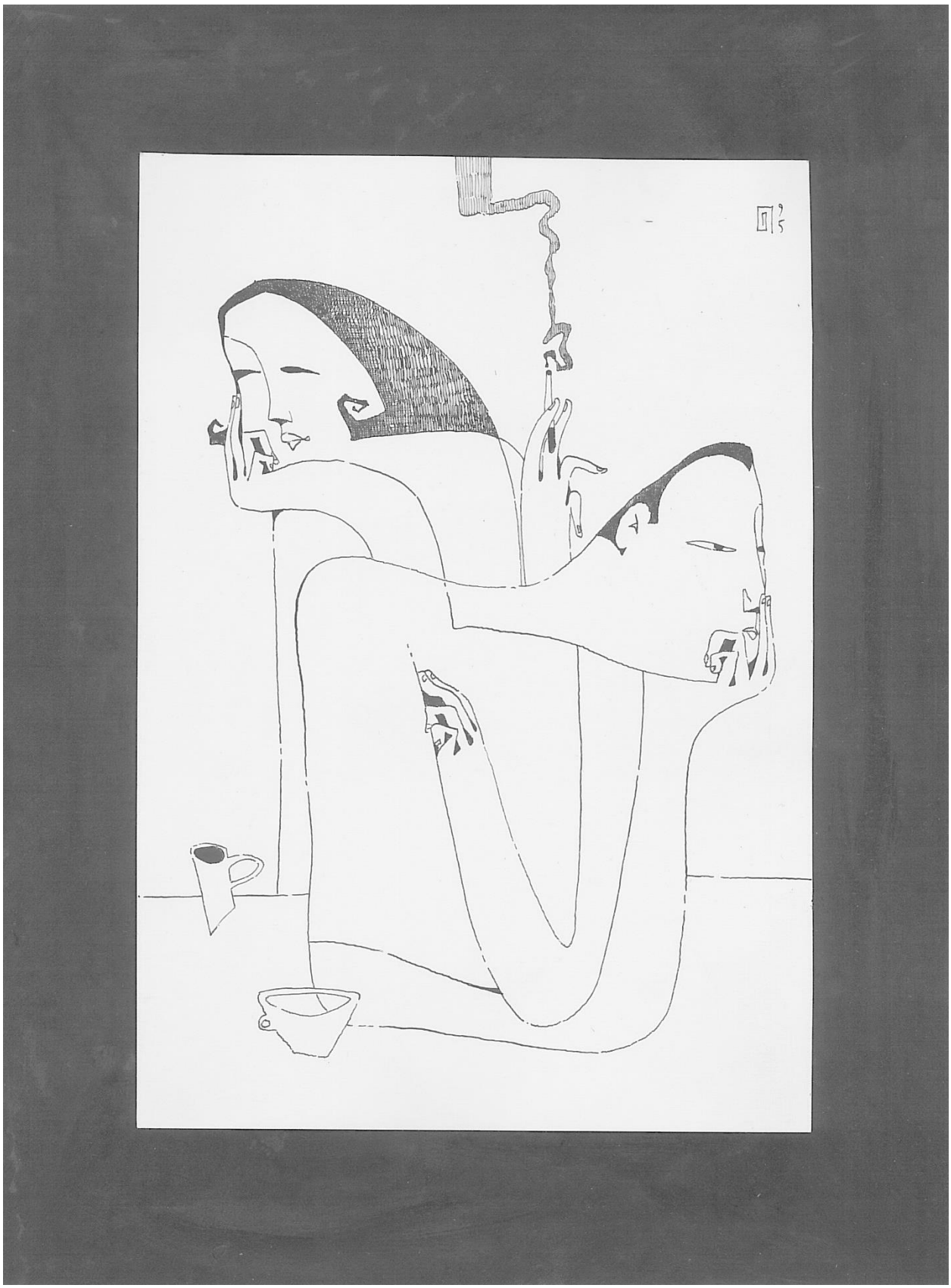
Тонкие японские узоры, но они не для меня. Я изменил ночи.

Заварился чай, я разлил его Красным и Черными морями в высокий стакан и широкую чашку. Чай удивителен. Как смог он собрать жару дня и запах ночи? Силу первого и слабость второго. Слабость побеждающую силу.

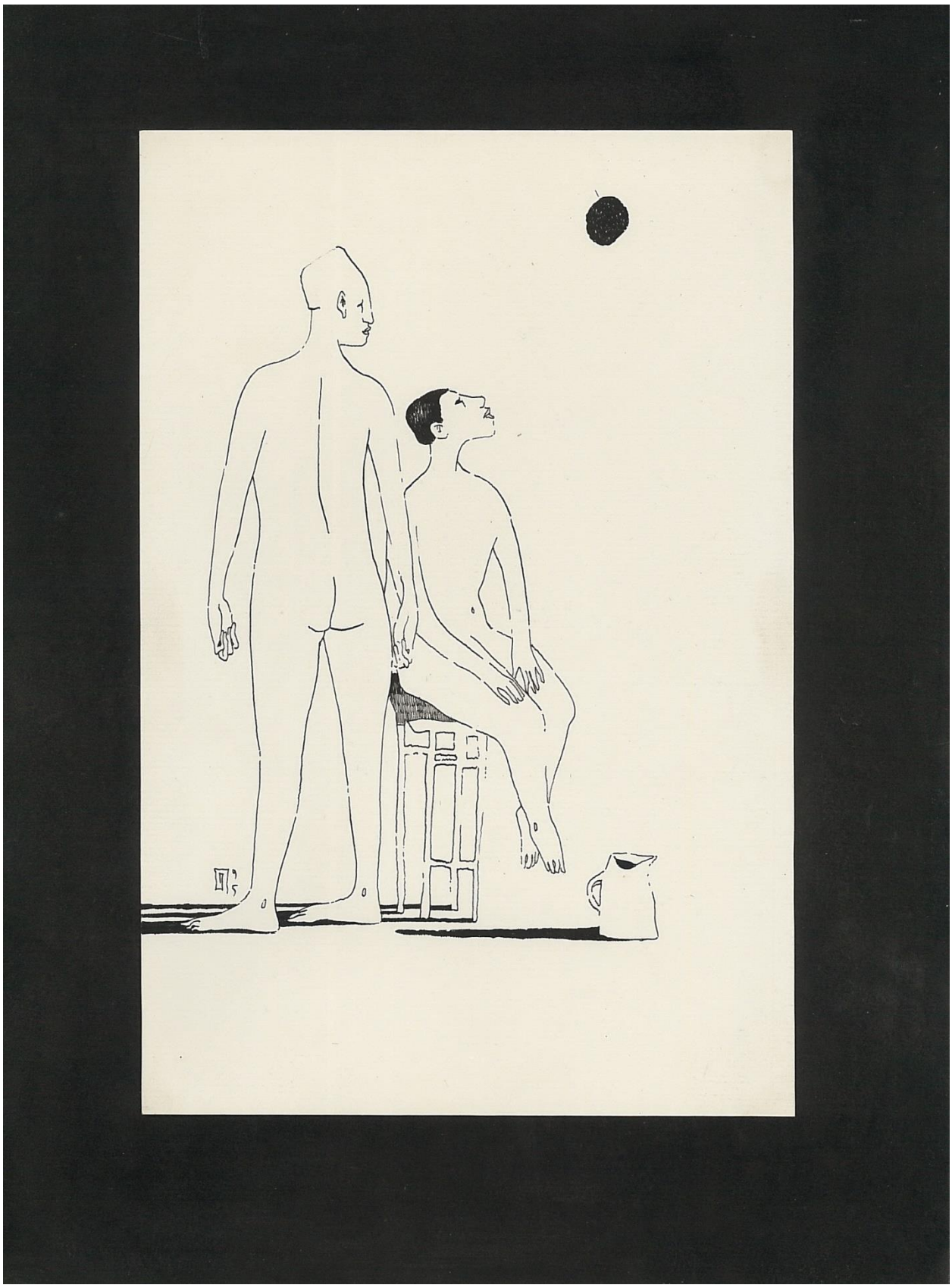
Я и настольная лампа читаем одну книгу. Склонились — голова к голове, — я люблю с ней читать одну книгу. Лампа читает быстрее, она всегда читает быстрее, и потом вертит головой, заглядывает под стол, тянет шею к окну. Иссохло Черное море, чашка пуста. Остыло Красное. Я читаю книгу. Лампа читает книгу.

Кричит Будильник. Четыре утра. Встаю, беру стакан, выливаю Красное море в окно. Море полоской разлилось над полем. Рассвет.

1991

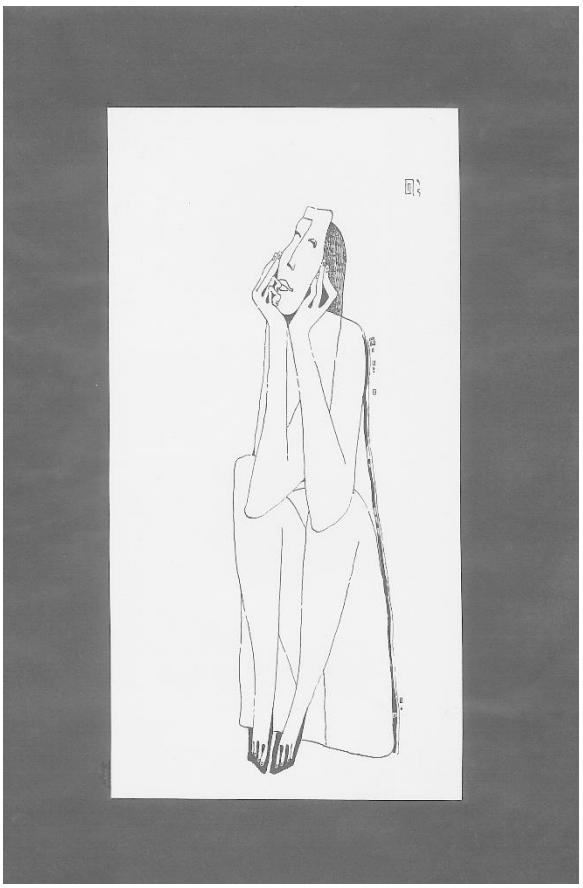


Чашка хорошего кофе, 1995,
A cup of good coffee,
Бумага, тушь, 30x25,
Paper, ink,
из серии: **Влюбленные**,
from chapter: **Lovers**.

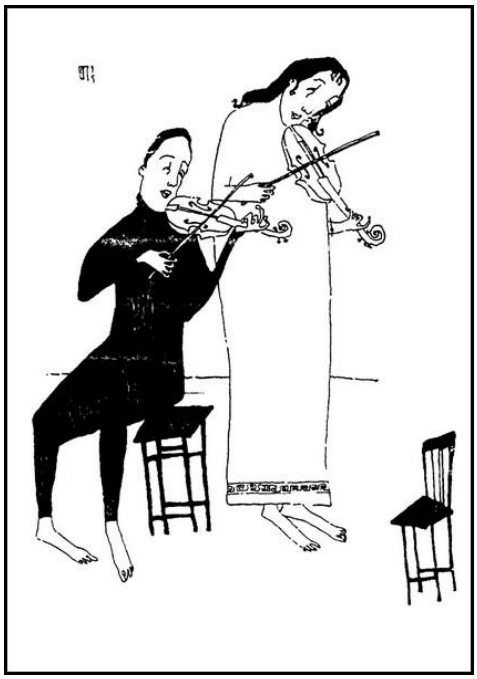


Говорят, там всегда идут дожди, 1995,
They say it always rains there,
Бумага, тушь, 29,7x19,7,
Paper, ink.

Назови меня Ангелом созерцания.
И умру в безысходности мысли.
Дай мне имя Ангела понимания.
И поняв, не смогу говорить я.

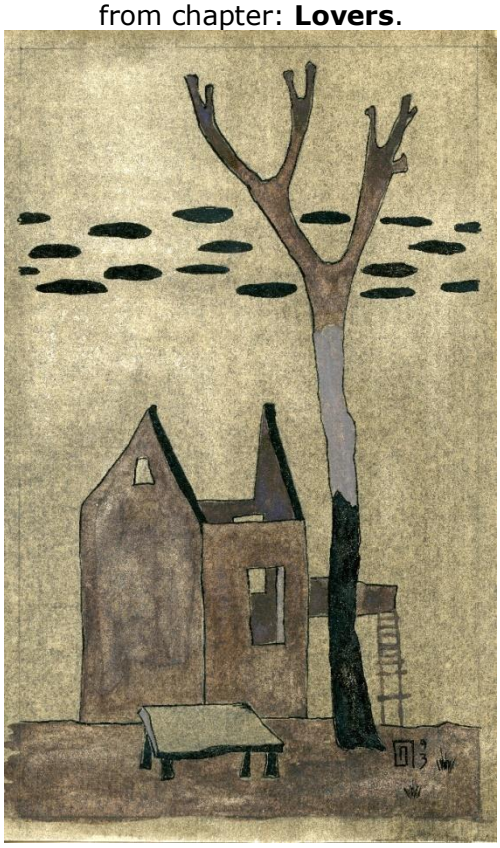


Бескрылый ангел, 1995,
The wingless angel,
Бумага, тушь, 30x5,5,
Paper, ink,



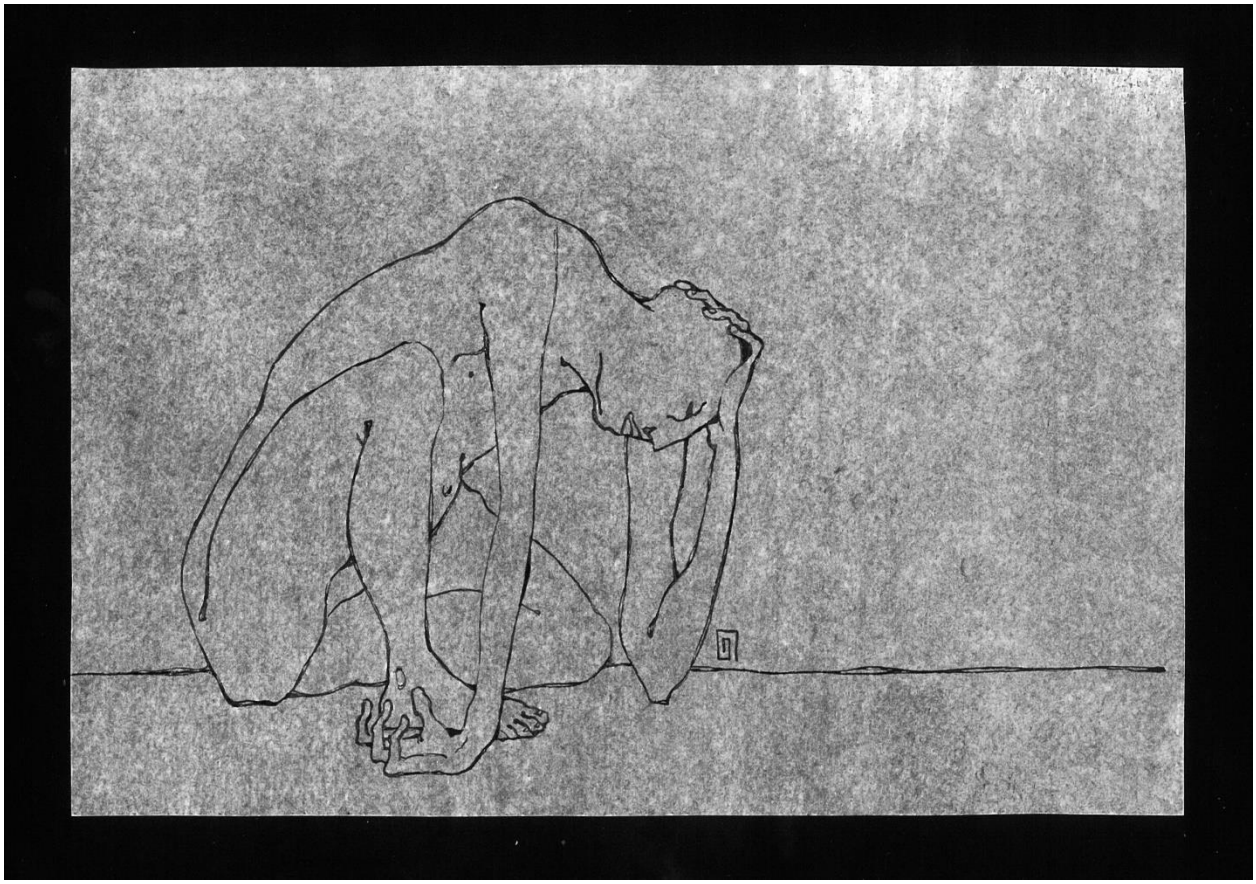
Элегия, 1995,
Elegy,
Бумага, тушь,
Paper, ink.

Влюбленные, 1995,
Lovers,
Бумага, тушь,
Paper, ink,
из серии: **Влюбленные**,
from chapter: **Lovers**.



Реквием осени, 1993,
Requiem of Autumn,
Бумага, тушь, гуашь, 19x11,5,
Paper, ink, gouache.

Голый король, 1994,
Naked king,
Бумага, тушь, ,гуашь 20x28,5
Paper, ink, gouache.

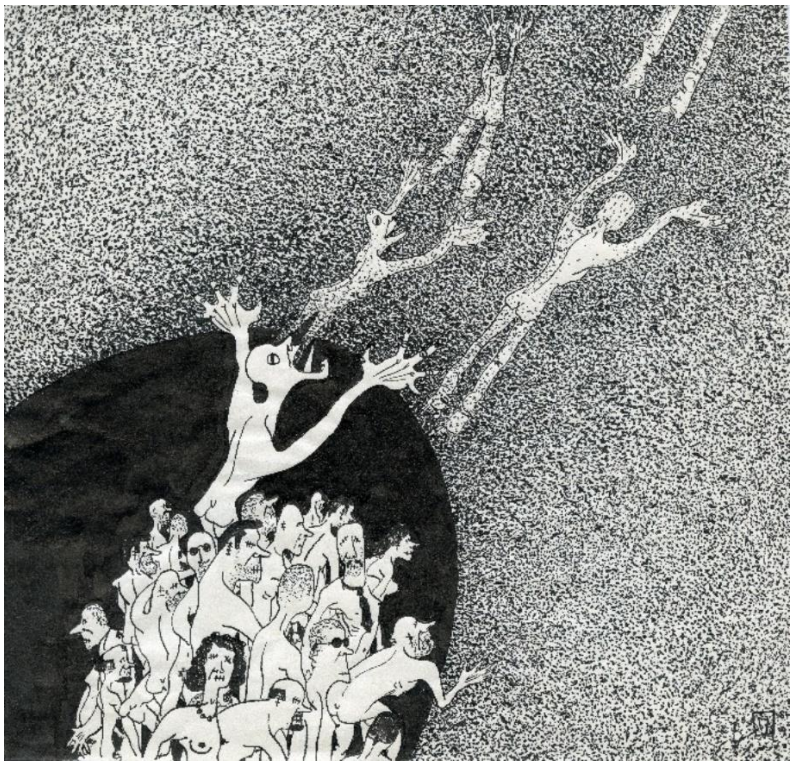


Голый король, 1994,
Naked king,
Бумага, тушь, 18x27,5
Paper, ink.

Мудрецы. Музыкант, 1992
Sages. Musician,
Бумага, тушь, 20 х 11,5
Paper, ink.

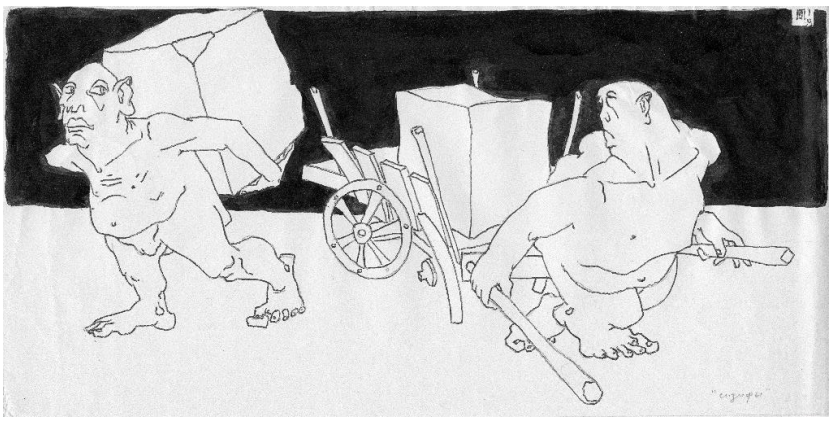
Ангел смерти, 1991,
The angel of death,
Бумага, тушь, гуашь, 17,5x12,
Paper, ink, gouache,
из серии: **Ангелы**,
from chapter: **Angels**.

Ожидание, 1993
Waiting,
Бумага, тушь, 20x13,
Paper, ink.

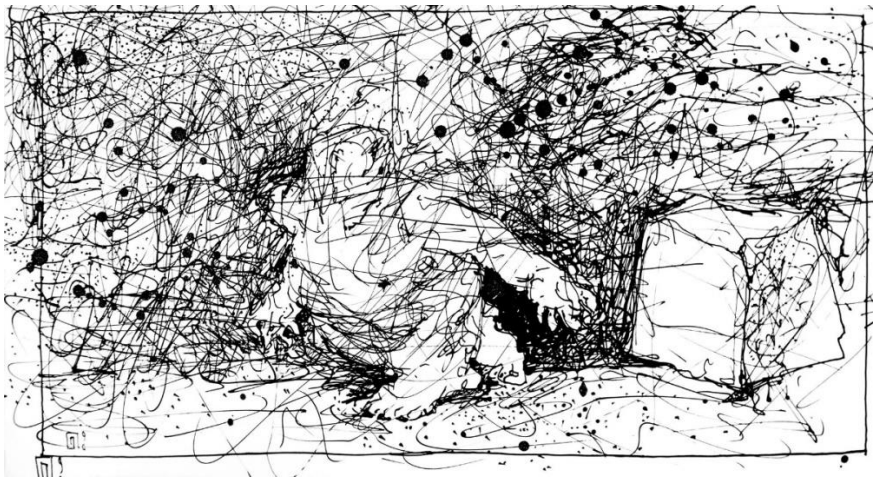


7 апреля или как я стал сумасшедшим, 1989,
April 7th or how I became crazy,
Бумага, тушь, 20 x 21,
Paper, ink.

Адам и Ева, 1989,
Adam and Eve,
Бумага, тушь, карандаш, 19 х 21,
Paper, ink, pencil.



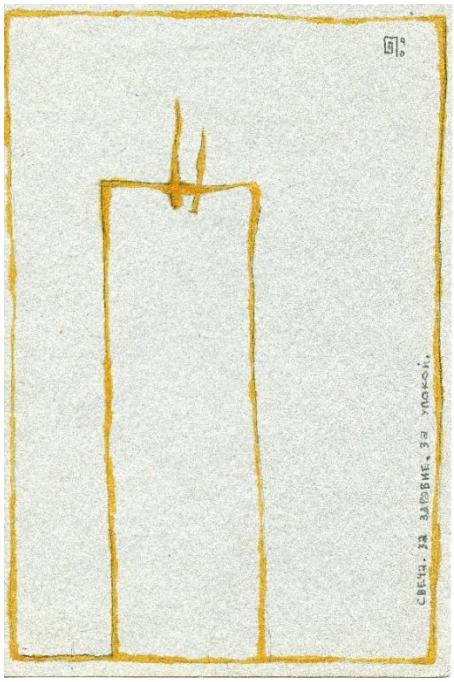
Сизифы, 1990,
Sisyphus,
Бумага, тушь, ручка, 11,5 х 23
Paper, ink, pen.



Сизиф, 1990,
Sisyph,
Бумага, тушь,
Paper, ink.

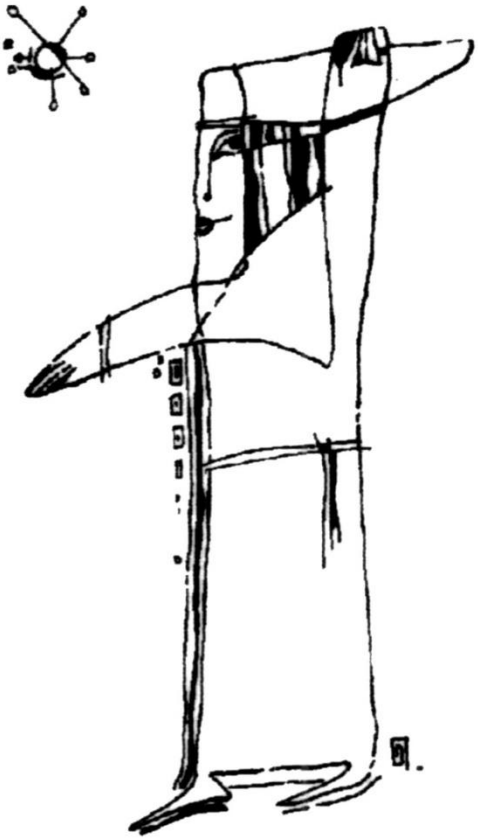
Малый женский торс, 1992,
Small female torso,
Бумага, карандаш, 19,5x14,
Paper, pencil.

Ночные бдения, 1992
Night Vigils,
Бумага, карандаш, 19,5x14,
Paper, pencil.

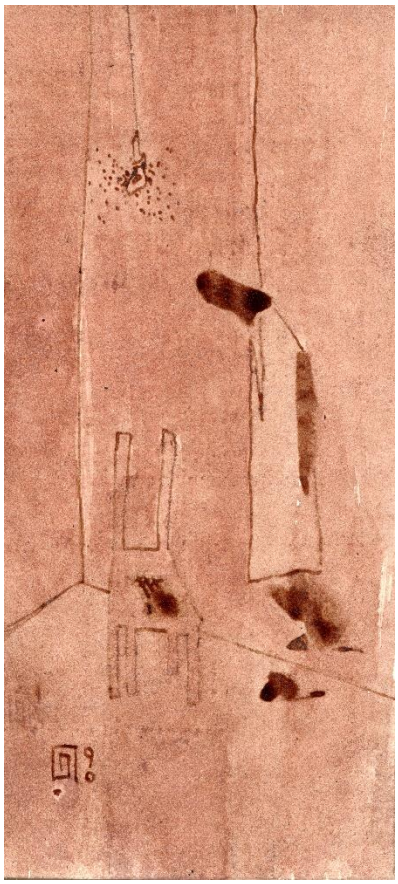


Свеча за здравие, свеча за упокой, 1990, **Candle for health, for repose**,
Бумага, карандаш, 17x11,5,
Paper, gouache.

Пьяный шут, 1994
A drunken jester,
Бумага, тушь, гуашь, 21 х 28,5,
Paper, ink, gouache.

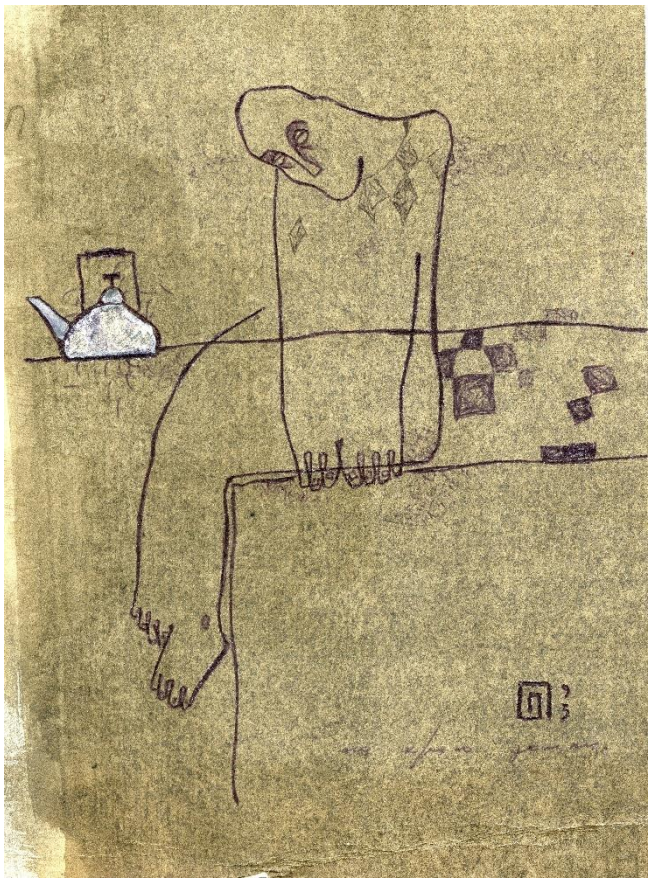


Апрель, 1991,
April,
Бумага, тушь,
Paper, ink.

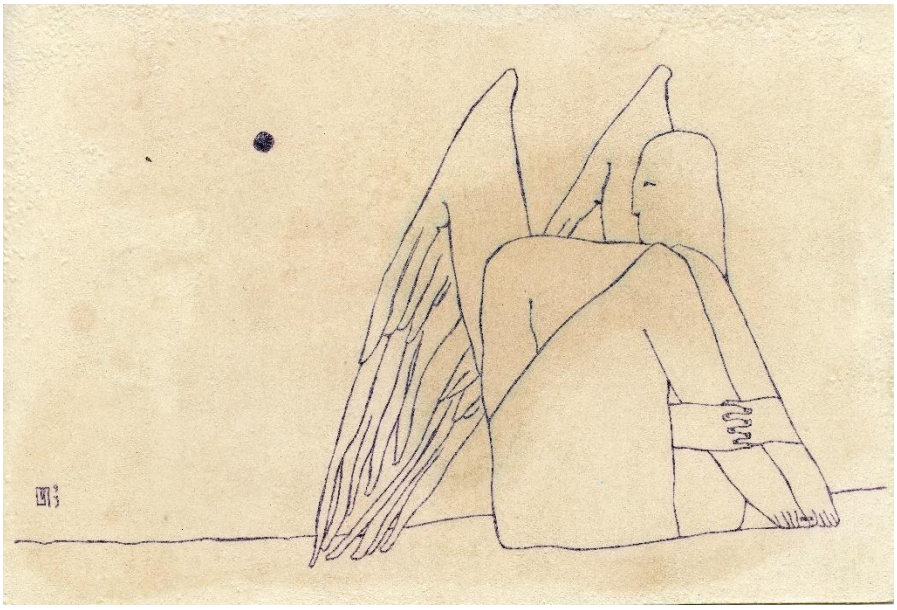


Самоубийца, 1989
Self-murderer,
Бумага, тушь,13х6,
Paper, ink.

Ветер и снег, 1992,
Wind and snow,
Бумага, карандаш, гуашь, 19x14,
Paper, pencil, gouache.

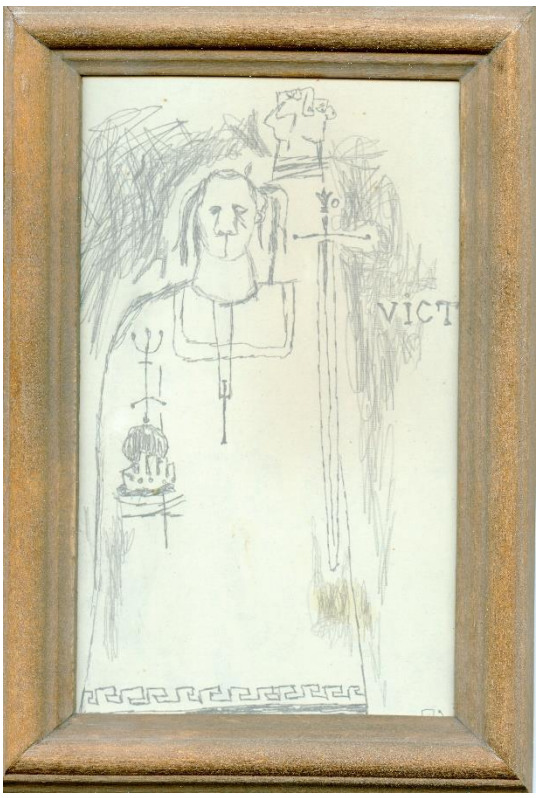


На краю земли, 1993,
On the Edge of the Earth,
Бумага, тушь, гуашь, 17x12,5,
Paper, ink, gouache.

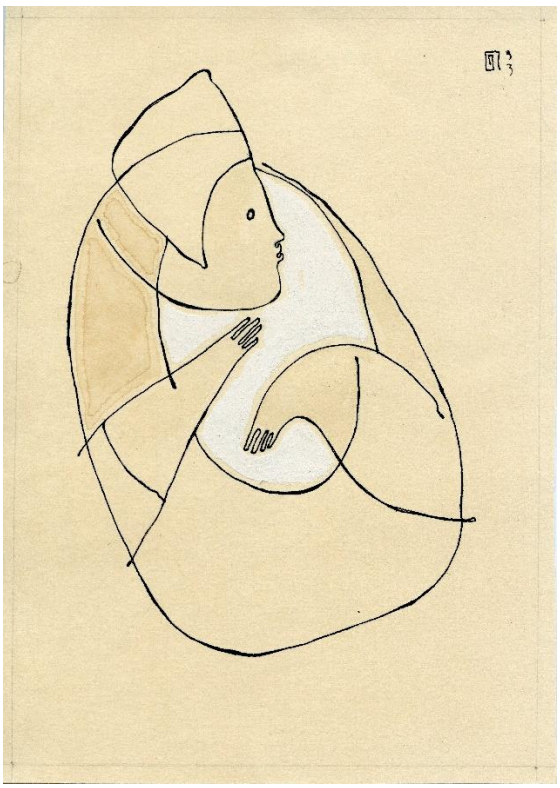


Созерцающий, 1993,
Contemplative,
Бумага, ручка, 14x21,3,
Paper, pen.

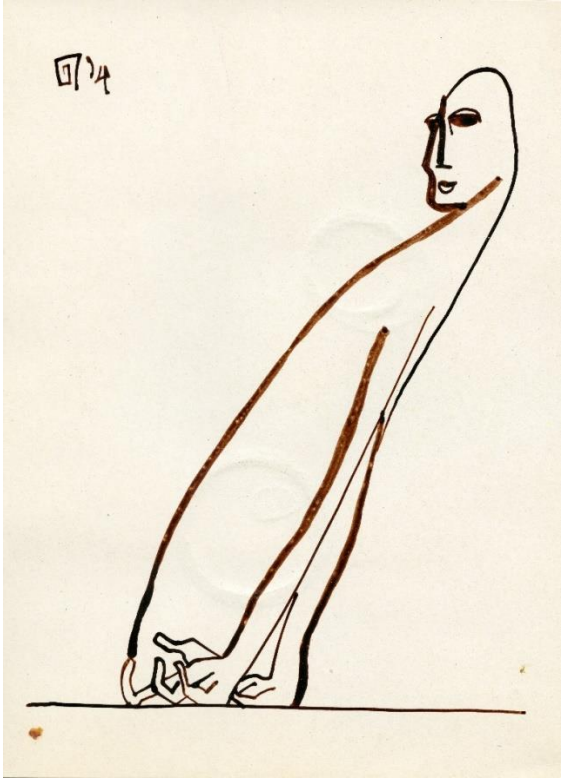
Апокалипсис, 1990,
Apocalypse,
Бумага, тушь, 22x14,5,
Paper, ink.



Победитель, 1990,
Winner,
Бумага, карандаш, 17x12,
Paper, pencil.

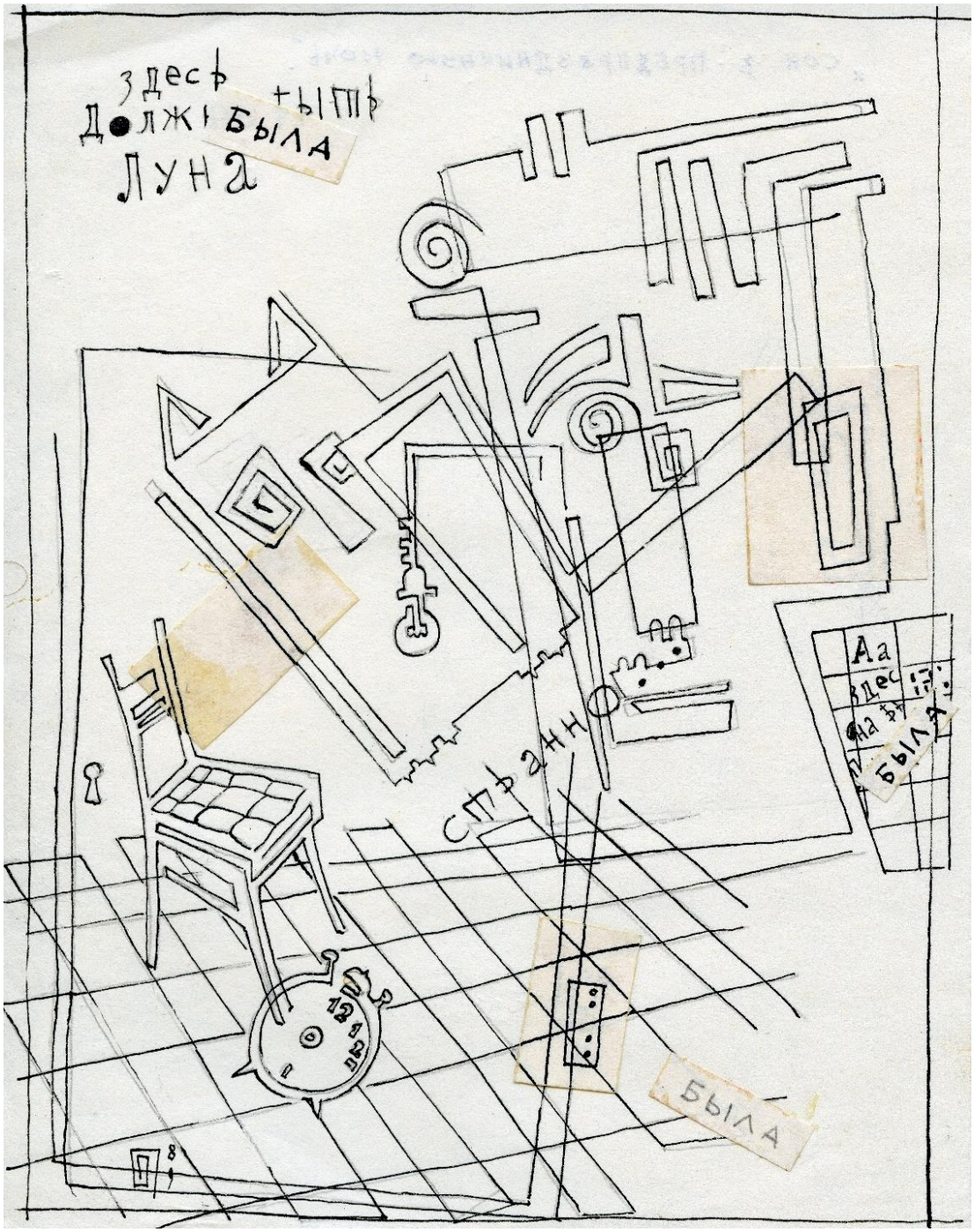


Матрона, 1993,
Matrona,
Бумага, тушь, гуашь, 19,3x13,5,
Paper, ink, gouache.



Сидящий на траве, 1994,
Sittier on the grass,
Бумага, тушь, 21x15,
Paper, ink.

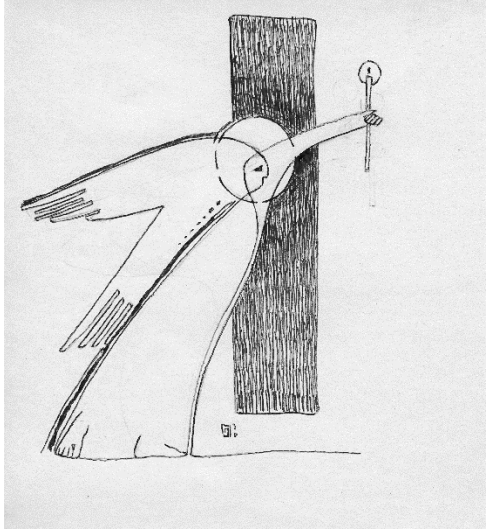
Памяти Лоры Зосимович, 1992,
In memory of Lora Zosimovich,
Бумага, карандаш, 27x14,5,
Paper, pencil.

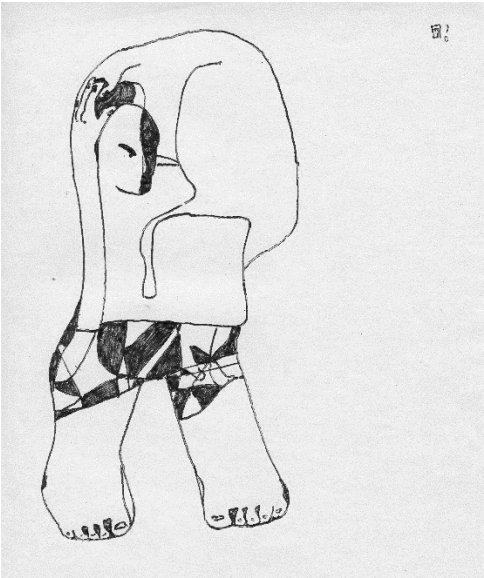


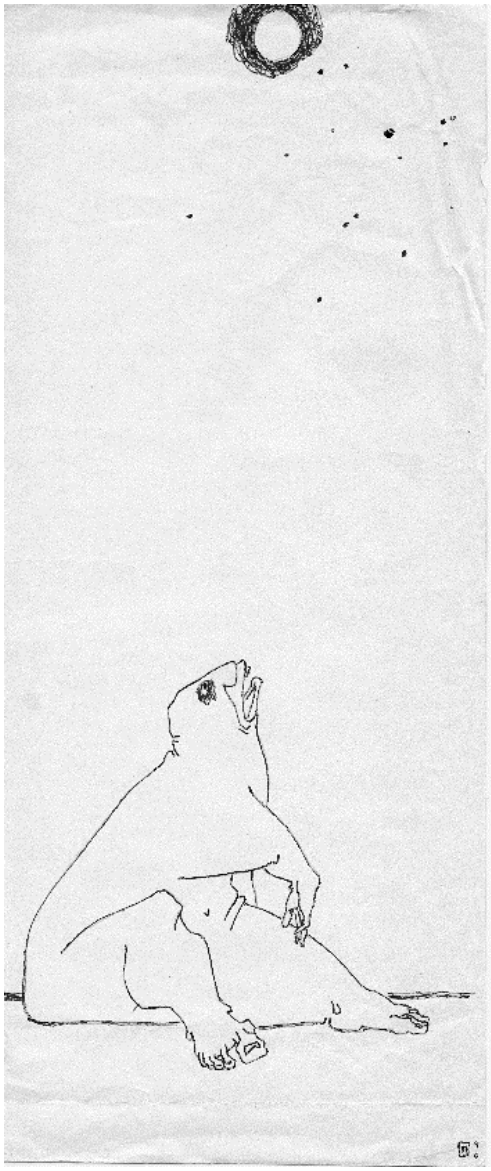
Сон в праздничную ночь, 1989,
Sleep on a festive night,
Бумага, тушь, 16,5x13,
Paper, ink.

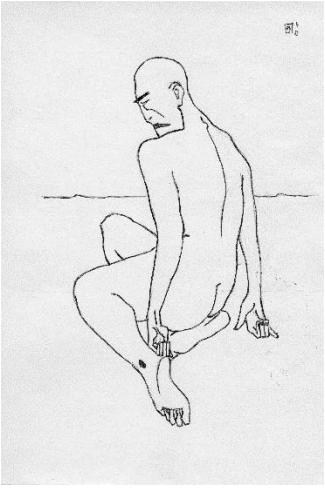
Эскизы графических работ

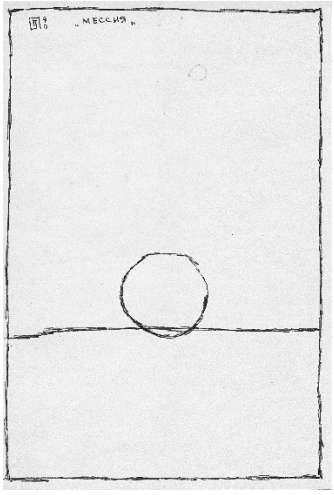
(иллюстрации к неопубликованному сборнику стихов 1990 г. «Записки блудного сына»)





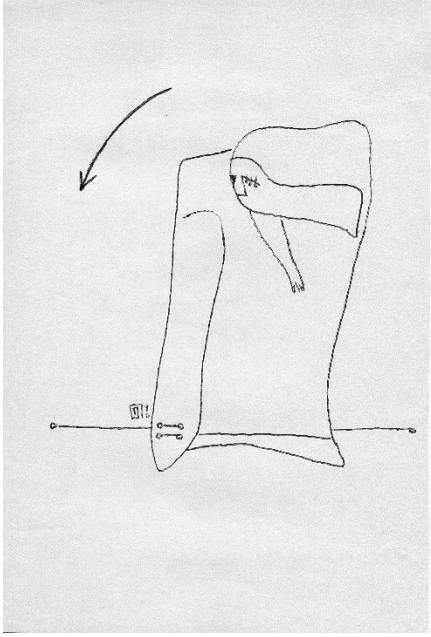




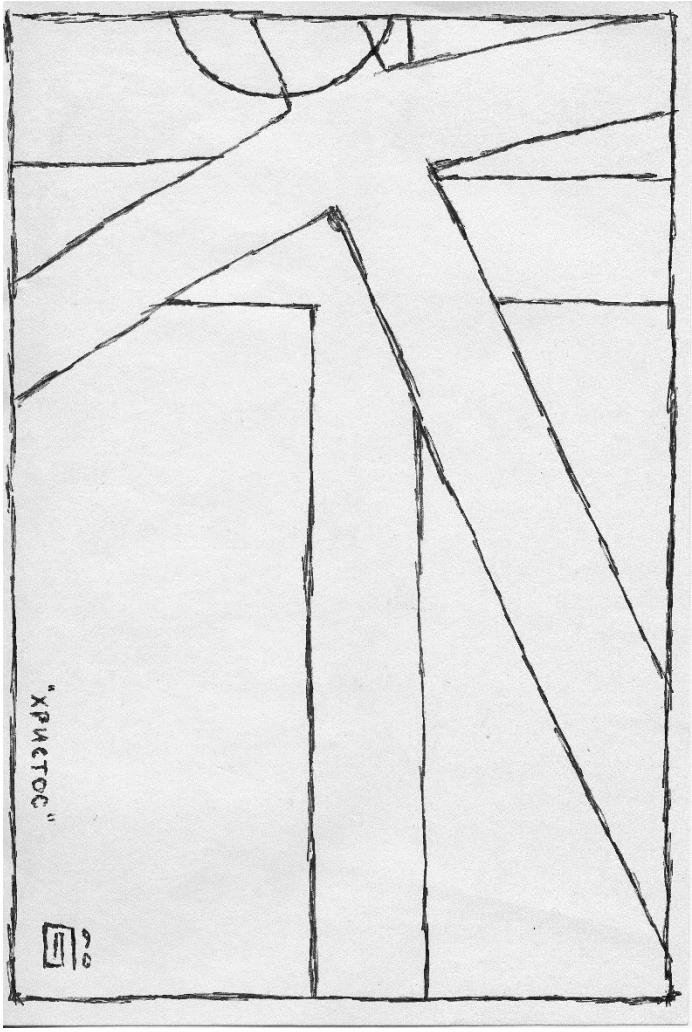


Каменный дождь

Можно спрятать лицо в дождь, и тогда не видны слезы, можно отдать дождю пыль на ботинках, и тогда пыль уйдёт вместе с водою, можно протянуть в дождь руку, и тогда увидишь в ладони небо.
Но люди прячут дождь за зонтами, драпируют небо тентами.
И тогда идет каменный дождь, ломающий зонты, тенты. Люди увидят небо, и из десяти тысяч звезд каждый найдет свою истину.



Персонаж, бросающий камни, 1990,
A character throwing stones.


"ХРИСТОС"

БЕЛАЯ РАПСОДИЯ

Между белым и белым - белое. Хлопья снега блуждают в безветрии, меняя плоскость неба на плоскость земли лишь за тем, чтоб через зиму, обратившись водой, оставить и это пристанище, искать себе новой глубины, и, найдя ее, не успокоиться снова.

На плоскости земли, в безбрежьи скучающей тоски стоит человек. Протягивает вперед руку, разжимает озябшие пальцы.

– Лети!

В ладони – снегирь. Встряхивается, расправляет крылья, недоверчиво клонит клюв.

– Лети же, – ласково шепчет человек.

Куда? Одинокая степь, мертвый лес, могильная тишь.

- Неужто и ты несчастна, красногрудая птица?

– С чего быть счастью...

– Зачем тебе счастье, у тебя - красота.

– Что с красоты, когда нет свободы.

– Зачем же свобода, ведь есть же достаток?

– Зачем мне достаток, когда нету счастья...

– Даю я свободу, ищи свое счастье.

Искать? В объятьях ветра, в промерзлой кости? А если не будет его, счастья-то?

– Лети. Ну что ж ты?

Сложились покорно крылья.

– А что же счастье?

Влились крепче в мякоть ладони перья.

Вздохнул человек. Сжал пальцы, прикрылся плащом и пошел прочь. Не тянулись за ним следы, но таяли кристальные снежинки на бледном лице его.

А там, где стоял человек, осталась в снегу красногрудая птица. Рассыпались черной ягодой капли крови, разбили белизну снежную. Слишком чист был снег, чтоб остаться нетронутым, слишком красив, чтоб не быть близким к смерти.

Список графических работ Олега Прусова с отсутствующими изображениями

1. **Этнические опыты. Африка**, Ethnic experiments. Africa, 1990 г.
2. **Персонаж, бросающий камни**, A character throwing stones, 1990 г.
3. **Соната для флейты с марионеткой**, Sonata for flute with puppet, 1990 г.
4. **Отпускающий птиц**, Who releasing birds, 1992 г.
5. **Жизнь на грешной земле**, Life on sinful earth, 1993 г.
6. **Чайники**, Teapots, 1993 г.
7. **Сидящий на облаке**, Sitter on a cloud, 1994 г.
8. **Пьяница**, Drunkard, 1995 г.

Соната

ДЛЯ ФЛЕЙТЫ С МАРИОНЕТКОЙ

Волос флейты

ЧАСТЬ 1

Andante

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЬ

Зачерпну ветер в ладони.
Закрою дверь.
У окна сяду.
Стены - туманы белые.
Хозяйка в доме - любовь.
Мысли - звери несносные.
Разбежалисъ.
Кто ж за вами угонится.
Шорох за окнами? Это облако.
Хвостом виляет.
Войти в дом просится.

•••

В черной взвеси ночи.
Натыкаясь на звезды.
Бредет меланхолик-город.
Ночь коснулась рукой
Его лица-
Старого морщинистого лица.
Вздулась вена на лбу -
Река.
В половодье река.
Лестницей на небо костел.
Крест в облака.
Ходит сторож вокруг -
Ворчун.
Ай-яй-яй.
И собака,
Его верный друг.
Не спит сторож в лунную ночь.
И собака смеется:
Как можно спать.
Когда светит луна.

•••

Корабль
Рожден дла ласк моря.
Усеянного звезднымии нитями-
Море живет луны ради.
Всплывающей красным глазом.
Луна спешит отразиться
В стакане воды.
Водою
Жажду убьет
Молодой капитан.
Капитан корабля.
Который
Плыл когда-то
Где-то далеко-далеко.
Небом богаты были паруса.
Ветром наполнены трюмы.

•••

КОЛЫБЕЛЬНАЯ МАРИИ

Ты спишь.
И читает с лица твои мысли вес
Холод.
Тебе снится
Расшитые солнцем луга,
И влетает из сна
Б эту комнату
Овод.
Он звенит.
Его звон
Возвращается в сон
Звоном
Меди.
Это танец ночей
В маскараде огней
Пляшет
Ветер.
Утро спрячет в ладонь

Твои сны
И расскажет,
Что сны видеть - это не ново.
Но. проснувшись.
Услышишь.
Как бьется в стекло
Овод.

•••

Плывет на спине.
Раскинув веслами руки.
Старая лодка.
Уносит ее вниз по реке
Течение и Время.
Сидят в лодке Охотники за
Бсзумием...
Один ищет Юркую Ласку
Безумного Счастья,
Другой -
Почтенного Зубра
Безумного Богатства.
Третий -
Гордую Лань
Безумной Красоты.
Каждый стремится
Поймать зверя
И, поймав.
Привязать к порогу
Своего дома.
И станет Счастье
Капризной Кошкой.
Богатство -
Сытым Быком.
Красота -
Глупой Овцой.
- Где прежнее? -
Спросят охотники.
И. ответив себе.
Сядут
В старую лодку.
И понесет их
Вниз по реке
Течение и Время.
Плывет на спине,
Раскииув веслами руки.
Лодка.
Сидят в лодке
Охотники
За былыми иллюзиями

•••

Башня корнями вросла в землю.
Крышей вцепилась в облако.
Так и живут:
Облако, башня, поле.

•••

В моих руках чашка чая.
С каждым глотком со дна чашки
Смотрит на меня
Внимательное отражение моих
глаз.
Должно быть.
Оно наблюдает за мной.
А может, считает меня своим
Отражением.

•••

Под ногами моими
Белый снег.
Как трудно идти по белому.

•••

Что дороже:
Воды откровенье
Или синее в лодке небо?

•••

Свеча. Огонь.
Свеча догорает.
Пролетел мотылек из чужого
сада.
Принес в мою душу, в покой
Крылья тревоги.
Ночь. Тишь. Сон.

•••

Сны
Из правого глаза
Растаяли
Под утро
В быстрой реке.
Весла
Из сосен вырубил я.
Лодку
Из воска вылепил.
Сел в лодку.
Поплыл .
К снам
Из левого глаза
В гости.

•••

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Вы. мой ангел, прилетите
Из заоблачных провинций.
Расскажите, удивите.
Удивите несуразным.

Расскажите мне про Бога.
Хитроглазого буяна.
Про Ерему.
Что с Фомою
Вес никак не хочет ладить.

Расскажите,
Защитите
Своей речью от заклятий.
Говорите, говорите.
Говорите без печали.

Про сороку.
Ту, что кашкой
Накормить не может деток.
Про жирафу.
Ту. что к веткам
Шею тонкую все тянет.

Ой-ей-ей!
Известно, тяжко
Быть хранителем все время.
Над серебряной землею
Плыть невидимою тенью.

Но. прошу Вас. говорите.
Говорите без печали .
Излечите, напоите
Своим словом мою душу.

Расскажите мне про море.
Где рождается из пены
Дивный жемчуг.
В пене тонут

Голубые паруса.
Голубые, голубые
С малахитом стройных елей.
В темной бронзе ожерелий
Текут реки в те моря.

Родниковою водою
Окропите небо.
- Видишь.
Эго дождь идет из тучи. Веришь мне?
- Конечно, верю...

Как не верить.
Вы ведь, ангел.
Прилетели рассказать мне
Про сороку.
Ту, что кашкой
Накормить не может деток.

Про Ерему.
Что с Фомою
Все никак не хочет ладить.
Подгорела, подгорела
У сороки ее кашка...

•••

ХОЗЯЙКА

Разливали из ковша по чашам
воду.

Эту чашу дай мне, когда ночью
Постучусь к тебе.
Скажу: "Хозяйка.
Может, пустишь обогреться.
Видишь, вьюга
Разметала по земле седые косы."

С этой чаши предложи напиться
Потерявшему надежду
музыканту.
Обласкай
Ею простуженную скрипку.
Успокой
Его испуганные пальцы.

Эту чашу в небо вылей, чтобы
ливень
Свил в клубок
Дороги, сны и реки.
Утро спрятал в тучу, чтоб
любимый
Не ушел сегодня на рассвете.

Эту чашу дай слепому старцу.
Пусть расскажет
Толкователь чужих судеб
Тебе сказку про негаданное
счастье,
Что само котом о ногу твою
трется.

С этой чаши дай глоток водицы
Ночью вдруг проснувшемуся
сыну.
И сплети ему венок из таких
песен.
Васильков рассыпь
Причудливые звезды.

Две осталось чаши. Эту чашу
Дереву, прожившему столетье.
Отнеси
И дай корням напиться.
Чтобы ветви отыскали в небе
солнце.

Что ж, еще одна осталась чаша.
Ты сама испей ее, хозяйка.
Позолота тут замешана и
ржавчина.
Чаша твоих радостей и горестей.

•••

Сядь со мною рядом.
Подари мне вечер.
Вся тоска-печаль и грусть
Пусть уйдет в вино.
Синей птицей сумерки
Лягут нам на плечи.
Серой птицей ностальгия
Выпорхнет в окно.

Обласкаю пальцами
Струны безмятежные.
Расскажу тебе судьбу
Двух вальтов и дам.
Пусть ноет гитара нам
Вальсы белоснежные -
Винной ягодой в снегу
Кровь заживших ран.

Но гитара петь устала.
Кофе трижды выпит.
Сигареты в дым ушли.
Словно в дальний путь.
Сипим зверем полполунье
Тебе руки лижет.
Серой птицей ностальгия
Села мне на грудь.

•••

ОЗЕРО.

А в нем -
Отраженье откровенья
Диких трав
Пришел камыш напиться.
Пролетая, уронила
Б толщу вод
Чайка
Свою тень.
Всплеск -
Как камень, лег на дно
Прошедший день.

•••

На ладони
На линии жизни
Построил я дом.
Ветер под крышу
Забрался трусливо.
Стонет, бормочет, скрипит
О своем.
Птицы стучатся
Крылом в черепицу.
Звери
Носами прижались к стеклу.
В час теней, в день страстей.
В год мечты, в век белы
Песню диких степей
Сам себе я пою.

•••

Пилигримы разбитых дорог.
Акробаты собственных судеб.
Мы бредем уж который год
Но виду у бесчисленных судей.

Постелите нам на ночь поля
И укройте прозрачным туманом.
И луна, словно отблеск огня.
Будет нам танцевать под
тамтамы.

Мы. проснувшись, напьемся из
луж.
С облаков понастроим соборы.
Шмель укажет к востоку нам
пугь.
И пойдем ткать следами узоры.

На виду у бесчисленных глаз,
С дивной песней:
Что будет - то будет.
Нашу жизнь мы восхвалим не
раз.
Акробаты собственных судеб.

•••

Ветер добрых слов
Слетел с твоих губ.
Сонной мухой бьется в стекло.
Разогреем настой
Вчерашних бесед.
В чашку чая
По капле добавим.

Ломтик пирога Ночного -
Луна -
Из тарелки уплыл в окно.
Смейтесь, смейтесь
Соринки звезд.
Будет, будет
Хороший день.

Солнечный зайчик
Напьется из чашки
Холодного чая.
Что мы не допили с тобой.
Заморозки на почве ревности
Словно сор из избы
Мы выметем.

•••

Налей мне вина.
Мы покинули Горечь на полпути -
Это ли не счастье.
Колгу нужно, найдет се снова.
Жизнь раскладывает масти.
Ищет козырь новый.

•••

Взяли у Икара Крылья
И отдали их Сизифу.
Мрамор Пигмалиона
Подарили Нарциссу.
Силу Геркулеса Продали
Одиссею.
Стрелы Амура
Предназначили Марсу.

•••

Назови меня Ангелом созерцания.
И умру в безысходности мысли.
Дай мне имя Ангела понимания.
И поняв, не смогу говорить я.

•••

Я упал.
Изменился люй горизонт.
И увидел я:
Деревья мечтают о небе.
Небо помнит землю.
Земля благодарна снегу.
А снег
Рождает солнце.

•••

Я устал искать вопросы
Для известных мне ответов.
Ограждение моих мыслей
Не увидите в зеркале
Слов моих.

•••

Гонят стрелки беспокойные дни.
Спешат расчленить нашу жизнь
На молодость, зрелость, старость.
Суетятся.
Боясь не успеть
Вложить нас в рамки столетий.

•••

Одноглазая ночь
Купает молоком снега
Детское нежное ноле.
Я иду черед поле,
И мои следы
Выдают всем мой путь.
И моя тень
Указывает мне отступление.

•••

Предчувствие новой войны.
Я не знал, как назвать его.
Пришел ветер
И назвал предчувствие
Тишиной.

•••

Ложью в прозрачность
Гамлета.
Дон Кихота Сервантесского
Светом рами...
На сцене
Они становятся похожими на
Актеров.
Играющих, жизнь...
И уходят.
Забытые в сутолоке.
Совершенно одинокие дети...

•••

Все гурманы: кто чая, кто покоя.
А я покажу вам
Маленькую рыжую синицу.
Что сидит у мена на ладони.

Придут беспечные холода.
И без спроса сядут за стол.
И она улетит.
Но останется главное:
Желанье протягивать к небу
руку.

•••

Пели вьюги.
Крыльями пурга
Отхлестала по щекам Меня.
Безутешный плач
Догорал закатом
Возгордившегося дня.
Бисером.
Рябиной на снегу
Тянутся за мной
Мои следы.
Синей нитью
Зашивает тень
Платье
Подвенечное луны.
Мой подарок -
Огненный снегирь.
Мое слово -
Длинный лабиринт.
Тянугся за мной
Мои следы
Лентой
Обесцвеченной зари.

•••

Слушай.
Это в банке
Стонет вода.
Слушай.
Это ухо поймало
Часов часослов.
Слушай.
Нитку дергает кукла:
-Играйся со мной!
Видишь,
Лист бумаги
Вобрал в себя
Новую жизнь.
Помни -
Я люблю рассказ
Человеческих глаз.
Поздний вечер.
Ноябрь.
За окнами
Сам себя мучает дождь.
Говори.
Говори со мной..

•••

Плащ
Сатаной
Перевернут на стуле.
Бьет рукавами в пол.
Нет,
Не умчаться тебе.
Моя тень,
На этом коне.

Когда деревья
Ловят голыми пальцами
улетающих птиц,
Когда небо
Окаменело и падает на землю
дождями.
Зарекался я:
Осень.

Милое, славное, чистое детство!
Это ветер смеется
Над глупыми мокрыми листьями
клена.
Но когда нет радости в сердце -
Что же это. если не
Осень.

•••

Соломоненки

Andantino

Меня звали в поход.
Но не мюг я оставить свой сад.
Я надел маску скорби.
Под черное спрятал пурпурный наряд.
Проводил до ворот.
Говорил и с надрывом, и в лад.
Что жду Птицу зари.
И сказали все: "Пусть будет так."

Как чудесно.
Что можно солгать им про Птицу зари.
Крест на грубом сукне.
В белоснежной руке алый мак,
Сталь и кровь не по мне.
Серый плащ не заменит мне флаг.
По об этом узнают лишь двое -
Мой брат да мой враг.

В это лето шум листьев
Милее лше звона мечей.
Я пил воду:
В саду тек хрустальный, прохладный
Ручей.
Я взрастил этот сад
Для себя, для своих сыновей.
Не хотел я. чтоб всадник явился здесь
С правдой своей.

В час Тельца.
Когда верят в мена
Только волк и луна.
Я смотрю на восток -

Там умрет чья-то злость и мечта.
Этот кто-то неведом.
Но вижу - упала звезда.
Ангел смерти процесса над ним.
А ведь должен бьпь я.

В храме дивных огней
В алтаре тишина и беда.
Вещий голос мне пел.
Но погасли, как свечи, слова.
И деревьев ночных тихий стон:
"Упокой навсегда..."
Ангел выбрал его.
Но на месте его был бы я.

Ковш подлунной воды
Не студит мою кровь, мою кость.
И пропитана духом его
Виноградная гроздь.
Этот кто-то неведомый
Бродит по саду всю ночь.
Раз в четырнадцать лун под окном
Вродит вечный мой гость.

•••

Листая древние страницы
Полуистлевшего канона.
Мой дед, наследник и хранитель
России вверенной короны.
Сидит белесыми ночами
Пал влагой невскою холодной.
Седых архивов страж печальный.
.
Слуга несбывшегося рода.
.
Слеза и пепел дней закона.
Огарок воскового счастья,
Как чудотворная икона
Целитель здешнего ненастья,
Метелей жгучего припляса
Вкруг Петропавловского агнца,
Чумного терпкого закваса
Уже ненужного нюанса.

Первопрестольная ж столица
Как кабачок перед заставой.
И незнакомые все лица,
Да позахлопнуты все ставни.
Пятак последний в четвертинку.
Но. боже мой. какая скука.
Заводят песню под сурдинку.
Да вторит им шальная сука.

А в Петербурге-Ленинграде.
Извечно царственном и мюкром
Не в белокаменных палатах.
А где-то там. в безвести окон.
Сидит белесыми ночами

Мой дед, наследник и хранитель.
Седых архивов страж печальный.
Ненастья здешнего целитель.

•••

Давно не глажены поля.
Давно не стелены дороги.
И боги или полубоги
Сзывают нищих и убогих
Под флаг, где символом луна.

Под флаг, где символом луна.
Сзывают нищих и убогих
Не боги.
Только полубоги.
И пьют их кровь.
И пьют до дна.

В бокале красного вина
Утонут луны и знамена.
Глухих покличут поименно,
Хромых отправят на бега.

•••

Я вхожу в этот город.
Когда звезды рисуют на небе узоры.
Ключ ношу при себе -
Только им я открою свой дом.
Я здесь не был давно.
Пыль слоями. Задернуты наглухо шторы.
Я сажусь на диван.
Только здесь будет ласковым сон.

Нет. глаза не закрою.
Я двери закрою. Различным
Станет свет за окном
И тот свет, что наполнит люй дом..
Здесь я буду кричать.
Здесь не нужно казаться тактичным.
Здесь никто не осудит меня.
Ни теперь.
Ни потом.

Изолгавшись в миру.
Здесь покаюсь в своих прегрешеньях.
Измотавшись на нет,
Здесь укроюсь крылом доброты.
Пусть же память с надеждою
Будут моим утешен ьем..
Хоть сегодня мечта
Пусть достигнет своей высоты.

Вот и ночь пролетела.
По хочется выдумать повод.
Чтоб остаться еще здесь
На час.
Хоть на десятъ минут.
Но пора уходить.
До свиданья, мой сказочный город.
Я иду в мир хлопот.
Где без музыки люди живут.

•••

Букет снов стоит на окне.
Сны. яркие в ночи,
К утру выцвели и завяли.
Я помню только один из снов:
Разбилась ваза.
Пролилась вода,
Цветы опавшие
Разбросаны по полу.

•••

Птица сложила крылья.
Ветер забрался в скрипку
И уснул
Под звуки смычка.
Луна раскрасила спины собак
В цвет тревоги.

Ночные тени
Пальцами длинными-длинными
Паутину плетут.

Спите в коробке.
Марионетки.
Завтра заря
Снова пружины ключам
Заведет.

•••

Если луну зажечь
Свечами пестрых огней.
Крыльями ярких птиц,
Лентами бронзовых змей.

Если в гривы ночей
Отражение звезд заплести.
Мы поскачем тогда
По дорогам пыльным Земным.
В темноте
Тайные знаки рисующим.

Но если в пути
Голос утонет
В созвездье лесов.
Если соцветье луны и земли
«Меркнуть начнет -

Гривы коням расчеши.
Сбрую ручьев
Сбрось и усни.
Скоро рассвет
Рукою коснется твоих
Волос.

•••

Хорошится витражами облаков
Небо.
Не нарадуется своей яркостью
Зелень.
Раздает всем соловей
Свои трели.
Тот, что лапками вцепился
В плечо Лету.

По полям идет
Босое Лето.
Весну встретит - отвернется.
Не узнает.
Только Осени боится -
Убегает.
Соловья отдать не хочет оно
Ветру.

Как-то встретились Зима и Лето
Глаз-на-глаз,
Вспоминали дурным словом
Осень и Весну.
Подарила Зима Лету
Ледяной алмаз.
Подарило Зиме Лето
В васильках росу.

- Ты сильно, - шептала тихо Зима
Лету. -
Каждый год ты рвешь Весне Ее
косы.
- Нет, сильнее ты. -
Плачет Лето. -
Каждый год ты побеждаешь
Злую Осень.

Плачут.
Льют дождями, снегом веют.
Над судьбой своей
Сжалиться просят.
А тем временем
Прошла уже Осень.
А за ней, глядишь. Весна
Подоспеет.

•••

Пила птица ночью воду.
Клювом небо протыкала.
И под утро зашивала
Рваной ниткой облака.

А потом пошла за солнцем
Через степи, через горы.
Опустив на землю крылья.
Пела странные слова.

Собрала мешочек денег -
Медных, бронзовых колечек.
Верила словам колдуньи:
Будут, будут чудеса.

Лапу в глину обмакнула.
На березовой дощечке
Древних, варварских пророчеств
Пишет, пишет письмена.

•••

Безымянные дороги.
Словно буквы на бумаге.
Мне плели узор нестрогий -
Заколдованные знаки.

Тот. кто правила игры
Знает, может не бояться.
Ведь волшебники все злятся
На того, кто вне игры.

Пятинитие дорог
Приведет тебя к финалу.
Размотав клубок сначала.
Прочитаешь ты письмо.

Там написано всего
Две строки:
Иди
Обратно.

•••

Стаей на юг ушли облака.
Ветер украл три зеленых листка
И швырнул мне в окно:
"Смотри. Это осень."
Я поймал ветер
В белый платок
И шепнул:
"Сиди тихо. Зима уже."

•••

Метели метлами метут
Морозный день
С утра до вечера.
Нам на вокзале делать нечего.
Сегодня бог один -
Уют.

Не провожаем поезда.
Залмерзли радостные крики.
И фонари пускают блики.
Как пузыри после дождя.

Сегодня пудинг на обед
Под люстр сверкание в столовой.
Объехать мы могли б весь свет.
Не покидая стульев новых.

А за окном метель метет ...

•••

В черной вазе мутной ночи
Бьется муха о стекло.
Маска плакаться не хочет.
Маска весело пророчит
Безмятежных дней вино.

Маска лжет. Я это знаю.
Маска хочет успокоить.
Я не стану с маской спорить.
Что дано мне, то придет.

Дни мелькнут монетой мелкой.
Медный, мерный пустозвон.
Налепив мороз на веки.
Ласка видит вещий сон.

Тихих радостных напевов
Перепачканы одежды.
Только, помните, как прежде -
То мгновенье не прошло -
В черной вазе мутной ночи
Бьется муха о стекло.

•••

НОКТЮРН

Стол.
Стоящий кособоко
Стул.
Часы
Нотации читают
Мне.
Лампе.
Стулу
И
Столу.
И чайник с чашками
Зевают.
И сонно щурится
Окно.
Ресницы штор
Его прикроют.
За ними
Весело и зло
Стучится муха о стекло.
Ночь.
Шепот.
Ветра скрип.
Весна.

•••

Ручьи заплетали косы
Рекам,
Когда лодки
Сошли на воду.
Лодки - лепестки яблонь.
Белые, в окаймлении синей воды.
Кувыркаются в волнах.
Гонит их ветер,
Как гонит ветер
Облака.
Белые, в окаймлении синего неба.
Там.
На горизонте.
Река и небо сольются.
Облака
Окунутся в воду.
Лепестки
Улетят в небо.

•••

Певчие птицы молчат.
День опустился на землю
Па тонких нитях дождя.
К небу рванулась
Стая зонтов;
Держат за ноги их
Ловкие люди -
Вершители судеб
И
В битве с судьбой
Потерявшие путь свой.

Третий день славного
Месяца красок.

Третий день лета.
Первый - дождя.

•••

Беспрерывно дарят мне звезды.
Драгоценные звезды
В золоченой оправе
Драгоценными их люди назвали.
Маленькие жаркие звезды.

Расстилали равнину скатертью
И трясли звезды вишнею спелою.
Что не осыпалось - небу оставили.
Мерному небу украшения белые.

Идут
По звездам
Годы.
Плывут

По реке
Боги.
Лето
Спешит
К осени.
- А ты кто?
Зима тревоги.
А на утро урожай смотрели.
Сорок две тысячи звезд
сосчитали.
Подарили мне сорок две тысячи.
Сорок две тысячи
В золоченой оправе.

Я спросил у углей из камина:
Может, примите звезды в гости?
Может, в небо пойдут вслед да
дымом
Маленькие жаркие звезды.

Идут
Но звездам
Годы.
Дожди
Не чаще, не реже.
Дороги
Стопою
Топтаны.
-А ты кто?
Ветер надежды.

•••

Слушай меня.
Горбоносая птица.
В кольчуге перьев
Холодного цвета.
Исхлестанный до смерти
Ветром осенним.
Будет петь песню
Забытому лету.

Вой, вой, вой.
Ветер. Вой, вой, вой.
Стучи кастаньетами
Листьев опавших Ритм песни
моей.

Вы помните лето.
Вы помните лето?
Солнце в глазах уходящего лета.
Солнце
Беспечно рыжего цвета.
И бледное небо.
Взмокшее небо.

Потное тело
Взбесили одежды.
Выпьем шампанского.
Будем как прежде.
Будем как прежде на "ты".

Дивные руки.
Дивные плечи.
Только сегодня
Зажжем в вечер свечи.
Ты мне споешь.
Я запомню песнь эту.
Потом помяну
Наше жаркое лето.

Потом помяну
Уходящее лето.
Жаркое лето.
Забытое лето.

Вой, Вой, вой.
Ветер.
Вой, вой, вой.
Стучи в бубен солнца.
Остывшего солнца
Жгучею плетью дождя.

•••

Стук в дверь?

Или кукушка отсчитала
Положенных, пять раз?
Или в висках застряла мысль.
И ветер в голове ее не может
Оттуда выудить.
И музыкантша-ночь.
Пройдя неспешно под окном.
Коснулась арфы струн.
А на прощанье
Приклеила к стеклу
Листок сирени.
Шум дождя?

Нет, это в дверь стучат.

Пойди открой.
Сегодня в гости к нам
Фантазия и сон.

•••

Карманные часы
Показывали полночь.
Деревья на ветру
Раскачивались в такт
Невидимым рукам
Ночного дирижера.
Закутавшего парк
В залатанный свой фрак.
Затянутый в корсет
Предчувствий и сомнений.
Пытаюсь посадить
Корабль сна на мель.
Нельзя уснуть.
Ведь здесь.
Сейчас.
На этом месте
Свиданье у меня
А может быть.
Дуэль.

•••

Волос флейты

ЧАСТЬ 2

Diminuendo

Я свяжу смерти ноги.
Я спрячу тебя в камыши.
Накажу куликам постелить тебе
Свежею пуха перину.
Попрошу соловья:
До утра, соловей, помолчи.
Попрошу паука:
Не плети в эту ночь паутину.

Обниму я тебя.
Мы не вспомним потерянный Рай.
Назовут нас потом
Злые люди Адамом и Евой.
Только ты, мой малыш.
Мое солнышко, не умирай.
Ты не плачь, моя милая.
Будет еще наша эра.

•••

– Ты ответь мне...
– Спроси...
– Если знаешь...
– Скажу...
– Может, помнишь...
– Конечно. Я помнить обязан...
– Прошлым летом...
– Метель...
– Солнце августа ...
– Снег...
– День бездонный..
– Ночами январскими
связан я...

– Может, скажешь тогда..
– То – обиды твои...
– Может, веришь?
– Любви всякий верит
послушно....
– Так ответь мне...
– Спроси...
– Если знаешь..
– Скажу...
– Солнце плавит песок..
– Злой мороз глаза сушит...

•••

Зажги свечу у порога.
Сколько путников усталых
Слетятся мотыльками к огню.
И каждый расскажет сказку
Своих причудливых странствий.
И обожжет свои крылья
романтика
О твою свечу повседневности.
Ведь это так заманчиво,
Когда парное молоко
Вливается вечером в чашку.
И каждому дню дан свой знак:
Починить завтра зонт.
В среду сходить на почту...

•••

Отболела осень дождями.
Перестала без повода злиться.
Пряча клюв под крыло.
На прощанье
Дарят перья застенчиво птицы.

Оглянись. У почтенного клена
Видишь, горе: плачет береза.
Подойди к этой паре с поклоном.
Осуши губами их слезы.

Не позволь усталому дворнику
В костер бросить опавшие листья.
Пусть отправит желтые письма
Юный вечер старому дому.

Старый дом за окнами прячет
Ту, что ждет меня каждую осень.
Защити ее от печали.
Расскажи обо мне.

Если спросит...

•••

Ты говоришь.
Твои слова кружат надо мной
Словно стая испуганных галок.
Успокойтесь.
Сядьте.
Я попытаюсь понять вас...

Хлопнула дверь. Ушла.

А теперь слова.
Будто мотыльки.
Вокруг лампы собрались.

•••

Всю ночь падал снег.
А утром он подарил земле
Чистую, хрустальную явь.
Но вышел дворник –
И смел снег к тротуарам.
Вышли жены –
И протоптали тысячу стежек.
Вышли мужи –
И выбили в снег
Пыль из ковров.

•••

Все сидели.
Гоняя по чашкам кофейную гущу.
Равнодушно штопали к слову
слово.
Вдруг у огня
Мелькнул серый плащ мотылька.
И внимание всех
Кругами сошлось на нем:
Сгорит. – Не сгорит?

•••

Перчатка давно потеряла руку.
Но корчится в позах пальцев.
Надеясь вспомнить тепло.

•••

Камни подают с неба
И возвращаются с земли на небо.
Камни упавшие – это звезды.
Камни взлетевшие – это птицы.
Камни застывшие – это годы.

•••

Фонари.
И ветер.
Фонари огнями толкают в лицо.
Дробь шагов.
Ветер коротко взвоет.
Старый еврей в помятом картузе
Сморкается в желтый платок.
Приползли в подворотню
Клочья газет.
Зверями
Снуют по асфальту.
Извиваются, замирают –
И бегут от меня.
Дробь шагов.
Старый еврей в картузе.
Он уже приходил.

•••

Оспой побиты щеки зимы.
У последнего снега
Нищее платье.
Скоро.
Ох, скоро
Из черных обрубленных сучьев
Полезут зеленые свитки
Листьев.
Я верю в лето.
Поскольку лето еще далеко.
И ничто не мешает мне
Думать о лете с любовью.
А пока что
Я жду того дня.
Когда щелкнет меня по носу
Первой плетью
Отрицающий верность
Весенний дождь.

•••

Зажги спичку.
Пока она горит.
Ты можешь прожить
Долгую жизнь.
Ты идешь общей дорогой –
Ты ищешь свой путь.
Изо дня в день
Ты не раз был прав
И не раз ошибался
Ты встречал людей
И расставался с людьми.
Ты учился у них
И учил их сам.
Ты приобрел опыт.
Стал мудрым
И понял.
Что и мудрость может быть
Глупа.

Погасла спичка.
Теперь ты снова
У исходной черты.

•••

Отнеси каждодневные хлопоты
Но опушку дикого леса.
Положи среди сорной травы.
Посмотри.
Как иссушит их зелень.
Крючковато-беспомощно-хилыми
Под орешником и крапивою
Будут выглядеть.
Только лишь город
Раздувает огонь в них
Верою.
Что обязан везде ты успеть.

•••

Я сижу один
В старом потертом трамвайном
Вагоне.
Здесь не рвет горло ветер.
И осень не кажется вечной.
И мелькают за мутным стеклом
Светлячки окон сонных.
А над ними
Луна.
Белым воском свеча.
Ну, а город – подсвечник.

Здесь мой сон – здесь мой дом.
За порогом оставлены ссоры.
Дом хрустальных надежд,
Без житейских хлопот и невзгод.
После скачки дневной –
То в галоп, то вдруг стой.
То удила, то шпоры –
Обрету здесь покой.
Пока золото в черном
И в лужах осколками лед.

Пока золото в черном
И в лужах осколками лед.
Обрету здесь покой.
И усну в облаках белоснежных.
Будет сон мой как поле.
И трава будет сочной и нежной.
И ковыль в головах.
Буйный клевер в ногах
Не отнимут надежду.

•••

Неуклюже ступая
По черной пахате памяти.
Шел по полю старик.
В ореоле снегов шелковистых.
И сквозь пальцы-узлы
В память падало
Семя для завязи.
В этом поле посевы
От трех лет и до семидесяти.

•••

Мой усталый старый Ангел
Из великого вечного города.
Тебе чувства чужие
Перьями крепят на крылья.

Носят ноги тщедушное тело.
Стопой стоптаны тысячу стежек.
Тяжелы тебе крылья кривые.
Тяжелы трухлявые мысли.

Платье плечи прикроет худые.
Молью мечены прежние годы.
Не гудит в груди ностальгия.
Не течет печаль гордое сердце.

Отмаялся маленький Демон.
Отболели большие крылья.
Из великого вечного города
Уходит усталый странник.

•••

Невеселый Арлекин
Стер улыбку
Настоем дождя.
Шутки
Бросил в углу.
Как одежду.
Перепачканную
Приторным зельем.

Невеселый Арлекин,
Зацелованный до смерти
Ветром осенним,
Пишет песнь свою
Следами
По мокрому тротуару.

•••

Дождь, дождь, дождь.
На всем свете
Дождь, дождь, дождь.
Это мой дом.
Отвори двери, путник.
Сними желтый плащ.
Стряхни с расписного зонта
Бриллианты капель.

С каблуков сотри грязь.
Эта дорога ведет тебя в храм.
Настрой скрип ступенек
Па лад детских грез.
Войди рука об руку с тенью своей
В полумрак коридоров.

Не бойся
Ни кукол, ни оловянных солдат.
Паук паутину расставил
В углу над окном.
– Ты не рад этой встрече?
– Конечно же, рад...
– Ты лукавишь. Прости.
Что привел в этот дом
Тебя дождь.

Я зная, забыл ты
И сказки,
И бабкин сундук суеверий.
Разбежались диковинные звери.
И только тянет фонарь
Свою шею.
Ласкается к мокрой стене
Позабытого дома –

У входа подкова:
На счастье счастливым жильцам.
Сдается в наем этот дом.

Ну что ж, покупатель.
В цене не сошлись мы с тобой.
Вот твой плащ...
И бьет, и бьет
Водосточной трубой
По камням мостовой
Летний дождь.
Живет старый дом.
Это мой дом.

•••

Скручивались тени.
Как листья в огне.
Часы слепые
Равнодушно сказали мне:
Полдень.
Я вернусь в Страну радости
Дымом.
Или туманом.
Или упавшей звездой.

Может, это все сон.
Сон.
Над которым нужно смеяться
В комнате дальней.
В дальнем углу.
Без людей.
Только ведь знаю я:
Солнечный луч
Высекает из кремня
Мечту.
В мозг просочилась мечта
Словом заветным:
"Вернусь..."

•••

Обречен
Этот полдень на вечер.
Вылиняли тени, фонари зацвели.
И подняв воротник,
Затянув свою шею –
Нет, не петлею.
Серым уютным шарфом –
Я надежду посею.
Что, может быть, завтра
Я вернусь в Страну радости
Дымом.

•••

Мысли бескрылые
Мокрым снегом стелют землю.
С моего лица маску лепит.
Медленно-медленно
Ноги бредут
За желаньем капризного глаза.
Хлещут тени от фонарей
Запотевшие стекла очков.

Месяц ноябрь.
Полугрусть. Полузлость.
Укроюсь
От ветра твоих мудрых слов
Улыбки циничной плащом.
Ты мне не верь.
Ведь завтра
В грязи оттаявших луж
Все равно отразится
Чистое небо.

•••

Когда покажут мне
Солнца остывшие камни.
Метелями ветер
Укутает кошек.
Заплачут деревья.
Лишенные листьев.
Шепну тебе тихо:
"Ушла уже осень."

И каждой свечке
Подарим по спичке,
Запляшет огонь
На подмостках камина.
Укутаем ноги
Клетчатым пледом.
И скажем зиме:
"Ступай себе мимо."

Посадим в горшок мы
Пшеничные зерна.
Зеленый росток
Пусть напомнит о чуде.
Весне мы подарим
Два маленьких, солнца.
Весну успокоим:
"Зимы уж не будет."

•••

Прошу Вас, говорите шепотом,
Шорохом падающих листьев.
Шелестом волн.
Ковш Медведицы
Положите на крышу.

Входите
В дом моих глаз.
Входите
И дверь затворите.
А то мотыльками на свет налетят
Глупые мысли.

Будьте хозяйкой здесь.
К Вашей руке
Сразу привыкли двери и чашки.
Птицей
В клетке из пальцев Ваших
Я бы желал быть
Сегодня во сне.

•••

Будет морозное утро.
Разреши мне придумать морозное утро
Я встречу тебя на окраине –
Провинции шумного города –
И попрошу: "Не сыграешь ли
Ты мне два зимних аккорда."
Ты мне ответишь: " Наверное.
Будут аккорды не веселы.
Лучше напой мне весеннего
Ветра тягучую песню."
– Ты полагаешь, придет весна?
Скажешь: "Да, полагаю..."
– Ты утверждаешь, проснутся ветра?
Скажешь: "Да. утверждаю..."

Будет морозное утро.
Разреши мне пойти с тобой рядом.
Рассказать тебе о минутах
Сонного листопада.
Разреши рассказать о Вселенной.
Забравшись на крышу дома.
Разреши показать тебе звезды
До меня тебе не знакомые.
– Так ты полагаешь, придет весна?
Скажешь: "Да. полагаю..."
– И ты утверждаешь, проснутся ветра?
Скажешь опять: "Утверждаю..."

•••

НОКТЮРН

Отцвели белым цветом
Снега.
Плачут горько о зиме
Крыши.
Тянет ветер с подворотни
Из угла на суд прохожих
Клочья красочной афиши.

Месяц март.

Поднялись выше
Ртуть в термометре
И птицы.

•••

Твои руки петлею легли мне на шею.
Утону в волосах твоих. Окна уснут
Тихо за шторами. Шторы согреют Дом.
...это чайник на кухне поет...

Стул, опрокинутый на пол тобою,
Платье устало ласкает плечо.
Ветер играет ночною порою
Музыку каменной легкости камерных
Снов...

•••

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Ты усни.
Я укрою тебя балдахином ладоней.
Отворю двери. В гости
Сойдет к тебе с гор
В серой мантии,
С синим небесным подбоем
Белый кот.

Солнце спит в подземелье
Восточного храма.
И ты спи.
К колыбели прискачут послы
Из китайских провинций.
Египетских номов.
От богини судьбы.

Здесь Арахна плетет сеть
созвездий Искусно.
Псы боятся интриг
Бледнолицей луны.
Ты не бойся.
Тебя защитят от коварства
Сильные руки мои.

•••

БЕЛЫЙ СТИХ

Белый лист бумаги
Не дают читать огню,
Пусть прочтет он лучше
Мой белый стих.
Он прочел.
По сказать ничего не успел.
Белым дымом
Слово
Ушло.
Паломниками на землю
Бредут снега.
Белыми нитками сшиты
Поле с полем.
Лоскуток к лоскутку -
Одеяло шьют белое.
На всем белом свете
Белым-бело.

•••

Стихотворения

1995 - 1996 г.г.

Ослепительно белый стих
На фоне увядающего лета.
Ослепительно белый стих
С подсолнухов капает
В небо
Молочными звездами.
Это зерно
Посеем, взрастим
И снова вернем
На землю.

1995 г.

•••

На голову
Шляпой
Надену лист клена.
Здравствуйте.
Нравится
Вам моя шляпа?
Не нравится?
Молчите?
Спешите не заметить?
Потревожил Вас...
Простите.
С осенним поклоном
К Вам
Небо седое.
Желтые страницы
Прочитанной книги
О солнечном лете.
Капли дождя –
Капли терпких духов.
Сумерки. Ветер.
И шляпа.
От клена.

1995 г.

•••

Голубые глаза леопарда.
Нет в них ни гнева, ни злобы.
Ты умрешь, очарованный грацией
Его добрых веснушчатых лап.

1995 г.

•••

Приподняв край тучи,
Под одеяло,
Нырну в настой дождя.
Мокрой рубахой
Обнимет спину
Воспоминание о буйном
Солнце.
В красные врата восхода
Постучится солнце
Завтра утром.
Завтра утром
Разбудит меня
Песня раннего ветра.

1995 г.

•••

В клетке платья
Бьется тело
Коломбины.
Не угнаться
Ритму бубна
За движеньем
Обезумевшего танца.
Скрипки снега,
Флейты ветра
Вторят танцу
Коломбины,
Вторят танцу
Коломбины
Дикий хохот
Арлекина
И печальный плач
Пьеро.
Вздохи окон,
Стоны крыши
Вторят ритму башмачков
Дивных ножек
Коломбины,
И вверяют старый дом
Ночью перед Рождеством
В руки
Ветренных сатиров,
Что из клавиш клавесина
Извлекают тихий треск

Дров в огне.
А Коломбине
Вторят
Хохот Арлекина
И печальный плач
Пьеро.

1995 г.

•••

Пальцы коснутся испуганных струн.
Стаей звуки взлетят к потолку.
Мелодию занавешенных окон
Скрипка поет.

Простужен ветром тревоги
Я.
Вино обещаний испито до дна.
Мелодию прокуренных комнат
Скрипка поет.

Слова не помогут.
Все скажут глаза.
В глазах в этот вечер
Зажглось много звезд.
Мелодию мягкого пледа
Скрипка поет.

1995 г.

•••

Белый снег на черных волосах.
На ресницах спит
Февральский ранний вечер.
И сибирский кот хвостом
Укроет твои плечи,
И положит голову на грудь.

Шесть часов.

Пора мне нынче в путь
В плоскогорье диких переулков,
Темных, неизведанных и гулких.
Я - охотник
За изменчивой луной.

Дробь шагов.

Мне послана мечтой
Ты.
Я видел в своих снах
Этот снег на черных волосах.
И февральский вечер на ресницах

1995 г.

•••

Беспечною безумною рукой
Ты треплешь мои волосы,
Чтоб повод
Был причесать меня,
Обнять.
И в рабство захватить
Мой взгляд.
...лениво под ногой прополз
Ручей.
По небу камнем
Галка пролетела...

1995 г.

•••

Стена из белых кирпичей
Напрасно пролитых ночей.
Стена из красных кирпичей
Расплесканных впустую дней
На исцарапанном столе
Стоят стены две. В голове
Все перепуталось давно
И смех. И горе. И вино.
Где красное вино молвы?
Где белое вино судьбы?

1996 г.

•••

ЭЙФЕЛЕВА БАШНЯ

В рыжей, небом выжженной траве,
Где-то среди пастбищ Южных Африк
Ржавой металлической жирафой
Одиноко башня Эйфеля сюит.
Две ее ноги ушли под землю,
В ее шее свили гнезда птицы.
Чешут спины молодые львицы
О ее железные суставы.
Та, в Париже, в шесть раз выше.
Ее чистят, моют, красят.
И ей каждый день приносят
Восхищенья свои люди.
О моей же знают только
Небо, звери, я и птицы.
И мулатка Вероолла.
По ночам ей тоже снится
Сон про Эйфелеву башню.
Что стоит среди высокой
Рыжей, выжженной травы,
Где-то среди пастбищ Африк.
Где-то на краю земли.

1996 г.

•••

В чашку крепкого кофе
Положили
Две ложечки звездных ночей.
Размешали.
На другом конце города
Слышал я
Стук ложки о старый фарфор.
Чашка крепкого кофе
Стоит у окна.
Двумя сонными реками
Поплыли к горизонту
Струйки белого дыма.
В реках полным-полно звезд.
Нет, они не являются отражением тех.
Что горят в небесах.
Это лики иных, лики сахарных звезд,
Они растаяли
В чашке крепкого кофе.
Их размешали.
На другом конце города слышал я
Стук ложки о старый фарфор.

1996 г.

•••

А схватить бы печаль
За длинные русые косы.
Чего плачешь, простоволосая девка?
Выведу тебя под дождь,
Там не видны твои слезы.
И хандру, корноухого пса
Вон из дома.
Хватит в миску ему
Подливать моих бед.
И хвостом не виляй,
И не трись мне о ноги.
У хозяев других
Сам выпрашивай корм себе.
Отворить бы окно,
Свежий ветер пустить
Потрепать занавески.
Пусть блудливым котом
Поваляется ветер
Среди моих книг.
Паутину тоски
Снять со стен бы.
Па стену повесить
Фотографию рыбы невиданной
По прозванию
Детский восторг.

1996 г.

•••

По ступенькам,
По ступенькам
Поднимаюсь в верх. Сегодня
Моя тень ведет меня в твой дом.
Я кричу на тень:
Неужто
Ты не помнишь -
Пас не ждут здесь.
Больше ты ласкать не будешь
Тень той девушки. Забудь
Как рука искала руку,
Как без устали купались
В волосах ее
С тобой мы
И боялись утонуть,
Не успев сказать
(Банальней
Этих слов едва ли встретишь
Что-нибудь.
Но ты попробуй
Отыскать мне человека,
Кто решится взять другую
Фразу
Вместо этой старой)
"Я люблю тебя." Забудь,
Тень дрянная.
Эти звуки.
Говорил тебе не раз я -
Здесь не ждут нас
Неужели
Ты оглохла?
Нас не ждут здесь.
Больше никогда не ждут.
Я кричу, а сам не верю
В свое слово.
И конечно,
Столько лет со мной скитаясь,
Мне не верит моя тень.
И поэтому нахально
По ступенькам,
По ступенькам
Словно пес к хозяйке доброй,
Рвется моя тень к тебе.

1996 г.

•••

В малом государстве моих снов,
Где растут невиданные травы.
Разбивался насмерть я о скалы
Твоих ласковых и нежных губ.

В малом государстве моих снов,
Где поют диковинные птицы,
Пробовал не раз я утопиться
В водопаде твоих тихих слов.

В малом государстве моих снов,
Где шмели устраивают битвы,
Я порезался сегодня острой бритвой
Твоих длинных, словно ночь, ресниц.

В малом государстве моих снов,
Где живут причудливые звери.
Я, конечно же, не мог тебе не верить
В твою повесть про безбрежную любовь

В малом государстве моих снов.

1996 г.

•••

Ночью воет во дворе моем
Бездомная луна.
Днем заглядывает в двор мой
Убежавший от кого-то
Мелкий дождь.
А я - дворник.
И поэтому всегда
Буду убирать я
Мусор звезд.

Август яблочный
Посеет сотню луж.
Март кошачий
Слижет снег-сметану.
А я - дворник.
Я завариваю чай
В озере
Граненного стакана.

Во дворе моем
Репейником растут
Тридцать семь
Несбывшихся мечтаний.
А я - дворник.
И присев на край стола,
Я ищу чаинки звезд
В моем стакане.

1996 г.

•••

Щелкаются семечками дни.
На асфальте горкой шелухи
Примостилась память.
Скоро время
Ветром южным шелуху развеет
Б парке моей бренной головы
Я, конечно же, забуду эти дни.
Только, может быть, когда-нибудь
Потом
Промелькнет прозрачным мотылем
В рваных, смятых, быстротечных снах
Сказка о сегодняшних страстях.

1996 г.

•••

Я заварил июльскую ночь.
Настаивал на двадцати шеста травах.
Накрыл блюдцем неба.
Укутал его
Белым густым туманом.

Здесь травы безумных соцветий звезд,
И травы огней городов,
И травы мшистых еловых лесов,
И травы березовых рощ

Здесь травы глухих комариных болот,
И травы лугов заливных.
Здесь травы из деревенских стогов,
И травы со дна реки.

И заварив так июльскую ночь
В темной глиняной чаше,
Я предложу тебе выпить ее
В доме желаний наших.

1996 г.

•••

Весло входит в воду.
Разрушая прозрачность воды.
Губят водную гладь
Ветер и камень.
Но к полночи рябь уснет.
И один за одним
Умрут на воде круги.
Камень ляжет на дно.
Уплывет лодка.
А вода по-прежнему будет
Непорочно чистой.

1996 г.

•••

ГОРОД - ШАПИТО

Где-то среди пальцев серых сумерек,
Где-то среди прутьев фонарей
Я бреду.
А ветер обезумевший
Дверь подъезда норовит сорвать с петель.

Прохожу по старой круглой площади,
Спрятав уши в воротник пальто.
Вдруг представили фантазия и сумерки
Мне огромный город-шапито.

Под огнями ярких ламп кухонных окон
Клоуны, наездницы, слоны.
На арене старой круглой площади
Выступают голуби и львы.

Глупый и веселый черный пудель
Рвал узлы у разноцветных лент,
Девочка стреляла из царь-пушки
Ядрами в натянутый брезент.

Поздний ангел, возвращавшийся со службы,
Шаг замедлил. И задев крылом своим.
Заглянул в лицо мне. И послушно
Шторы век склонил я перед ним.

А когда глаза открыл я снова,
Не было ни цирка, ни огней.
Только ангел уходил.
И ветер злобно
Дверь подъезда норовил сорвать с петель

1996 г.

•••

Сидя дома в мягком кресле
Полуночной лени,
Под звездой парного молока,
Я подумаю о дне прошедшем.
Дне глобальных поражений
И дне крошечных побед.
К поражениям привык я,
Но отрадно, что победы
Все-таки пустили корни
В глиняной твердыне дня,
Я запомню вкус победы.
И проснувшись рано утром,
Приготовлю всем на завтрак
Постпобедный бутерброд.

1996 г.

•••

Дождь исцарапал асфальт.
Солнце излечит раны.
Тополь рукой постучится в окно.
Все будет хорошо.
Чашка разбилась и пролит чай.
Эта беда - не беда.
Новый придет день.
И бедам назло
Все будет хорошо
Все чаще бессонница смотрит в лицо,
Все реже беспечность гостит,
И старых друзей я не видел давно.
Но Все будет хорошо
В пахоту памяти сею зерно
Имя ему - мои годы
Вот седина прострелила висок.
Но Все будет хорошо.
И снова дождь изранит асфальт,
И снова залечатся раны,
И тополь снова стучится в окно.
Ведь все будет хорошо.

1996 г.

Беспечный летний день

1. Пока мы спим, стрелкам на часах незачем оловянным солдатиком прыгать с минуты на минуту. Никто не следит за их ходом, время вольно всецело распоряжаться собой. После полуночи излазит оно снега Тибета, скатится в глухое ущелье, застрянет на холостяцкой пирушке где-нибудь в центре Европы. Хрипло крикнет ночной птицей в сосновом бору, и, только облетев всех гадалок, ясновидящих и знахарей, вернётся, усталое, к двум, чтоб после — провалившись глыбой — тут же пробить половину пятого. Но зная доподлинно час вашего просыпания — ибо вы сами указали стрелкам, когда следует вас будить — время подладит и подгонит свой ход; даже проснувшись минут на десять раньше, едва ли заметите вы что-либо необычайное.

Вот комната, схваченная по кругу тиснёными обоями. В ней идут на разнолад часы. Спит молодой, лет двадцати, человек. Трудно сказать, красив ли он: сновидение надело на его лицо неизменную маску — полуоткрытый рот, затянутые в веки глаза. Ему снятся сбивчивый ветер и чуть синий, рассыпанный ветром снег. Молодой человек смотрит на снег пристально, и снег не режет глаз сиянием кристалла, он смотрит, смотрит, открывает глаза — снег — потолок над ним, а ветер... ветер - его дыхание.

Уняв неровность ветра и улыбнувшись несползающему снегу, он посмотрел на часы — подправив свой ход, они показывали готовность разбудить его вскорости. В последние месяцы он не часто просыпался раньше времени, и потому осознание этого факта приятно удивило его, хотя, конечно же, впоследствии оно не могло повлиять ни на что.

Он встал, без аккуратности заправил постель и решил — сославшись сам себе на небольшое недомогание — не делать сегодня обычных утренних упражнений. Он быстро умылся, надел приготовленный с вечера костюм и принялся за завтрак.

В это же время другой человек, в другом конце города — даже не города, а в одном из многочисленных его пригородов — тоже встал, надел не на ту ногу шлёпанцы, рассеянно выбрился, втиснул тело в костюм и тоже сел завтракать.

Третий человек, проживающий в самом центре, за квартал от здания главпочтамта, точно так же встал, умылся и сел завтракать.

Четвёртый, пятый, шестой человек занимались тем же, что, впрочем, вовсе не удивительно, ибо был тот самый утренний час, когда большая часть населения объединена общим порывом отправиться в контору, на завод, в университет на учёбу или просто в магазин за покупками.

Завтраки всех этих людей были весьма разнообразны — начиная чашкой кофе с булочкой и заканчивая многочисленными закусками и десертами — но, какие б они ни были, они всегда являлись постоянными для того или иного человека, и только первый (тот, что проснулся нынче пораньше) позволил себе сегодня изменить привычное меню. Обычно завтрак его состоял из разогретого, недопитого с вечера чая со сладким овсяным печеньем, однако на этот раз он приготовил себе яичницу с луком, овощной салат и запёк к чаю бутерброды.

— Послушай, Глюн, — сказал он себе самому. — Тебя замучило однообразие. Ты всю свою жизнь живёшь рефлексорно и бессознательно делаешь ту или иную работу. Ты, я вижу, думаешь: зачем, мол, включать мозги на такую мелочь, как, например, завтрак. Всё обыденно, каждый день он будет завтраком. Но сегодня немного не так. Завтрак завтраком и останется, но пройдёт он чуть иначе. Не смею навязываться, но попробуй — тебе должно понравиться.

И действительно, Глюн завтракал сегодня с большим аппетитом. И в отличном расположении духа. Когда чай и бутерброды были съедены, он по старой доброй привычке посидел ещё немного, потом встал, налил себе из графина воды, подождал, пока отражение кругами разойдётся по чашке, приложил к отражению губы и принялся крупными глотками пить. Уничтожив отражение до дна, он поставил чашку на стол и, решив быть изысканным до конца, громко поблагодарил себя, говоря к чему-то через плечо:

— Спасибо, Глюн. Ты нынче, должно быть, в ударе.

Надев плащ и отметив при этом в который уж раз, что непременно нужно пришить недостающую пуговицу, он вышел и запер дверь, не дождавшись лифта, не расстроился и поспешил вниз по лестнице. Утро плеснуло ему в лицо круто просоленным звуком гудящих автомобилей и яркими, рассыпанными по окнам и витринам бликами. Не по-утреннему душная солнечная нежность схватила Глюна за плечо; ветер отогнал её на миг; она прильнула к Глюну снова и жаркими поспешными руками стала назойливо ласкать его. Глюн улыбнулся — несмотря на некоторую вялость, он чувствовал себя прекрасно — и скорым шагом направился к остановке. На перекрёстке он чуть задержался — был выбор между автобусом и метро — но, не пожелав в такое чудное утро лезть под землю, решил добираться автобусом.

В эту минуту другой человек — тот, что жил в пригороде — тоже спешил к остановке и был озадачен своей рассеянностью: он позабыл дома зонтик, но возвращаться за зонтиком никак не хотел.

Автобусы в этот час шли привычно переполненными. Глюн, всегда исправно покупавший билет, решил сегодня проезд не оплачивать, рассудив здраво, что никакой контролёр не решится протиснуться в такой давке. Случайные соседи Глюна тянули вверх шеи, судорожно цеплялись друг другу за руки и не замечали, что наступают ему на ноги.

Остановок через пять, когда народу стало чуть меньше, Глюн пробился к заднему стеклу и, уткнувшись в стекло, принялся хватать широко расставленными глазами мельчайшие фрагменты городской панорамы. Тысячу раз изъезженный маршрут не был ему нов и сегодня, но была некая сладчайшая прелесть в мелькании привычных третьесортных деталей. По тучной бронзе памятника основоположнику города от темени шёл жгучий белый подтёк за ворот мундира; сапог чуть выдвинут и непропорционально велик. Постовой ушёл в тень и лишь изредка окриком свистка одёргивает к тротуару пешеходов. Молодая рассерженная дама шлёпает нерадивую дочку, и чем больше девочка плачет и обещает не делать так впредь, тем сильнее сердится и шлёпает её мать. Сухонький старичок устал, присел отдышаться на скамеечке и всё качает и качает головой: то ли соглашаясь с происходящим, то ли

оскорбляясь за нынешние нравы... Мельчайшие фрагменты громадной панорамы. Чудные, невыдуманные кистью кадры. И все эти милые эпизоды обильно политы солнечным светом, и поданы по-царски, с томной, истинно природной небрежностью. Глюн поражался и умилялся этим солнечным миниатюрам и чуть было не пропустил свою остановку — впрочем, конечно же, нет; не так уж он и увлёкся.

2. Сегодня утром я был наказан. Я был бит плетьми, бит до тех пор, пока не умер. Это было обычное наказание виновного; подобные наказания у нас не редки. Их производят во дворе здания, в котором расположены Высшие курсы, где я имел честь обучаться последние три года. Я умер, моё тело пронесли под гимн:

Славься Всевышний,
Дающий надежду...

Через строй учеников, которых — кого принудительно, а кого и по доброй воле — специально собрали по этому поводу. Тело доставили в канцелярию, запротоколировали, выдали документы об отчислении и отправили в морг. В морге меня помоют, подретушируют, и, я полагаю, скоро вы увидите меня таким же, каким я был запечатлён на последней фотографии (что прислал вам в марте), даже лёгкий излом улыбки, я надеюсь, они воспроизведут достоверно. Однако всего этого я не увижу, и говорю так уверенно только потому, что доподлинно знаю: порядок в подобном делопроизводстве отменный, и едва ли найдётся причина, заставившая изменить их привычный ход хоть в малом.

Что же касается моих личных воспоминаний, то погода сегодня — до той поры, пока я не умер — была чудесная, даже, пожалуй, жаркая. Небо обливало моё тело потоками солнечного настоя; мухи, и так дуреющие от жары, обнаглели окончательно. Деревьев или каких-либо сооружений во дворе было мало, поэтому тень лишь кое-где наступала фиолетовой ногой на асфальт; ученики потели; я чувствую, я был проклят не раз.

Наказан же я по той причине, что Высший совет администрации Высших курсов отметил в моём трактате (который пишут все ученики по окончании каждого года учёбы) несколько вольных мыслей, хоть и не противоречащих линии Высшего совета, но стремящихся — по их мнению — быть оригинальными. Приняв решение о наказании, Высший совет — как и подобает солидному, мудрому органу власти — не поспешил с исполнением приговора, а назначил авторитетную комиссию, не дав тем самым подлить масла в лампаду сплетен и кривотолков. Лампада та, как известно, разгорается быстро, освещая огнём своим икону Недоверия — а что может быть хуже зерна недоверия, брошенного во вспаханные мозги учеников. Независимая комиссия состояла из двух удивительно подогнанных друг под друга господ — ростом, осанкой, неподвижностью блекло-рыжих волос они походили как братья. Меня ввели в кабинет, где сидели, раскинувшись, эти господа, и, представив их — служащий банка, представитель трудовой интеллигенции — предложили в общих чертах, не вдаваясь в подробности, изложить суть моего трактата. Я поклонился господам, и спросив, достаточно ли хорошо меня слышно, приступил к изложению. Начал я сбивчиво (сказывалось волнение), пропустил две или три немаловажных детали, но по ходу пересказа успокоился и завершил довольно толково. Чтоб

господа верно истолковали саму идею трактата, а также оценили мою незлобность и учтивость, я в конце речи ещё раз кратко, но неспешно повторил основные выводы. Поклонившись господам снова, прочистив нос и уложив платок в карман, я сел на поданный мне стул и приготовился услышать мнение господ, ибо в конечном счёте именно их мнение было решающим. Господа — оба — поднялись и, чтоб успокоить мои напряжённые нервы, дружески улыбнулись. Тот, что служил в банке, наклонился и шепнул мне на ухо, что мне не о чем беспокоиться. Я был благодарен им: и за то, что понят в своём сочинении, и за то, что успокоили, не заставив ждать. Ведь прежде, чем сказать хоть слово громогласно, они обязаны были записать своё решение на бумаге, придать бумаге законность подписями и печатями, передать бумагу в архив и только уж после сказать записанное вслух.
— Чушь собачья, — когда формальности были соблюдены, сказал интеллигент.
— Я не дал бы в быту, в стенах моего дома места подобной теории. Увольте, — сказал служащий банка.
Приговор был вынесен дважды. Мне, как и любому наказуемому, дали день сроку на разбирательство с наследством, долгами и прочим, и через день — то есть как раз сегодня — я должен был в девять утра прибыть к палачу. Опоздание считалось дурным тоном.
Надобно сказать пару слов о палаче. Будучи по натуре своей человеком добрым и рассеянным, он, воистину, является любимцем всей ученической братии. Будучи добрым, он приветливо кивает и жмёт руки всем ученикам — хотя по занимаемой должности он чуть ли не член администрации — носу он не задирает и держит себя с нами на равных. Даже мне, наказуемому, он подал сегодня руку, долго тряс ею, с участием заглядывал в глаза, расспрашивал о самочувствии. Будучи же человеком рассеянным, он вечно что-нибудь забывает, теряет или кладёт куда не следует. Вот и сегодня он забыл прихватить из дома зонтик, и если погода испортится — чего я уже не узнаю — он непременно сляжет в постель. Живёт он со старушкой матерью, которая сама нуждается в уходе и не сможет ездить из пригорода в центр за лекарствами, и поэтому не знаю, не знаю, кто за ним присмотрит. Как наяву вижу образ перед глазами: он лежит обессиленный, у него жар, испарина бисером разложена на лбу. Длинные, редкие, вьющиеся от природы волосы разбросаны по подушке; мокрые от пота, неприятно обхватывают лицо и шею. Бедная старушка сидит рядом и плачет — он болен который уж день, даже врач перестал привычно лгать о выздоровлении. У старушки это единственный сын, и временами, между порывами сжимающей горло жалости, старушка подсчитывает: на отложенные к чёрному дню деньги она проживёт не более года. Она гладит рукою руку сына: он был добрым человеком, он был приветлив к ученикам. Милейшее, тихое создание с кроткой, светящейся любовью улыбкой, в которой
(текст продолжается именно так — прим. составителя)
но ведь подлец: он не просто бил меня, он старался захлестнуть плетью под бок — так много больнее и много мучительней. Я видел — я один раз на секунду обернулся — он увлёкся работой, он счастливо покрякивал,

покусывая кончик языка, глаза его восторженно округлились. От него не требовалось придумывать мне иезуитских пыток, но этому убогому телу не доставало просто хлестать меня, и он постоянно смачивал плеть в растворе соли и уксуса, следя при этом, чтоб я не терял сознания. Мне помнится (или я придумал это после), что даже кто-то из членов Высшего совета не выдержал и сделал палачу замечание: мол, незачем; надобно только бить. Хотя, может быть, этого в действительности и не было.

Я плохо помню само наказание. Строй учеников, зачтение виновности — это, конечно же, как всегда. После было что-то неприятное — я, должно быть, испугался и начал просить прощения, но бой барабанов тут же заглушил мой жалкий вопль. Потом всё как-то нечётко — я никогда не носил очки, но подобное, наверное, испытывает человек со слабым зрением. Мутность, обобщённость, расплывчатость предметов и действий. Ничтожные всплески памяти — воспалённые радостью глаза палача, гнусное жужжание мух — и далее нечто ужасное. Впрочем, нет; самым ужасным событием нынешнего утра было не это. Боже! И теперь — только вспомню — стыд обжигает лицо. Немыслимо представить — я позабыл сменить сорочку, воротничок был несвеж. Я заметил это перед самым наказанием, когда палач предложил мне скинуть пиджак; я стыдился, я прикрывал воротничок руками, а палач — наивность! — отрывал мои руки, полагая, что я боюсь. Ужасные воспоминания — я мучаюсь ими беспрерывно.

Дражайшие родители мои, если и есть причина стыдиться вам за сына — то только за это. Хотя я знаю, отец упрекнёт меня и за отчисление. Ну что ж, простите меня, простите великодушно. Однако я вижу — я утомил вас; все эти подробности ни к чему. Ни слова более; незачем так уж расписывать нынешний день.

Целую напоследок вас многократно, и младшую сестру мою Клавдию тоже. Прощайте покамест. Точка. Глюн.

Ностальгический сон

Погода дрянь. Осень который уж день мочится дряблыми затяжными дождями. Охает и кряхтит под окном. Может, не дают ей покоя изгнанные из дома птицы, или ноют нервной изморозью старческие больные кости. Или всё это лишь слабые потуги моего сознания, запертого в эти зелёные, крашенные маслом стены, с плитой белого потолка, зависшего над шкафом и дверью.

«Ну, как дела? Нормально всё?» Господи, к чему тут вежливость — непременно нужно вести беседу. Алифер сидит в углу у стола, и прозрачная тень от его несбитой фигуры застыла змеёй на полу. Хочется молчать. Улыбаюсь. Киваю. «Да, всё хорошо.» Приличия ещё тянут улыбкой губы, глаза уже думают о своём. Нет, скорее, ни о чём не думают, просто зачем-то ставлю вокруг щит: пусть кажется, что о чём-то думаю. Устал. Устало крою веком лживый глаз, устало тру переносицу и крылья носа — никогда не жившие на носу очки словно ужасно натёрли. Медленно варевом вязко текут минуты. Слезятся окна, и зачем, зачем я выдумал себе эту осень? Каким-то привычным законом рассматриваю на стенах картины. Намёк на философию, а на той — надежда на радость. Да ведь Алифер же прекрасно знает, что эти картины давно приелись мне своим каждодневным дерзновением — там на философию, там на радость — и если кому и рассматривать стены, как принято в минуту паузы, то уж гостю, а никак не хозяину. Шипят за окном заводские трубы — как плотно въелись они в пейзаж — и сыплют небу порции полотняного дыма; но что-то не осеннее есть в этом дыму. Мозг привык к грязи и слякоти, ну может, еще к желтому листу, а здесь белый, белый дым — клубы облаков или снег,что-то простое, легкое, чистое. Наверное, снег. «Еще чаю?» «Нет, нет, спасибо. Впрочем, если не трудно». Опять разлит по чашкам насыщено красный настой, с преувеличенным вниманием предложены друг другу сахарница и ложечка; смакуя, потягиваю сладковатую терпкость. «Индийский?» Кивок. Пить хочется до спазмы в горле и маленький глоток не дает наслаждения, но если пить быстро, придется или наливать еще — «Чудный чай, не правда ли?» — или говорить что-нибудь. Скорее всего, пустое и ненужное, что говорится обычно. Или же с чумным восторгом приняться за давнюю, может быть, детскую историю, видеть, как устало лоснится разбитое крест-накрест тенями лицо собеседника, и с неумолимой ясностью осознавать, как нелепы твои ужимки; от этого говорить еще увлекательней и интересней. «Ах, это действительно, это на самом деле так и было». Лучше уж размеренно, будто по хронометру, пить чай, делать вид, что пьешь чай, лишь касаться края чашки губами. «Не правда ли, чудный чай?» «Индийский?» Кивок. А после можно будет закурить — я, пожалуй, потому и начал курить — не нужно слов, втягиваешь изредка щеки, вызывая в ответ всплеск огня, глотаешь едкий, слоящийся в теле дым, указываешь жестом на сигарету. «Прекрасные сигареты» или «А сигареты-то не очень...» Но сигареты докурены и вжаты окурки в пепельницу, и мы снова сидим, напряженно

слушаем захвативший весь дом перестук часов. Алифер сверился со своими, покрутил, подправил стрелки, расстегнул и застегнул браслет. «Жмет немного».

Я жду, когда Алифер уйдет. Хотя знаю, что завтра, встретив его в коридоре, я снова обрадуюсь ему и приведу сюда; сегодня же остаться одному для меня не лучший выход — что можно придумать сквернее, чем быть одному со своими предчувствиями и догадками, наростами прилипшими к дурным мыслям, погребенными в зеленой пустоши замкнутых стен. Но я жду, когда Алифер уйдет, я жажду остаться один, меня незримо влечет одиночество...

... сейчас февраль в воскресенье. И нестерпимо жаль отпускать от себя только что сотканную мозгом осеннюю бездомную неряшливость. Жаль белого дыма, потерявшего свою белизну с уходом дождливой сумятицы — сейчас, зимой, он стал в однотонье со спокойной разбеленностью окружения. Жаль отпускать Алифера; странная фамилия, откуда такое — Алифер. Он сидит на том же стуле, в углу, у стола. Алифер курит, клонит голову вбок, бессознательно стряхивает пепел в недопитый, еще теплый чай. Жаль, что его никогда и не было, что все это лишь только моя фантазия, фантазия, фантазия...

"Ну, а дела как? Нормально все?" Всю осень я ждал снега, а вот теперь помню лишь осень. Стучу в закрытые двери внутрь себя, стучу ее грустью и влагой, и развлекаюсь тем, что мысленно рождаю себе собеседника, и мучаюсь, мучаюсь от того, что непременно нужно что-то говорить.

Это письмо адресовано мне

«Здравствуйте, дорогой доктор.
Прошло совсем немного времени после Вашего отъезда, а наш городок уже совсем не узнать. Шутовской, размалёванный, ярмарочный, нынче он приглянулся Тишине. Многослойным ковром уложили тротуар листья, пора ленивая и сонная, ветер княжит у моря, балаганчики и бистро умерли. Птицы улетели вслед за солнцем. Птицы не поладили с Тишиной; птицы, как и Вы, любят гомон и песни. Зелень полей, лазурь воды, белизну облаков унесли они под крылами. На всём лежит теперь серая плесень тумана. Городок опустел. Имя ему — Мёртвый Сезон, Земля цвета линялой шерсти, небо цвета равнодушных глаз. Недавно в город вернулись бродячие артисты. Они не станут давать представлений; они вернулись сюда на зиму; они здешние; представления начнутся лишь по весне. Арлекины сняли свои потёртые ромбы и превратились в немолодых обрюзглых субъектов с женоподобной кожей лица, испорченной гримом и вечными ужимками. Коломбины сложили побитые молью трико в сундуки и стали строгими мамашами. Они варят супы и подливы, детские головы причёсаны, панталоны и рубашки бельмом полощутся у входа. Завтра они будут выутюжены, завтра найдётся новая работа.
Ваша половина дома теперь заперта. По городу висят объявления, но кому нынче надо жильё. Унынье полное. По двору разбросаны бесформенные куски плетёных корзин, мелким зверьём снуют под ногами обрывки старых газет. Садовая беседка пуста, на летнем столике моются под бисером дождя антоновские яблоки.
Нам очень не хватает Вас, доктор, Вы уехали, и слишком много незаполненного пространства осталось в нашем доме. Рука постоянно тянется к шахматной доске — вот Ваше кресло. Вы играете белыми, — но Вас уже здесь нет, милый, большой, весёлый наш доктор, я столько раз рассказывал о Вас забредшим в мою жизнь случайным путникам, что уж сам не разберу, где правда, а где мои фантазии. Мы, действительно, ездили с Вами в горы? Вы, действительно, лихой наездник? Вы пели романсы, а в прошлой жизни были правителем нома? Действительно ли, носили Вы бороду, или же моё воображение дорисовало эту деталь в угоду моему же вкусу? Моя жена так привыкла к моим рассказам, что сама всё перепутала и тоже не может толком сказать, как было на самом деле. Людям же, которым я рассказываю о Вас, нет никакого дела, была ли у Вас борода, или её не было вовсе; им не важно, жили ли именно Вы в Египте, или же это был кто-то другой. Они допускают правдивость моего повествования, и этого им вполне достаточно. Если же кому-то из них и понравится сюжет — он запомнит его; но пересказывая, непременно перетасует Вас по-своему. И будете Вы не высоким брюнетом с плавными манерами, а ловким, щуплым, хитрым малым. Простите, доктор, тут уж я не в власти что-либо предпринять; каждый лепит себе свой образ героя. Каким Вы были на самом деле? Плохо, что я уже описывал Вас другим. Слово — кривое зеркало, слово искажает память. Теперь, увидев вас через год, я, конечно же, примерю Вас к

своему описанию и, конечно же, найдя несходство, подумаю: как Вы изменились...
Что касается меня, то нынче в голове всё перемешалось. Порой я начинаю приписывать Ваши поступки себе. Бывало, я недоумевал, когда жена говорила мне: «Помнишь, как доктор спас тебя на реке?» Я всегда был уверен, что не Вы, а я спасал Вас тогда... Если же говорить о каких-либо точках зрения и мыслях, то я окончательно перепутал — где мои, а где Ваши. Партия в шахматы — общая игра, общий разговор. Всё сказанное я помню, но здесь как в полуночной пьесе: череда диалогов из темноты, и неизвестно, чьим голосом что произнесено. Жена моя всё оригинальное отсылает Вам «Ты прекрасно умеешь повторять, — говорит она мне — И повторяться...» Порой она становится циником, с ней сложно о чём-либо беседовать. А помните ли вы, доктор, нашу поездку в Агафьевский лес? Чёрного ворса ночь, зыбкое, словно нереальное утро. Деревья по колено в парном тумане, тропинка, которая обрывается в трёх метрах за спиной. Ощущение, что перед тобой расстилают гобелен с дивным рисунком; ты проходишь, гобелен тут же сворачивают. Вы помните, доктор, жёлтые камни на дне ручья, робкий голос травы под ногой? Вы помните наш разговор о врагах? «Врагов — говорили вы — надо наживать с большой предусмотрительностью. Тут нужно быть крайне осторожным. Помогают нам наши друзья, но имя нам делают наши враги. Друг может вас забыть, враг не забудет никогда. Он будет вспоминать о вас, говорить о вас; сам того не желая, он не позволит похоронить в умах имени вашего; вы станете бесспорным авторитетом... Истинный враг начнёт анализировать, начнёт искать истоки вашей популярности и, найдя их, невольно начнёт подражать вам, сотворив том самым кумира из врага своего. Но если враг ваш будет человеком пустым, то и цена его слову и действу ничтожна. Его никто не услышит. Наживайте себе врагов, которых вы уважаете. Бесхарактерным может быть друг, враг должен быть личностью. Сильный враг заставит вас действовать, ради него вы сделаете много достойного. Если же у вас нет врага, то выдумайте его, чтобы иметь возможность победить.» Вы помните, доктор, эти слова. Вы говорили их на берегу ручья, когда мы возвращались уже обратно и ужасно проголодались. Впереди нас шли моя жена и её брат, жена брата и их выученные этикету дети. А помните ту внезапно вынырнувшую, абсолютно круглую поляну, с мягким войлоком аккуратно скошенной травы. «Славное место для дуэли» — сказал тогда кто-то. Быть может я, «Запомним. Вдруг пригодится...» ответили мне. Наверное, Вы.
Как недавно это было; как давно это стало не более реальным, чем рассказ о саблезубых тиграх.
Всё — бестелесные сны, наша фантазия их оживляет. И только переходят из сна в сон близкие сердцу люди. Вечные кочевники из жизни в жизнь, случайные приятели на несколько снов. Появитесь ли Вы снова в моих снах, доктор? Вы обещали приехать к нам в конце апреля. «Взорвётся бутонами сирень — ждите.» Вы говорили. Ваш пышный слог. Помните? Мы ждём Вас. Приезжайте сразу, без предупреждения. Ваше кресло, шахматы. Вы играете белыми. Подлинная необходимость весеннего расцвета, полный вздох чувства собственного достоинства — я

надеюсь, с Вашим приездом это тоже ко мне придёт. До скорой встречи, доктор. До весны.
P. S. Жена утверждает, что в Агафьевском лесу мы были не с Вами. Неужели она права?»
Как я уже говорил, это письмо адресовано мне. Я прекрасно помню его, поскольку написал его сам, три года назад. Сейчас, по прошествии этих лет, мне трудно привести в порядок мысли и чувства, трудно вспомнить, что двигало мной тогда. Три года назад я, действительно, ездил к морю. Хозяин домика; где я жил, действительно, любил шахматы и безудержной пустой болтовнёй отравлял мне наслаждение от игры. Играя с ним, я не испытывал азарта, всегда пленявшая меня гармония вечерних сумерек, точёных фигур и крепкого чая не трогала тогда моего сердца; партия в шахматы была платой за проживание, обязательной ложкой дёгтя, лекарством против умиротворения и покоя. Так почему я написал сам себе это письмо? Какую фантазию желал выдать тогда я за правду? Быть может, мне хотелось, чтоб его жена сбежала со мной, и чтоб он — человек, ворующий мои идеи и удачные комбинации слов, — он обрёл наконец-то смысл в жизни, сбросив из кумиров в лагерь своих врагов? Или мне хотелось, чтобы он, никогда по-настоящему меня не любивший, копировал мои жесты и интонации только для того, чтоб понравиться собственной жене? А, может быть, и не в нем тут дело — просто я льстил себе самому, пытаясь заставить поверить, что кто-то меня ещё помнит, что где-то из-за меня разыгрываются ещё семейные скандалы, и перемываются ещё мои косточки. Не знаю. Не помню. Не желаю вспоминать. Что испытываю я сейчас, перечитав это письмо? Безразличие? Раскаяние? Приступ цинизма? Угрызение совести? Недоумение? Злость? Самовлюблённость? Ненависть к самому себе? Нет, ничего такого. Или всё сразу.
Я сажусь за стол, слушаю мяуканье метели за окном. Рука включает торшер, достаёт лист бумаги и ручку, и я неторопливо пишу: «Здравствуйте, мой старый, добрый друг, мой радушный хозяин, мой вечный неутомимый спорщик. Как грустно мне без Вас. Нынче, в потоке унылых январских дней, я с нежностью и теплотой вспоминаю Ваши уютные кресла, наши с Вами славные беседы, наши удивительные партии в шахматы. Никогда, ни до этого, ни после, я не испытывал от игры такого подлинного наслаждения...»

1993-1994

Простодушный

Дождь. Не летний дождь. Для летнего дождя он слишком хил и немощен. Бьёт слабым кулаком по мостовой, собирает свои капли в ручей и идёт неспешно с одной улицы на другую. Пусть этот дождь будет осенним. Дождь первого дня сентября. Дождь наполнил этот день до краёв — тихий, нудный дождь. Бьёт безобразный старик кулаком по лужам, стучится в мостовую, словно мостовая — дверь в преисподнюю. Дождь начал свой отсчёт ещё вчера. Но вчера он был прощальным ливнем лета, за эту ночь он вырос в предвестника осенней слякоти.

Так рассуждал Простодушный, стоя в дверях маленького полутёмного подвальчика. Здесь находилось кафе, здесь подавали хорошее вино и варили кофе. Простодушный был защищен от дождя полотняным навесом и только левую ногу он выставил наружу, где полные набухшие капли, срываясь с края ткани, щёлкали звонко о серый нос ботинка. Первый день сентября. Капли стекали с ботинка причудливым узором. Осенние цветы. Вчера, когда было ещё лето, цветы являлись неотъемлемой частью праздника, его неизменным оформлением. А потому их мало кто замечал. Им не платили дань за красоту и аромат. Сегодня же, осенью, они стали изысканным украшением — последние цветы сентября... Сегодня чтимы вниманием птицы — завтра они улетят; солнце — оно уплывёт на юг; зелёные листья — солнце на прощанье перекрасит их в свои цвета. А как долго стремились мы к урожаю! Священнодействовали, шаманили над каждым плодом, допуская к участию в действе одних — пчёл и шмелей, и изгоняя из храма других — гусениц и бабочек. Мы творили и ждали, трепеща, результата. Нынче же, результата добившись, затонули всё паутиной обыденности. Плоды и зёрна низведены до прихоти желудка. Желудок правит мозгом. Сегодня дождь поёт реквием лету. Реквием плодам и зёрнам. Завтра снег споёт реквием осени. Снег оспой изобьёт щёки земли, и последнее яблоко упадёт в медный таз. Это и есть реквием осени. Но это печально.

Простодушный зажёг спичку и, прикурив сигарету, дал догореть спичке до конца.

— И почему я решил, что этот дождь непременно осенний? Первый дождь весны; слабые кулачки ребёнка капризно стучат по мостовой, словно под мостовую закатилась игрушка. Первый весенний дождь рвёт убогие одежды зимы, снег оседает, падают с крыш сосульки, трещит лёд. Полный развал строгой, научно возведённой системы. Зима — математик. Логика и здравый смысл. Эмоции — лишь помеха. Суета — болезнь несовершенства. Но кто пропустил в лабораторию ребёнка? Кто позволил ему шалить и бить препараты? Ломать инструмент? Пачкать любопытными руками записи? Руины. Полный развал. Не оставлен и фундамент. Все строить заново. Строить будет лето. Я люблю лето. Да, люблю. Оно ещё далеко, Я хоть и помню его нестерпимый зной, но память сглаживает дурные воспоминания, память надевает на картины прошлого позолоченные рамы. Лето ещё далеко. Что мешает мне думать о лето с любовью?

Восемь ступенек. Простодушный спускается в кафе. Подходит к стойке бара, молча указывает на кофе и бутерброд с сыром. Дождь. Дождь трезвонит по мостовой.
— Желаете кофе и бутерброд?
Простодушный молча кивает. Если дождь имеет потребность трезвонить по мостовой, то пусть трезвонит. Он не мешает Простодушному. На столик поставлено блюдце с бутербродом. Ветер шуршит плащами прохожих. Монолог одинокого бутерброда. Хотелось бы слышать диалог кофе и сыра. Если ветер имеет потребность шуршать плащами, а каштаны на той стороне улицы шелестеть листьями, то пусть себе шуршат и шелестят. Они не мешают Простодушному. Кофе должен быть очень крепким. Не очень сладким. Если радио имеет потребность говорить — пуста говорит. Оно не мешает Простодушному. Он же решил молчать. Простодушный обходится без слов, он не имеет потребности в них. И этим он этому не мешает.
— Ваш кофе. Диалог кофе и сыра.
Лето еще далеко. Не скоро придёт сюда жаркое солнце. Жаркое и яркое. Эти слова так похожи. В сущности, это одно и то же. Яркое солнце не может не быть жарким, жаркое солнце всегда яркое. Буквы «ж» и «я» всегда путали. Имя Ян у поляков и Жан у французов. Всё просто. Яркое, жаркое — одно и то же, Можно было б ограничиться одним понятием. Слишком много слов. Слова — это излишняя роскошь. Вначале было дело. Слово было после. Солнце дарило земле любовь. Земля жаждала зачатия. Земля способна была рожать. Вначале было дело. Яркое солнце. Лишь после назвали его жарким. Я жду прихода солнца. Яркого солнца.
Простодушный встал, расплатился, вышел на улицу. Дождь затих, лишь ветер срывал с деревьев застрявшие в листве капли.
Люди редко замечают солнце. Было ли солнце вчера? Было. Наверное, Так «наверное» или «было»? Не вспомнят. Люди не смотрят на небо. Зачем им небо? Ноги их выросли из земли, земля даёт им корм.
Но жизнь ведь даёт солнце. Но ходят люди по земле. Споткнутся — падают лицом в землю. Земля постоянно напоминает о себе. То неожиданной выбоиной, то пылью. Прихорашивается зеленью травы, в траву вплетёт цветок. Старая кокетка. Извечно — грим и косметика. Цвет волос меняет по сезону. Осенью она огненно-рыжая, зимой — пепельно-белая. Известно всем. А я жду солнца. Яркого солнца. Проклятый ветер. Нагонит туч. Затянет тучами небо. Снова дождь. На чём я остановился? На том, что дождь — весенний. Идёт дождь. Если будет тепло, то первые застенчивые листья появятся дня через два. Дождь — весенний.
Простодушный оглядывается, сходит с тротуара. Машин нет. Если б я был мотыльком — однодневкой и родился б завтра, я знал бы, конечно, что дождь был до меня, а листья появятся после меня. Дождь умрёт до меня. Не увидев меня. Листья родятся после меня. Не увидев меня. Я — мотылёк-однодневка.
Простодушный перешёл дорогу, свернул в подворотню. Первый подъезд от угла — проходной. Не нужно обходить квартал. Входные двери скрипят истерически. Подъезд — мышеловка. Скрип двери — сигнал. Сейчас выскочат жильцы, схватят, потащат наверх. Я не верю ветру.

Снова ступени. Снова дверь. Снова дождь. Ветер пригнал в город дождь, спрятал солнце; он безутешно вздыхает и гладит шершавой ладонью угол старого дома. Вторая дверь скрипит не меньше. Я снова к ветру лицом. Я не раз улыбался ветру, но он всегда убегал. А после раздражённо толкал в спину. Ветер любит бродить по пустырям, гонять обрывки газет, заглядывать в мусорные ящики, нервно ходить вокруг костра. На пустырях жгут костры из автомобильных покрышек. Дети шалят. Дети, как и весна, творят невесть что. Дом, где я живу, — теперь Простодушный входит в узкий двор: потрёпанный годами фасад, грязно-розовый цвет, щели окон, — дом находится в низине. Почти центр города, но не холм — холмы рядом. Низина. Ветер сгоняет в сюда стада запахов. Когда он дует с востока, то приносит пряные запахи, Я закрываю глаза, и мне представляется серо-жёлтое тело змеи на жёлто-сером песке. Когда ветер дует с востока, он ткёт причудливую смесь. Чёрный перец, гвоздика, мускат. Я добавил бы ещё запах жареных кофейных зёрен. Совсем чуть-чуть. На кончике ножа. Когда же ветер дует с запада, весь дом воняет палёной резиной. Каждый угол, даже вещи в шкафу, даже чемодан под кроватью. Я не верю ветру. Уж слишком хлопочет он о своём одиночестве. Я скажу когда-нибудь ветру: «Да, конечно, ты умный мальчуган. Ты прекрасно понимаешь, когда можно шалить, а когда нет. У тебя есть родители. День и ночь. Отец и Мать, Отец любит тебя и прощает тебе всё. Мать держит себя строго. Ты ходишь и скулишь днём, в надежде, что отец приласкает тебя, покинутого и одинокого. Обласканный, ты тут же становишься наглым и злым. Но отец, как всегда, не наказывает тебя. Матери ты боишься и. обычно, ночью ты тише спящего. Ты позволяешь себе гнусные выходки только тогда, когда мать чувствует себя неважно. У неё больное сердце. Все сердечники чувствуют себя плохо осенью и весной. Ты знаешь это. Вот брат твой — дождь — честнее тебя. Он одинаково не уважает ни отца, ни матери.» Дождь вновь прекратился. Нынче бы час хорошей погоды. Солнце ещё не задохнулось. Дождь ведь был не осенним. Реквием осени? Последнее яблоко падает в медный таз. Зима? Нет, это не сейчас. Сейчас весна.

Простодушный открывает ключом двери, Моя квартира. Я полчаса назад кормил кошку, а мне кажется, что я ушёл отсюда вчера. Я не говорил ни с кем тридцать минут, а мне кажется, что я тридцать лет провёл в безлюдной пустыне. Я молчал, я не произнёс ни слова, я не имел в этом потребности, Я никому не мешал своей немотой. На чашку кофе можно указать и рукой. Меня там все знают. Мой кофе и бутерброд. И кофе — очень крепкий.

В комнате темно и сыро. С потолка, захватив часть стены, расползлось мокрое, гнилое пятно. В углу, на стуле, заснул пиджак.

Дождь затих, и как будто, где-то, наверное, быть может, появилось в небе солнце. Я не вижу его, но отчего же не предположить. Когда я шёл домой, дождь хлестал меня по глазам и ветер был на его стороне. Я менял направление, но ветер бросал в меня дождь. Всегда в лицо. Было б солнце — оно пригрело б меня. Яркое солнце. Теперь я дома. Ветер и дождь мне не страшны. Я защищен. Я открою шторы и буду сквозь стёкла смеяться над ними: я спрятался, я в безопасности.

Простодушный подошёл к окну. Внезапно яркий луч солнца прорвался сквозь тучи и упал на пол. Простодушный вздрогнул, поспешно сдвинул шторы плотнее. Луч перепрыгнул к стене и резвым зайчиком вскочил Простодушному на лицо. Простодушный отшатнулся. Он крепко зажмурил глаза и закрыл лицо руками. Луч змеёй просочился сквозь пальцы и дерзко забрался под веки. На обратной стороне век луч разлился ослепительным оранжевым солнцем. И тогда Простодушный в ужасе закричал. Он всегда боялся солнца, и только уверения синоптиков в том, что день будет пасмурным и дождливым, сделали Простодушного смелым. Крик Простодушного обезумевшей птицей заметался под потолком. Соседи справа раздражённо застучали в стену.

1994